

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 4 (131) / 2024

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, Э. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

- Бабук А. В.* Аббревиатуры и сокращения как средства
маскировки денотата и экспликации речевой агрессии
в компьютерно-опосредованной коммуникации
(на материале русского и английского языков).....7
- Биюмена А. А., Вьюнова Л. М.* Метафорические модели
в образовательном видеоблоге на русском и английском языках 16
- Глазко П. П.* Иерархия модусных категорий и модальности
в медиадискурсе США и Беларуси 27
- Дорофеев М. Л.* Урбанонимные ориентиры во внутригородской
топонимии Беларуси и Франции 38
- Луцинская О. В.* Репрезентация дискурс-категории «время»
с учетом жанрово-тематической реализации медиатекстов
в белорусских онлайн-изданиях..... 48
- Метлушко И. В.* Структурно-семантическая организация мнемического
нарратива о хатынской трагедии 60
- Михалькова Н. В.* Мотивированность иероглифических обозначений
зоонимов (на материале детерминативов сложных знаков
китайской письменности)..... 71

Романское и германское языкознание

- Ляшенко Е. С.* Предикаты параметрического изменения:
семантико-синтаксический аспект
(на материале текстов глянцевого журнала) 82

Исследования славянских языков

<i>Климкович О. А.</i> Диалогичность в старобелорусских и старорусских приговорах судов второй половины XV в.	92
<i>Ло Чжэнцзинь.</i> Деривационный потенциал наименований животных в современном русском языке	103

Литературоведение

<i>Анапрэенка Н. Я.</i> Гнасеалагічная і эстэтычная парадыгмы ў літаратуры пачатку XX ст. (на прыкладзе творчасці М. Багдановіча)	113
<i>Радион Е. Н., Кирейчук Е. Ю.</i> Interpreting Literature in the Contemporary Philosophical and Humanitarian Paradigm.....	122
<i>Тарасава Т. М.</i> Навелістычная проза Алеся Гаруна: тэхніка сюжэтабудовы.....	134
<i>Яромка М. В.</i> Асэнсаванне ідэй «Руху 4-га мая» ў творчасці Ба Дзіня.....	142

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Babuk A.</i> Abbreviations and Acronyms as Means of the Denotatum Disguise and Speech Aggression Explication in Computer-Mediated Communication (Based on Russian and English Languages).....	7
<i>Biyumena A., Viunova L.</i> Metaphorical Models in Russian and English Educational Video Blogs.....	16
<i>Hlazko P.</i> The Hierarchy of Modus Categories and Modality in Media Discourse of the Usa and Belarus.....	27
<i>Darafeyenka M.</i> Urbanonym Landmark in the Intracity Toponymy of Belarus and France.....	38
<i>Luschinskaya O.</i> Representation of the Discourse Category “Time” with the Focus on Genre and Thematic Realisation of Media Texts in the Belarusian Online Editions	48
<i>Metlushko I.</i> Structural and Semantic Organization of the Mnemonic Narrative about the Chatyn Tragedy.....	60
<i>Mikhalkova N.</i> Motivation Principles of the Chinese Characters with Zoonymic Semantics (Based on the Radicals of Complex Signs)	71

Romance and Germanic Linguistics

<i>Lyashenko Y.</i> Predicates Denoting Parametric Change: Semantic and Syntactic Aspect (Based on the Texts of Glossy Magazines)	82

Slavonic Languages

<i>Klimkovich V.</i> Dialogicity in the Old Belarusian and Old Russian Court Verdicts of the Second Half of the XV Century	92
<i>Luo Zhengjin.</i> The Derivational Potential of Russian Animal Names.....	103

Literary Studies

<i>Anapreyenka N.</i> Epistemological and Aesthetic Paradigms in Literature of the Early 20th Century (Using the Example of M. Bagdanovich's Creativity)	113
<i>Radion E., Kireichuk E.</i> Interpreting Literature in the Contemporary Philosophical and Humanitarian Paradigm.....	122
<i>Tarasava T.</i> Short Stories by Ales Harun: Plot Structuring Technique	134
<i>Yaromka M.</i> Reflection on the "May Fourth Movement" Ideas in Ba Jin's Works.....	142

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'276:004.738.5

Бабук Александр Вадимович

кандидат филологических наук,
заместитель директора – директор
по науке и информационным технологиям,
Национальная библиотека Беларуси,
Республики Беларусь,
г. Минск, Беларусь

Alexander Babuk

PhD in Philology,
Deputy director general – director of
science and information technology,
National Library of Belarus
Minsk, Belarus
alexander-babuk@yandex.ru

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВА МАСКИРОВКИ
ДЕНОТАТА И ЭКСПЛИКАЦИИ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ
В КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на материале русского и английского языков)

ABBREVIATIONS AND ACRONYMS AS MEANS OF THE DENOTATUM
DISGUISE AND SPEECH AGGRESSION EXPLICATION
IN COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION
(Based on Russian and English Languages)

Статья посвящена аббревиатурам и сокращениям как инструментам маскировки денотативного компонента текста и выражения различных типов речевой агрессии. Подчеркивается, что данные языковые элементы, будучи заимствованными из западно-европейских языков (прежде всего, английского), сперва применялись в качестве средств официально-делового стиля, затем использовались в речи деклассированных элементов и единицах интернет-жаргона. С опорой на примеры из английского и русского языков обосновывается мысль, что в современных условиях в компьютерно-опосредованной коммуникации аббревиатуры и сокращения активно применяются злоумышленниками, орудием правонарушения которых является слово.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аббревиатуры; сокращения; маскировка; денотат; речевая агрессия; компьютерно-опосредованная коммуникация.

The article is dedicated to abbreviations and acronyms used as means of the denotative component disguise in the text and the explication of various types of speech aggression. It is emphasized that abbreviations and acronyms borrowed from Western European languages (primarily English) first became the language of official business style, then the speech of communication of déclassé elements and Internet jargon units.

Based on examples of English and Russian languages, the idea is substantiated that abbreviations are actively used by offenders whose crime weapon is a word in modern conditions of computer-mediated communication.

Key words: abbreviations; acronyms; disguise; denotatum; speech aggression; computer-mediated communication.

Динамика языка обусловлена нейролингвистической особенностью работы мозга человека, которая заключается в наименьшем расходе запасов физических сил, энергии и времени на решение любой поставленной задачи, в том числе и языковой. Этим объясняется стремление человека к языковой экономии, т.е. передаче максимально ярко выраженного смысла высказывания с использованием минимальных речевых средств.

Одно из следствий этой экономии в разговорной речи заключается в стремлении говорящего к *универбации* – типу компрессивного словообразования, при котором словосочетание преобразуется, как сообщает Е. А. Зуева, в «однословную номинацию» [1, с. 5] путем сохранения основы главного слова. Результат универбации состоит в образовании слов-универбантов, создаваемых различными способами, самым популярным из которых является суффиксация *-к(а), -ик, -ин(а), -иц(а), -ак, -н(я), -к(и), -ух(а), -ач, -ур(а)* [1, с. 6] (*зарубежная литература – зарубежка, партийный билет – партийка, конное войско – конница*). Поначалу подобные универбанты разговорной речи носили в основном эмоционально-экспрессивный характер (*обязаловка, уравниловка*), затем они стали активно употребляться в процессе повседневного социально-бытового общения (*коммуналка – коммунальная квартира, социалка – социальное пособие, ветрянка – ветряная оспа*). Именно универбация в динамике языка привела к аббревиации – процессу образования аббревиатур.

Аббревиатура (ит. *Abbreviatura*, от лат. *brevis* ‘краткий’ [2, с. 9]) – это «слово, образованное на базе словосочетания путем значительного сокращения его единиц» [3, с. 9]. Этимология самого слова восходит к так называемым аббревиаторам (лат. *abbreviator*, от лат. *abbreviare*; лат. *ab* ‘от’ и лат. *brevis* ‘короткий’, т.е. *сократители*) – лицам, которые служили секретарями при папском дворе и занимались сокращением писем и протоколов [4, с. 12]. В зарубежной лингвистике аббревиатуры часто называют *акронимами*, под которыми понимают любые сокращения, в том числе и различные редуцирования многосложных слов путем усечения их основ (*adj. – adjective, prep. – preposition*) [5, р. 1].

Согласно словарю лингвистических терминов, аббревиатуры бывают следующих типов: 1) инициальные или буквенные, произноше-

ние которых осуществляется по первым буквам исходных составных слов (БГУ [бэ-гэ-у] – *Белорусский государственный университет*, БТ [бэ-тэ] – *Белорусское телевидение* и т. д.); 2) сложносокращенные, включающие в состав несколько слов или их основ (*главком, совбез* и т. д.); 3) смешанные, включающие синтез двух предыдущих видов. Все типы названных аббревиатур активно используются в современной коммуникации [6, р. 378].

Аббревиация как процесс образования аббревиатур в языке осуществляется путем использования начальных букв слова (*КВН, ООН, ЕСПЧ* и т. д.), а также сокращения частей слов (*управдом, горисполком, комбриг, замполит, главбух* и т. д.) или сочетание части слова с целым словом (*завкафедрой, стройбанк* и т. д.). До начала XX в. в сфере социально-бытового общения аббревиатуры были типичны в основном только для западноевропейских языков. Проникновение аббревиатур в современный русский язык связано с различными общественными трансформациями, вызванными в первую очередь революцией 1917 г. и образованием СССР, где возникла советская культура, которая требовала создания новых общественных институтов и, соответственно, собственных (*Владлен – Владимир Ленин, Дамир – Даешь мировую революцию*) и нарицательных (*КПСС – Коммунистическая Партия Советского союза, ЗАГС – Запись актов гражданского состояния*) имен, а также имен, связанных с деятельностью советского государства и идеологией коммунизма. Именно поэтому подобные языковые элементы изначально чаще употреблялись в официально-деловой переписке. Затем в связи с формированием исправительно-трудовой системы в СССР в 1920–1930 гг. аббревиатуры стали также существенной частью языковой культуры деклассированных элементов (*БАРС – татуировка «Бейте активистов, режьте стукачей», ББК – папиросы «Беломорканал», БДС – Бич дальнего следования, ЖНССС – Жизнь научит смеяться сквозь слезы* [7]).

Первоначально подобные сокращения встречались в основном в деловой речи, где они закрепились в качестве повторяющихся компонентов [3, с. 9], таких как *гос-* (*госструктура, госучреждение*), *гор-* (*горисполком, горбольница*), *обл-* (*облисполком, облсовет*) и т. д. Затем аббревиатуры начали использоваться в языке социально-бытовой коммуникации, причем постепенно с увеличением частотности употребления некоторые из них трансформировались из собственных в нарицательные существительные (*вуз – высшее учебное заведение, дзот – перевоземляная огневая точка, дот – долговременная оборонительная точка*). В современных условиях аббревиатуры часто употребляются в качестве неологизмов,

которые появляются в языке в связи с определенными глобальными социальными процессами, изменениями и вызовами. Так, например, возникшая пандемия коронавируса в конце 2019 г. привела к созданию соответствующей аббревиатуры (*COVID-19 – coronavirus disease*), которая в 2020 г. стала самым популярным неологизмом.

От непосредственно аббревиатур необходимо отличать *сокращения*, под которыми понимают: 1) Эллиптическую форму речи, конвенционально используемую в некоторых коммуникативных ситуациях (например, *т. е., и т. д., и т. п.*); 2) Редуцированное произношение некоторых словофонем под воздействием быстрого темпа речи (*лана – ладно*); 3) Уменьшение протяженности речевого сигнала (звуков, морфов) и замена речевого сообщения более экономными кодами [8, с. 439–440]. Подобные сокращения типичны в современной компьютерно-опосредованной коммуникации, для субъектов которой они становятся средствами языковой идентичности, т. к. их идентифицировать могут только лица, владеющие терминами компьютерного жаргона и глубоко погруженные в контекст и коммуникативную ситуацию. В основе аббревиации и акронимизации как процесса образования сокращений лежит языковая игра – лингвистический прием, представляющий собой языковую шутку [9, с. 16], где говорящий сознательно отступает от речевых норм и правил с целью создания комического эффекта. С точки зрения субкультуры так называемого «сетикета» или «нетикета» (от англ. *net* 'сеть' и франц. *etiquette* 'этикет') – совокупности норм и правил речевого поведения субъектов в интернет-дискурсе – подобные отклонения рассматриваются в качестве проявления лингвокреативности говорящего.

В современной речи языковая игра становится инструментом формирования *жаргона* – специфического социолекта, субъекты которого принадлежат к какой-либо группе, объединенной по определенному социолингвистическому признаку (пол, возраст, родной язык, хобби, профессиональная принадлежность и т. д.). Особенность образования жаргонных неологизмов заключается в процессе так называемого «семантического сдвига» [10, с. 87], когда лексема утрачивает свое первоначальное значение и приобретает то, которое актуально для данного контекста и коммуникативной ситуации.

После распада СССР в связи с компьютеризацией общества возник так называемый интернет-жаргон, который стал частью разговорной речи, носящей устно-письменный характер. Специфика интернет-жаргона как социолекта заключается в объединении по признаку принадлежности к компьютерно-опосредованной коммуникации его субъектов, которые

могут общаться виртуально на условиях анонимности с использованием вымышленного образа, созданного на основе никнейма (компьютерного имени) и аватарки (картинки).

В современной компьютерно-опосредованной коммуникации аббревиатуры и сокращения применяются при совершении правонарушения, орудием которого является слово, используемое как с целью маскировки предмета речи, так и для экспликации различных типов речевой агрессии. В первом случае речь идет о правонарушениях, связанных с распространением наркотических средств и запрещенных веществ, где слова применяются в несвойственных для них значениях с целью маскировки денотативного компонента текста. Во втором случае речь идет о действии, под которым подразумевается, как пишет Ю. В. Щербинина, «негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [11, с. 13]. С точки зрения криминалистики все действия, совершаемые субъектом в компьютерно-опосредованной коммуникации, являются преднамеренными, т. к. злоумышленник, как правило, располагает временем, чтобы хорошо обдумать текст перед опубликованием, а также отредактировать его или вовсе удалить.

При маскировке предмета речи говорящий применяет различные речевые средства и лингвистические приемы в качестве инструментов импликации денотата. Используя языковые элементы с целью сокрытия следов преступления, к маскировке денотата обычно прибегают лица, связанные с распространением и употреблением наркотических средств и запрещенных веществ. Они, как правило, распространяют эти вещества под видом какой-либо несертифицированной продукции (бытовой химии, продуктов питания, предметов быта и т. д.) [12]. Так, одним из широко применяемых сокращений среди распространителей наркотических средств при маскировке предмета речи в компьютерно-опосредованной коммуникации является число 420, денотативное значение которого – марихуана. Использование данного числового обозначения связано с распространением курения марихуаны в североамериканской субкультуре в 1970-е гг., когда группа подростков одной из калифорнийских школ собиралась после окончания уроков в 16:20 (4 ч 20 мин) на улице, чтобы «покурить траву» и обсудить насущные вопросы.

В других случаях при совершении вербального правонарушения говорящий прибегает к использованию аббревиатур и сокращений и тем

самым воплощает иллокутивную (перлокутивную) силу высказывания с помощью различных средств речевого воздействия, оформляющих его в различные типы речевой агрессии.

Наиболее популярными типами такой агрессии являются следующие:

- *угроза* – тип речевой агрессии, при котором говорящий выражает намерение совершить в отношении адресата небенефактивные действия. Угроза может подразумевать вербально выраженные санкции за содеянное в прошлом (угроза-наказание) или содержать каузируемое, за выполнение или невыполнение которого говорящий обещает совершить небенефактивные действия. В компьютерно-опосредованной коммуникации угроза чаще всего является составной частью *кибербуллинга*, представляющего собой «периодически повторяющийся агрессивный поведенческий акт с намерением нанести ущерб или причинить вред конкретному индивиду (жертве), который не в состоянии себя защитить» [13, с. 87]. В английском языке при кибербуллинге активно применяются инициальные аббревиатуры: *ESAD (Eat shit and die) – Подавись и сдохни!*; *I'm here DTK (Down to kill) you – Я здесь, чтобы убить тебя*;

- *кибергруминг* – тип речевой агрессии, направленный на установление контакта говорящего с жертвой (чаще всего несовершеннолетней) с целью последующего принуждения к каким-либо действиям сексуального характера. При кибергруминге говорящий знакомится со своей потенциальной жертвой для завоевания ее доверия. В случае, если целью говорящего является непосредственное вступление в половой контакт с жертвой, ему необходимо получить как можно больше сведений о ней, для чего он использует типичные речевые клише знакомства в интернет-пространстве, в том числе аббревиатуры: *A/S/L (Age/sex/location) – Возраст/пол/месторасположение*. Чаще всего говорящий использует аббревиатуры, имплицитно выражающие принуждение к действиям сексуального характера: *WTGP? (Want to go private?) – Ты хочешь уединиться?*; *GYPO (Get your pants off) – Сними нижнее белье*; *8 (ate) it – Съешь это*;

- *оскорбление* – тип речевой агрессии, предполагающий создание интенциональных иллокутивных высказываний, которые содержат негативную оценку лица, выраженную в нормативной или ненормативной форме. В современном англоязычном интернет-дискурсе средством негативной оценки все чаще выступает аббревиация: *You and all your family are FUBAR (f*cked up beyond repair) – Ты и вся твоя семья еб*тые*; *I don't want to see at your SEG (sh*t-eating grin) – Не хочу видеть твою г*ноедскую ухмылку*; *YAPITA (You're pain in the a*s) – Ты есть заноза в зад*це*;

- *экстремизм* – тип речевой агрессии, предполагающий создание иллокутивных высказываний, содержащих негативную оценку лица по какому-либо признаку (язык, раса, национальность, религия или принадлежность к какой-либо группе) и выраженное на этом основании побуждение к насильственным действиям: *All 13/90 are pigs. We must kill 13/90 – Все 13/90 – свиньи. Мы должны убить их.* Объектом побуждения к насильственным действиям в данном высказывании выступают чернокожие американцы, обозначенные цифрами *13/90* (этимология обусловлена тем, что численность чернокожих составляет 13 % от общего количества населения США и при этом по статистике 90 % всех преступлений в США совершаются представителями негроидной расы). В подобных аббревиатурах, сокращениях и буквосочетаниях могут быть зашифрованы имена личностей, значения основных дат, событий, названия экстремистских формирований (*4/20* – день рождения А. Гитлера, *14/88* – 14 слов и 88 заповедей идеолога расизма Д. Лайна, *311* – числовое обозначение организации Ку-Клукс-Клан и т. д.) [14, с. 282–283]. В русском языке подобным англоязычным акронимам в экстремистском дискурсе соответствуют свои аббревиатуры: *СЛОН* – *Смерть легавым от ножа*, *КГБ* – *Кодла государственных бандитов* [14, с. 286] и т. д.;

- *клевета* – тип речевой агрессии, при котором говорящий распространяет ложную информацию о негативной деятельности лица в форме категорического утверждения о факте, порочащем его деловую репутацию и авторитет. «Иллокутивная сила клеветнических высказываний заключается в обвинении адресата в том, чего он не совершал» [15, с. 75]. Как и при угрозе, формой клеветы может выступать и кибербуллинг (травля) – публичное воздействие на адресата, осуществляемое путем публичного (интерперсонального) распространения негативной оценки деятельности лица в публичном пространстве компьютерно-опосредованной коммуникации: *Yesterday she became a FWB (friend with benefits) at the school-party. I was her sex-partner. – Вчера она стала ПСП («подругой с привилегиями»). Я был ее сексуальным партнером.*

Во всех перечисленных типах речевой агрессии упомянутые конструкции могут встречаться и в форме иных вариантов аббревиации: редуцированного высказывания говорящего (*ТКВПВО* – *Ты, коз*л вон*чий, пошел вон отсюда*); вульгарного сокращения (*МК* – *муд*к кон*енный*) и т. д.

В современных условиях, как пишет Ю. М. Кувшинская, применение аббревиатур и сокращений представляется наиболее привлекательным для любого злоумышленника, орудием совершения правонарушения которого выступает слово [16, с. 32]. Как видно из приведенных примеров, в боль-

шинстве своем в подобных интернет-текстах, содержащих криминалистически значимую информацию, преобладает употребление инициальных аббревиатур. Это обусловлено недоступностью их для понимания адресату, не относящемуся к группе субъектов компьютерно-опосредованной коммуникации. Дешифровать подобные языковые элементы могут только лица, погруженные в коммуникативную ситуацию. Вот почему как при маскировке денотативного компонента текста, так и при экспликации различных типов речевой агрессии используемые аббревиатуры и акронимы являются эвфемизмами – словами, которые формально делают высказывание более нейтральным, что, в свою очередь, объясняет целесообразность создания дополнительного инструментария для их описания и расшифровки в ходе судебной лингвистической экспертизы текста.

Таким образом, аббревиатуры и сокращения являются важной частью языка современной коммуникации. Изначально подобные языковые элементы употреблялись в западноевропейских языках (в частности, в английском), а затем после революционных событий 1917 г. стали применяться в официально-деловом стиле русского языка и в русскоязычном жаргоне деклассированных элементов. В современных условиях глобальных социальных трансформаций аббревиатуры и акронимы в компьютерно-опосредованной коммуникации стали средствами (с целью маскировки предмета речи) совершения правонарушений при распространении наркотических веществ, а также инструментом формирования локуции текста в различных типах речевой агрессии (угроза, кибергрумминг, оскорбление, экстремизм, клевета). Во всех названных случаях аббревиатуры и сокращения применяются с целью языковой экономии и эвфемизации в высказываниях, принадлежащих субъектам соответствующего социолекта. В связи с этим возникает необходимость создания инструментов описания и дешифровки аббревиатур, сокращений, необходимых для проведения судебной лингвистической экспертизы текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуева, Е. А. Универбация в близкородственных русском и белорусском языках: деривационный и лексико-стилистический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.02.; 10.02.01 / Е. А. Зуева ; Минск, 2023. – 30 с.
2. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.

4. Православная богословская энциклопедия / под ред. А. П. Лопухина – Петроград, 1900. – Т. 1. – 1128 с.
5. *Crystal, D. A. Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. A. Crystal. – 6th ed. – Oxford : Blackwell Publishing, 2008. – 529 p.*
6. *Imre, A. Categorizing and translating abbreviations and acronyms / A. Imre // Open Linguistics – 2022. – N. 8. – P. 378–389.*
7. *Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю: 27 000 слов и выражений / М. А. Грачев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003 – 1120 с.*
8. *Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М. : Сов. энцикл., 1969. – 608 с.*
9. *Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.*
10. *Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/ хорватского языков / Б. Тошович. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 557 с.*
11. *Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды : учеб. пособие / Ю. В. Щербинина – М. : ФОРУМ, 2015. – 400 с.*
12. *Бабук, А. В. Выявление маскировки наркотических средств как предмета речи при проведении судебной лингвистической и фоноскопической экспертиз / А. В. Бабук // Следственная деятельность. – Вып. 3 – № 1 (3). – Минск : СтроймедиаПроект, 2023. – С. 203–218.*
13. *Бабук, А. В. Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе / А. В. Бабук // Российский девиантологический журнал. – СПб, 2022. – 2(1). – С. 85–92.*
14. *Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности : монография / О. Н. Матвеева [и др.] ; под ред. О. Н. Матвеевой – Барнаул : Новый формат, 2016. – 351 с.*
15. *Бабук, А. В. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о клевете в зарубежных странах / А. В. Бабук // Судебная экспертиза Беларуси – Минск : 2023 – 2 (17). – С. 75–79.*
16. *Кувшинская, Ю. М. Аббревиация в речи интернет-форумов / Ю. М. Кувшинская // Современный русский язык в интернете / под ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – С. 23–38.*

Поступила в редакцию 29.04.2024

Биумена Анна Александровна

доктор филологических наук,
доцент, доцент кафедры
речеведения и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Biyumena

Doctor of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speechology and Theory of Communication
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a_mesyats@mail.ru

Вьюнова Любовь Михайловна

студент
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Liubov Viunova

student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bybasinona@yandex.by

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ВИДЕОБЛОГЕ
НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

METAPHORICAL MODELS
IN RUSSIAN AND ENGLISH EDUCATIONAL VIDEO BLOGS

В статье рассматривается использование в образовательном видеоблоге на русском и английском языках таких частных метафорических моделей, как артефактная, природная, социальная, антропоморфная. Сравниваются тенденции употребления метафор в речи русскоязычных и англоязычных блогеров, определяются различия и сходства в их использовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: видеоблог; метафора; частная метафорическая модель; русский язык; английский язык.

The article examines the use of such specific metaphorical models as artifact, natural, social, anthropomorphic in educational video blogs in Russian and English. Examples of metaphors in the speech of Russian- and English-speaking bloggers are compared, and differences and similarities in their use are identified.

К е у w o r d s: video blog; metaphor; specific metaphoric model; Russian language; English language.

В условиях цифровой эпохи особой значимостью для общества обладает интернет-коммуникация, одной из форм которой является блог, представленный в текстовом, графическом, аудио- или видеоформате

и характеризующийся неофициальностью, эмоциональностью и индивидуальностью в подаче информационного контента [1, с. 115]. В блоге находят отражение все сферы жизни человека. В зависимости от тематики выделяют политические, информационно-аналитические, спортивные, образовательные блоги, быт-блоги, блоги о моде, путешествиях, музыке, кино, здоровье, бизнес-блоги и т.п. [2, с. 122].

Особой популярностью в современном киберпространстве пользуются видеоблоги, позволяющие передавать информацию и оказывать воздействие на аудиторию аудиовизуальным путем. Одним из типов такого блога является образовательный видеоблог, который представляет собой любой выгружаемый на онлайн-платформу видеоконтент просветительской направленности. Содержательно такие блоги охватывают видео, связанные с определенной сферой науки, освоением навыка, а также процессом обучения в целом. Блогерам, создающим образовательный контент, необходимо доходчиво объяснять материал и вызывать интерес слушателей, что достигается в том числе с помощью языковых средств.

Данная статья посвящена исследованию метафор, используемых в образовательных видеоблогах на русском и английском языках. Материалом исследования послужили 60 видеороликов YouTube-блогеров, охватывающих такие темы, как эффективные тактики обучения, методы изучения иностранных языков, создание литературных произведений.

Метафора как языковое средство отражает особенности мышления, поскольку понятийная система, в рамках которой личность думает и действует, по своей сути метафорична [3, с. 25]. Использование данного языкового средства может быть как намеренным, так и ненамеренным. Некоторые метафорические образы могут создаваться блогерами в целях привлечения внимания аудитории, упрощения восприятия информации. В то же время широкое распространение имеют так называемые стертые метафоры, утратившие образное значение.

В соответствии со сферой-источником метафоры А. П. Чудинов выделяет такие частные метафорические модели, как артефактная, социальная, антропоморфная и метафора природы [4, с. 53]. На рис. 1 показано их процентное соотношение в проанализированных образовательных видеоблогах на английском языке, на рис. 2 – на русском языке.

Рис. 1. Частные метафорические модели в образовательных видеоблогах на английском языке

Рис. 2. Частные метафорические модели в образовательных видеоблогах на русском языке

Как показано на рисунках, в видеоблогах на обоих языках прослеживается одинаковая тенденция: наиболее частотной является *артефактная метафора*, наименее распространенной – *антропоморфная метафора*.

В основе артефактной метафоры лежат понятия, обозначающие предметы, созданные человеком. В исследуемых видеороликах были обнаружены следующие подтипы артефактной метафоры: метафора архитектуры, досуга, аксессуаров, инструментов, а также строительная, механистическая, гастрономическая метафора. Артефактная метафора составляет 41,27 % и 46,05 % от общего числа проанализированных метафор на русском и английском языках соответственно.

Артефактная архитектурная метафора связана с концептами, относящимися к частям зданий и архитектурным конструкциям. Широкое распространение в образовательных видеоблогах на английском языке имеет метафора *мост*. В некоторых случаях она используется для того, чтобы показать единение, связь: *Acquiring a language is a very important **bridge** between what you hear and what you understand, and what you intent*

to say and you put into words ‘Овладение языком – это очень важный **мост** между тем, что вы слышите, и тем, что вы понимаете, и тем, что вы хотите сказать и выражаете словами’ (здесь и далее перевод наш. – А. Б., Л. В.) (linguaholic); *There’s something quite oxymoronic to it because you’ve got this **bridge** connecting two things together, but there’s also a gap* ‘В этом есть что-то оксюморонное, потому что есть **мост**, соединяющий две вещи, но при этом существует и разрыв’ (The StudyTube Project). Эта же метафора может употребляться и в противоположных целях, чтобы показать отдаленность отдельных явлений друг от друга: *In the early stages learning a language we tend to analyse the sentence, we take it apart, we translate it literally into our native language, rather than just reading the meaning, so this **bridge** can only be made shorter by lots of content* ‘На ранних этапах изучения языка мы склонны анализировать предложение, разбирать его на части, переводить буквально на родной язык, а не просто считывать смысл, поэтому этот **мост** можно сделать короче только с помощью большого количества контента’ (linguaholic); *And the point of that is not to speak perfectly in terms of pronunciation, but to reduce that **bridge** between what you try to say and then when you are actually able to say it* ‘И смысл заключается не в том, чтобы говорить идеально с точки зрения произношения, а в том, чтобы сократить этот **мост** между тем, что вы пытаетесь сказать, и тем, когда вы действительно способны это сказать’ (linguaholic). В проанализированных видеоблогах на русском языке данная метафора не выявлена.

В видеоблогах на обоих языках встречаются примеры использования метафоры *фундамент/foundation*, в которых прослеживается связь между фундаментом как основой здания и языковыми навыками как основой изучения иностранного языка: *Восприятие на слух – **фундамент**, а остальные три навыка растут параллельно* (Evgeny Eroshev); *It’s really nice to have a solid **foundation** of grammar* ‘Очень хорошо иметь прочный фундамент грамматики’ (The Bliss Bean).

В видеороликах встречается артефактная метафора досуга, которая в большинстве случаев связана с занятиями рукоделием и живописью: *Если бы я учила, не пытаясь **лепить** такие истории, а просто как индивидуальные факты, я бы звучала совершенно по-другому... Наши истории должны быть такими крупными **мазками написаны*** (Anastacia Kay); *It’s kind of like translation comes together as a **patchwork** of a ton of different resources... Let me **paint** some situations for you* ‘Перевод как бы складывается, как **пэчворк** из множества различных ресурсов... Позвольте **описать** вам несколько ситуаций’ (Elyse Speaks).

Распространенным примером артефактной метафоры аксессуаров является *багаж* и осуществляемые с ним действия: *Я считаю, что отличником может стать абсолютно любой человек, просто кому-то это дается сложнее, а кому-то это дается гораздо легче. Это зависит от того **багажа** знаний, который у вас уже есть* (AlexGoldenGirl); *So I hope you realise that that was just one stanza of a poem, yet there's so much **packed** in this little stanza* 'Надеюсь, вы понимаете, что это была всего лишь одна строфа стихотворения, но в этой маленькой строфе **упаковано** так много всего' (Robin Waldun).

Артефактная строительная метафора часто представлена глаголом *строить/build* и существительными и глаголами, связанными со строительным материалом: *Вы не понимаете, что значит это предложение, если его разобрать по частям. Вы не понимаете, как оно **строится*** (PLANETRINATV); *You're **building** this mental model in your head* 'Вы **строите** эту ментальную модель в своей голове' (Ali Abdaal); *Такие **кирпичики** создают личность правдоподобного персонажа* (Book_Patrol); *If you want to **cement** a word into your mind, if you get some background on it and some examples as soon as you learn it, it'll probably stay with you for longer* 'Если вы хотите, чтобы слово **закрепилось** в вашем сознании, если вы посмотрите контекст и примеры его употребления сразу после того, как вы его выучили, оно, вероятно, запомнится вам надолго' (Elysse Speaks).

Большое распространение в образовательных видеоблогах имеет артефактная метафора инструментов: *Вы выбираете, какие **инструменты** будете использовать для обучения* (Tanya Boguslavskaya); *First things first, I wanted to talk about different organisational **tools** that I use* 'Прежде всего, я хотела бы рассказать о различных **инструментах** для организации, которые я использую' (clarisseintheclouds).

Артефактная механистическая метафора представлена существительными, имеющими связь с понятием движения: *Персонажи – это **двигатель** сюжета* (Полина Парс); *Listen with a transcript or listen with lyrics. This kind of counts as like **training wheels** of listening, but it can be so beneficial to see the words first and then be able to recognise them afterwards* 'Слушайте с транскриптом или с текстом песни. Это можно считать **страховочными колесами** при обучении аудированию, так полезно сначала увидеть слова, а потом распознавать их' (Elysse Speaks).

В видеоматериалах на обоих языках встречаются примеры употребления артефактной гастрономической метафоры, в которых используются глаголы, обозначающие процессы, связанные с приготовлением пищи: *Очень часто ваш одноклассник или одноклассница может объяснить*

вам что-то даже лучше, чем это делает преподаватель, просто потому что преподаватель настолько давно **варится** в теме, что не всегда может увидеть какую-то информацию глазами человека, который только что эту информацию получил (Tanya Boguslavskaya); *The best way to actually absorb the information after you listen to it or read it is to toss it around in your brain a little bit, let it **simmer**, let it **marinate**, and then try to rewrite it in your own words* 'Лучший способ усвоить информацию после прослушивания или прочтения – это немного покрутить ее в голове, дать ей **потушиться, замариноваться**, а затем попытаться переписать ее своими словами' (The Bliss Bean).

Источниками метафоры природы может выступать мир растений (фитоморфная метафора), мир животных (зооморфная метафора), а также объекты и явления неживой природы (метафора неживой природы) [4, с. 132]. Метафоры природы в образовательных видеоблогах на русском языке составляют 23,81 %, на английском языке – 21,05 % от общего количества проанализированных метафор.

В качестве примера частотной фитоморфной метафоры в образовательных видеоблогах как на русском, так и на английском языках, можно выделить «стертую» метафору *поле/field*: *В принципе, лексическое **поле** в одной и той же теме плюс-минус одинаковое* (Alexandra Orlova); *If you can get languages that occupy different spaces and different **fields** in your life, that can be really effective* 'Если вы сможете заниматься языками, которые занимают разные места и разные **сферы** вашей жизни, это может быть действительно эффективным' (Elysse Speaks). Русскоязычный блогер использует метафору, которая является профессиональным термином, обозначающим совокупность лексических единиц, в то время как в высказывании на английском под словом *field* понимается сфера жизни человека. Тот факт, что в русском языке существует метафора *поле*, обозначающая, как в примере с *field*, сферу деятельности, и в английском языке словосочетание *lexical field* – эквивалент термину лексическое поле, свидетельствует о том, что различия в значении данных метафор обусловлены контекстом.

Зооморфная метафора редко встречается в исследуемом типе видеоблога. Приведем пример «стертой» метафоры, которая является термином: *Если вы замечаете, что очень часто используете **слова-паразиты**, старайтесь себя контролировать и исключать их из своей речи* (PLANETRINATV). В блоге на английском языке можно выделить случай сравнения части тела животного с физическим препятствием: *And often when you get over the **hump** of just starting work, you find it's actually a lot easier*

continue 'И зачастую, когда вы преодолеваете **барьер** [букв. *горб*], начиная работу, вы понимаете, что на самом деле продолжить гораздо проще' (UnJaded Jade).

Достаточно часто в речи видеоблогеров встречается такая метафора неживой природы, как *пузырь/bubble*: *Университет не ограничивает вашу жизнь в **пузырь**, исходя из которого вы должны получать знания только там* (Nova Utrom); *You're in the **bubble** of uni* 'Вы находитесь в **пузыре** университета' (UnJaded Jade). В видео на русском языке блогер использует метафору *пузырь* в негативнооценочном значении для демонстрации замкнутости. Говорящий объясняет, что существует множество источников получения знаний помимо университета. Во втором примере автор использует слово *пузырь* тоже в качестве метафоры для обозначения замкнутости, однако это качество преподносится с положительной стороны, ведь оно гарантирует безопасность студентам. Как видно из приведенных примеров, различия в значениях метафор в речи блогеров обусловлены не языком говорящего, а контекстом употребления соответствующего слова.

Социальные метафоры представлены в 17,46 % примеров на русском языке и в 18,42 % на английском. В исследуемом материале наиболее часто встречаются такие разновидности социальной метафоры, как военная, спортивная, театральная, криминальная, а также метафора пути.

В рамках анализируемого контента образовательных видеоблогов на русском языке примеров употребления социальной военной метафоры не обнаружено, в то время как в блогах на английском языке распространена метафора *weapon* 'оружие': *So once you're excited about learning a new language **learning weapons** at the ready, you got to make it actually happen* 'Итак, как только вы загорелись желанием выучить новый язык, **вооружение** для обучения уже наготове, осталось только воплотить все в жизнь' (The Bliss Bean); *Believe me when I say you can make the transformation to an **academic weapon** within one week* 'Верьте мне, когда я говорю, что вы можете стать **идеальным студентом** [букв. *учебным оружием*] за неделю' (Dennis I). Примечательно, что словосочетание из второго примера стало сленговым выражением, обозначающим способного, продуктивного, успешного студента. Впервые выражение было зафиксировано Urban Dictionary в 2016 году [5], но особую популярность обрело за последние несколько лет. Метафора *academic weapon* в том числе активно используется в составе заголовков видео.

В основе социальной спортивной метафоры во многих случаях лежит сравнение трудностей, возникающих при изложении мыслей на иностранном языке, с барьером как спортивным снаряжением: *На этом уровне ваша*

задача – побороть языковой **барьер** (PLANETRINATV); *But now, after a year, I don't feel any language **barrier** to my Australian friends* 'Но теперь, по прошествии года, я не чувствую никакого языкового **барьера** перед моими австралийскими друзьями' (linguaholic).

Самым распространенным примером социальной театральной метафоры является выражение *играть роль/play a part*, прочно закрепившееся в лексиконе носителей русского и английского языков: *Но в некоторых книгах такое существует, и некоторая стагнация развития героя тоже **играет важную роль*** (Полина Парс); *If you haven't heard about the dash before, I hope that this encourages you to start using it in your work and to have a think about how it **plays a part** in pieces of literature that you read* 'Если вы раньше не слышали о тире, надеюсь, это вдохновит вас на то, чтобы начать использовать его в своих работах и задуматься о том, какую оно **играет роль** в произведениях, которые вы читаете' (The StudyTube Project).

Социальная метафора пути представляет какой-либо процесс или жизненное направление как движение из точки А в точку Б: *Когда вы начинаете изучать язык и особенно когда у вас есть в нем слепые зоны, весь ваш **путь** и процесс будет сначала неинтересным и скучным* (PLANETRINATV); *Мне нужно было найти **дорогу** от русского слова «друг» в голове через ассоциации к корейскому эквиваленту* (PLANETRINATV); *Stay in your **lane**, do your clever thing, work hard, have your people and just don't worry about other people* 'Не сходите со своей **тропы**, занимайтесь своим разумным делом, усердно работайте, общайтесь со своими людьми и просто не беспокойтесь о других' (UnJaded Jade); *Letters were used to not only feel less isolated, but also to stop them [family members] from straying off and going off on the wrong **path*** 'Письма помогли не только чувствовать себя менее изолированными, но еще и предостерегать их [членов семьи] от выбора неправильного **пути**' (The StudyTube Project).

В анализируемых видео был выявлен следующий пример социальной криминальной метафоры: *Это странно, только если вы **убиваете** все свое свободное время на иностранный язык* (PLANETRINATV). Блогер наделяет высказывание эмоциональностью, с помощью слова с ярко выраженным негативнооценочным компонентом *убивать*, подчеркивая возможную бесполезность занятия иностранными языками при неправильном подходе.

В основе антропоморфной метафоры лежат такие понятия сферы, как «Части тела (органы) человека и физиологические действия», «Болезнь», «Родство», «Секс» [4, с. 53]. В образовательных видеоблогах на русском языке были выявлены физиологические мета-

форы, в блоге на английском языке встречаются также морбиальные метафоры и метафоры родства. На долю данного типа метафор в русскоязычном материале приходится 17,46 %, в англоязычном – 14,47 %.

Для обозначения нематериальной основы чего-либо блогеры зачастую используют такие слова, как *скелет*, *костяк*, *backbone*: *Прежде, чем начать читать, вы просматриваете материал, обращая внимание на его структуру, заголовок, подзаголовки и так далее, и в голове у вас должен сложиться некоторый такой **скелет** материала* (Tanya Boguslavskaya); *И если вы начнете с такого базового, но может быть не самого прогрессивного учебника, хуже не будет, потому что это **костяк**, на котором будут строиться ваши грамматические знания* (PLANETRINATV); *But either way, even if you are not consistent with all of these all the time, it's good to have some sort of language commandments as a **backbone** to remind you of what will help you the most in the long term* 'Но в любом случае, даже если вы не придерживаетесь всех этих правил все время, полезно иметь что-то вроде языковых предписаний как **основу**, чтобы напоминать о том, что поможет вам больше всего в долгосрочной перспективе' (Elysse Speaks); *Beautiful prose is not going to be built on the **backbone** of eight semicolons in a sentence* 'Красивая проза не будет написана на **основе** восьми точек с запятой в предложении' (ShaelinWrites). Скелет служит опорой тела живого организма, в образном значении свойства этой структуры переносятся на знания.

Физиологическая метафора подразумевает употребление в переносном значении слов, обозначающих как свойства частей тела и органов, так и их функции: *Информацию на английском легко **перевариваю** и не перевозжу в голове* (PLANETRINATV); *That's how you know you've basically **digested** a chapter really competently* 'И так вы узнаете, что действительно основательно **переварили** главу' (Robin Waldun). Переваренная пища – это усвоенная пища, соответственно, процесс качественного усвоения информация сравнивается с физиологическим действием.

Средствами реализации морбиальной метафоры могут выступать слова, обозначающие медицинские инструменты: *Use them [subtitles] as a **crutch** for when you absolutely need them* 'Используйте их [субтитры] как **костыль**, когда они вам совершенно необходимы' (Elysse Speaks). Люди прибегают к помощи костылей, когда имеют затруднения при ходьбе. В данном высказывании имплицитно, что человек, не понимающий речь на слух, без субтитров беспомощен, как человек с заболеванием нижних конечностей без костылей. Встречаются примеры метафоры, происходящей от причин и возбудителей болезни: *I found myself asking more*

*questions about how memes spread and how **viral** memes can become a part of our culture* ‘У меня возникало все больше вопросов о том, как распространяются мемы и как **вирусные** мемы могут становиться частью нашей культуры’ (Dr. Izzy Sealey). Вирус распространяется с большой скоростью, этим свойством наделяют и мемы в Интернете, так как в виртуальной среде любое сообщение может быстро охватить широкую аудиторию. Некоторые примеры связаны с симптомами болезней: *As a **side effect** of this, I realized that the things I was genuinely curious about really stuck in my memory so much more* ‘Как **побочный эффект**, я поняла, что темы, к которым я испытывала подлинный интерес, запоминались гораздо лучше’ (Dr. Izzy Sealey). Несмотря на то, что словосочетание *побочный эффект*, обозначающее нежелательную реакцию, имеет негативный оттенок, в данном случае оно используется в положительном значении.

Антропоморфная метафора родства представлена конструкцией *to be married to*, что дословно переводится как ‘быть замужем за’ или ‘быть женатым на’, тем самым обозначая родство по супружеству: *Or even questioning: why am I so **married** to routine?* ‘Или даже задаться вопросом: почему я так **привязана** к рутине?’ (UnJaded Jade); *I’m just not really **married** to any one note-taking app* ‘Я просто не **привязана** к какому-то одному приложению для заметок’ (The Bliss Bean). Личности, вступившие брак, имеют привязанность, зависят друг от друга. Таким образом, с помощью глагола *marry* можно выразить связь между человеком и объектом/явлением или между объектами.

Проведя анализ контента образовательных видеоблогов на русском и английском языках, можно сделать вывод, что метафоры широко используются в речи авторов, при этом в видеоконтенте на обоих языках соотношение частных метафорических моделей примерно одинаковое. Наиболее распространенной в речи как русскоязычных, так и англоязычных блогеров является артефактная метафорическая модель. Определенные подтипы метафор представлены только в видеоблогах на английском языке (социальная милитарная, антропоморфная морбиальная метафоры и антропоморфная метафора родства) или на русском языке (социальная криминальная метафора). При использовании метафор русскоязычными и англоязычными блогерами могут акцентироваться одинаковые или различные оценочные и коннотативные значения лексических единиц, что обычно обусловлено контекстом. Метафоры служат для привлечения и удержания внимания зрителей и облегчения восприятия информации, так как перенос представлений из одной сферы в другую обогащает речь и во многих случаях делает ее более запоминающейся.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ершова, Ю. А.* Отличительные черты и функции блога, как компонента интернет-дискурса / Ю. А. Ершова // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы : материалы Девятой междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 28 нояб. 2022 г. / Удмурт. гос. ун-т ; сост. Л. А. Юшкова. – Ижевск, 2022. – С. 111–118.
2. *Шамаев, И. Н.* Классификация блогов рунета / И. Н. Шамаев // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 9, Исследования молодых ученых. – 2013. – № 11. – С. 120–124.
3. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
4. *Чудинов, А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
5. Urban Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Academic%20Weapon>. – Date of access: 24.07.2024.

Поступила в редакцию 26.07.2024

Глазко Павел Петрович

кандидат филологических наук,
доцент, докторант кафедры
белорусского языка и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Pavel Hlazko

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of the Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
pavel.hlazko@gmail.com

ИЕРАРХИЯ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ И МОДАЛЬНОСТИ
В МЕДИАДИСКУРСЕ США И БЕЛАРУСИ

THE HIERARCHY OF MODUS CATEGORIES AND MODALITY
IN MEDIA DISCOURSE OF THE USA AND BELARUS

В статье рассматриваются особенности взаимодействия категории модальности с модусными категориями оценки, экспрессивности и эмотивности с позиции иерархических отношений в медиадискурсе США и Беларуси. Результаты лингвостилистического, контекстуального, семантического и трансформационного анализа свидетельствуют о паритетности модуса и модальности в простых модально-модусных комбинациях; подчиненности модусов модальным значениям оптативности и необходимости, а также координирующей функции модуса оценки по отношению к императивной модальности в модально-модусных комплексах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: блог; модальность; модус; оценочность; эмотивность; экспрессивность; *сопоставительная лингвистика*.

The article examines the peculiarities of the interaction between the category of modality and the modus categories of assessment, expressiveness, and emotiveness from the perspective of their hierarchical relationships in media discourse of the USA and Belarus. The results of linguistic-stylistic, contextual, semantic and transformational analyses indicate the parity of modus and modality in simple modal-modus combinations, the subordination of moduses to modal meanings of optativity and necessity, and the coordinating function of the assessment modus in relation to imperative modality in modal-mood complexes.

Key words: blog; modality; modus; expressiveness; emotiveness; comparative linguistics.

Представленное в данной статье сопоставительное исследование направлено на выявление особенностей взаимодействия в современном медиадискурсе значений субъективного спектра, а именно модальности и модуса. Хотя и модальность, и модус имеют общий субъективный

знаменатель, соотношение данных явлений в современной лингвистике трудно назвать однозначным. Некоторыми лингвистами модальность и модус рассматриваются как явления синонимичные [1]; в работах других ученых данные понятия считаются однопорядковыми и характеризуются отношениями включения, при этом модальность может быть интерпретирована как одна из модусных категорий [2; 3; 4], а модус – входить в состав функционально-семантического поля модальности [5]; третья группа мнений представлена идеями сторонников дифференцирующего подхода [6; 7], теоретическими основаниями которого выступают противоречивость онтологического статуса модуса и модальности (в терминах обязательного/факультативного характера), а также специфика их функциональных характеристик (функционально-семантическая или коммуникативно-прагматическая направленность).

Несмотря на большое количество исследований, посвященных изучению различных аспектов категорий модальности и модуса, интерес лингвистов к данным явлениям не угасает. Однако в фокусе внимания все чаще оказываются особенности взаимодействия этих категорий в дискурсе [8; 9; 10].

Цель нашей работы состоит в установлении закономерностей взаимодействия в медиадискурсе США и Беларуси модальных и модусных значений с точки зрения отношений иерархичности между ними.

При этом под модальными понимаются значения, образующие макрополя вероятности и волеизъявления. В структуру макрополя модальности вероятности входят проблематическая, простая, категорическая достоверность и возможность, а макрополе модальности волеизъявления включает в себя категории оптативности, необходимости и императивности [11]. Модусные категории представлены значениями оценки, экспрессивности и эмотивности, которые, на наш взгляд, в наиболее полной мере раскрывают субъективную сторону медиадискурса.

Актуальность нашего исследования обусловливается рядом факторов: во-первых, все большей важностью средств массовой информации для современного человека как представителя медиacentричного общества, в котором медиа в самом широком их толковании выступают основным источником информации и знаний об окружающем мире [12; 13]; во-вторых, большей убедительностью субъективной интерпретации фактов по сравнению с их объективным анализом [14]; в-третьих, укрепляющей свои позиции тенденцией к эмоционализации медиадискурса [15] и все большим проникновением в него принципов «новой искренности» [16; 17]; антропоцентрической направленностью современной науки, ввиду чего

изучение воздействующего потенциала любого вида дискурса по отношению к человеку как его потребителю приобретает особую значимость.

Материал исследования представлен 300 текстами (по 150 текстов на каждом языке), опубликованными разными авторами на их персональных сайтах (*becomingminimalist.com*, *gretchenrubin.com*, *tracysnewyorklife.com*, *tinybuddha.com*, *witanddelight.com*, *gnezdo.by*, *vasilissa.by* и др.) и в социальных медиа (Facebook и Instagram), а также 300 текстами персональных жанров (колонка, эссе, мнение – по 100 текстов в каждом из жанров на английском и русском языках), отобранными методом сплошной выборки на официальных сайтах газет США (*The New York Times*, *The Washington Post*, *The Atlantic*, *The Wall Street Journal* и др.) и Беларуси («Вечерний Минск», «Минский курьер», «Аргументы и факты в Беларуси», «Авангард», «Гомельские ведомости», «Маяк» и др.) за период с 2020 по 2023 год.

В результате лингвостилистического, контекстуального и семантического анализа с опорой на трансформационный анализ и анализ словарных дефиниций было установлено, что взаимодействие рассматриваемых явлений в дискурсе происходит в рамках простых модально-модусных комбинаций и сложных модально-модусных комплексов. Под простыми модально-модусными комбинациями понимаются сочетания одного модального и одного модусного значения в рамках одного контекста, например, модальности простой достоверности и модуса эмотивности: *I was grateful for his generosity, but deeply uneasy about the arrangement* 'Я была благодарна за его щедрость, но меня очень беспокоило такое положение вещей' (здесь и далее перевод наш. – П. Г.) [NYT1].

Модально-модусные комплексы представляют собой сочетания нескольких модальных значений с несколькими модусными, например, модальность оптативности + модальность необходимости + модус оценки + модус эмотивности: *Открыла «Пикник на обочине». И уже не могла оторваться, поскольку все эти гроздьё смыслов в нынешнем измерении обрели совершенно другую текстуру. Стругацкие предвидели и наше сегодня. Всё вот это «здесь и сейчас» – поцитатно, побуквенно, словно прямо с натуры писали, глядя в окно, и чернила еще не высохли. Откройте и вы. Получите ошеломительный эффект и много горького питательного бульона* [АиФ1]. В данном контексте представлен полный перечень рассматриваемых явлений: экспрессивные приемы лексического (метафоры, гиперболы, сравнение, эпитет) и синтаксического уровня (перечисление); проявление эмотивности (*ошеломительный*); положительная

оценка, имплицитно выраженная в модальном операторе (*не могла*), а также посредством сочетания имплицитного комиссива (*получите*) с эмотивной (*ошеломительный*) и экспрессивных единиц (*горький питательный бульон*); императивная модальность (*откройте*).

Традиционные печатные СМИ и новые медиа на двух языках характеризуются преимущественным сходством с точки зрения взаимодействия модальности и модусных категорий. В частности, в простых модально-модусных комбинациях категории модальности и модуса, будучи реализованными в рамках одного контекста, находятся в отношениях паритетности (т.е. являются равноправными компонентами авторского дискурса): *It's **good** for me to know I **can** stand on my own two feet* 'Осознание **способности** стоять на своих ногах является чем-то **хорошим**' [NYT2]; *Но даже скромные проявления технического прогресса **вдохновляют** и **радуют*** [МН]. В англоязычном примере модальное значение возможности (*can*) сочетается с модусным значением оценки (*good*), при этом модальное значение входит в состав подлежащего, а модусное актуализируется в составном именованном сказуемом. В русскоязычном примере модальность простой достоверности выражается в глаголах с эмотивным значением, в результате чего в рамках однородных сказуемых происходит наложение модального и модусного значений.

В модально-модусных комплексах можно наблюдать иерархичный характер взаимодействия исследуемых явлений. Так, в комплексах с модальными значениями оптативности или необходимости модусные значения являются вторичными, своего рода дополняющими и поясняющими дискурсивными интенсификаторами авторского желания или потребности: *From that day forward, I **was determined** to become the adult I wished I had been in my marriage, to be the **C.F.O. of my own life*** 'С того дня я **была полна решимости** стать тем взрослым, каким **мне хотелось бы быть** в браке, стать **финансовым директором моей собственной жизни**' [NYT2]. В данном случае модальность оптативности (*was determined*) является центральным значением модально-модусного комплекса и актуализируется в сказуемом. Авторское желание быть самостоятельным и независимым человеком в плане финансовых решений в своей дальнейшей жизни поясняется имплицитно выраженным сожалением, которое наслаивается на модальное значение оптативности (*I wished I had been in my marriage*), и интенсифицируется метафорой (*C.F.O. of my own life*). Данные модусные значения выполняют вторичные синтаксические функции определения и дополнения соответственно.

Аналогичным образом структурирован и модально-модусный комплекс в следующем примере, где модальность необходимости (*приходится*) поясняется посредством комбинации экспрессивности в виде метафоры (*зажигать солнце внутри себя*) и эмотивов (*хандра, позитивно, шутить, смеяться*) и на синтаксическом уровне интенсифицируется приемом перечисления: **Приходится зажигать солнце внутри себя, разгонять осеннюю хандру всеми доступными способами: думать позитивно, регулярно шутить, смеяться, меньше сидеть в соцсетях и чаще встречаться с близкими** [A1]. В приведенном примере модальное значение заключено в составном глагольном сказуемом, а единицы с модусными значениями выполняют функции дополнения (*хандру*), обстоятельства (*позитивно*), определения (*шутить, смеяться*).

В комплексах, где модальный компонент представлен значением императивности, ведущими становятся модусные составляющие. Таким образом как будто формулируются основания для побуждения читателя к чему-либо: *The temptations of materialism are all around: Become a connoisseur. Demand the best. Assert your authority on arcane matters of quality that have nothing to do with happiness* 'Соблазны материализма повсюду: станьте знатоком. Требуйте лучшего. Утвердите свой авторитет в загадочных вопросах качества, которые не имеют ничего общего со счастьем' [NYT3]. Так, в приведенном англоязычном контексте императивная модальность, интенсифицируемая парцеллированным перечислением, координируется сочетанием модусных значений экспрессивности (*temptations of materialism*) и оценки (*connoisseur, the best, nothing to do with happiness*). Центральная для данного контекста метафора *соблазны материализма* поясняется в перечислении, основанном на использовании глаголов в повелительном наклонении.

В следующем русскоязычном примере комбинация эмотивов (*радость, честь, гордость, любоваться*) с прямой (выраженной глаголом *ценить*) и косвенной (представленной в промиссиве *рискует будущим своего народа*) оценочностью выступает для автора основанием использования императивной модальности, интенсифицируемой перечислением (*гордитесь, пойте, любуйтесь, делайте*): *Очень важно любовь к нашим символам радости и чести прививать и подрастающему поколению с самого раннего возраста. Ведь страна, которая не учит потомков понимать, ценить и уважать государственные символы, не ценит свой флаг и герб, рискует будущим своего народа. Гордитесь своим гербом, пойте гимн, любуйтесь развевающимся на ветру флагом. Делайте селфи*

и фото с государственными символами [3]. Иными словами, эмотивно-оценочная часть данного контекста выражает причинные значения, а императивная – следственные.

В отличие от традиционных печатных СМИ, новые медиа характеризуются модально-модусными комплексами, включающими оценочный модус и несколько модальных значений макрополя волеизъявления, а именно, значения оптативности, необходимости и императивности. При этом оценочность выполняет ведущую роль, определяя структуру высказывания и порядок следования модальных значений. В англоязычном дискурсе такие комплексы реализуются в рамках сложноподчиненных предложений с придаточной частью условия: *If you **want** everything to be **perfect**, **try to lighten up**; **don't let the perfect be the enemy of the good*** 'Если Вы хотите, чтобы все было идеально, постарайтесь расслабиться; не позволяйте лучшему быть врагом хорошего' [GR1]. В данном примере понятие идеала является центральным (модус оценочности), а стремление к нему (оптативная модальность) дает автору основания для побуждения читателя к определенному действию (императивная модальность).

В следующем контексте оценочное значение наслаивается на модальное значение необходимости (*need*) и уточняется инфинитивным оборотом со значением цели (*to meet*). При этом ценность внешней подотчетности связывает желание занятия спортом с необходимостью предпринять для осуществления этого желания конкретные шаги: *Obligees are people who **need** outer accountability **to meet** inner expectations. If they **want** to exercise, they **need** to sign up for a class, work out with a trainer, raise money for a charity, be a role model for someone else, etc.* 'Угодники – тип людей, которым **нужна** внешняя подотчетность, **чтобы оправдать** внутренние ожидания. Если они **хотят** заниматься спортом, им **нужно** записаться на занятие, заниматься с тренером, собрать таким образом деньги на благотворительность, быть примером для подражания для кого-то и т.п.' [GR2].

В новых медиа на русском языке, вместо полных сложноподчиненных предложений с придаточной частью условия, модально-модусные комплексы с несколькими модальными значениями актуализируются в парцелированных условных предложениях либо в последовательности простых предложений, связанных единой мыслью. В этом случае, помимо оценки, в модально-модусный комплекс вводится также и экспрессивное значение. Так, в следующем примере автор отделяет главную часть сложноподчиненного предложения, содержащую модальное значение необходимости, от придаточной части условия с модальностью оптатив-

ности. При этом, помимо оценки, выраженной совместно с модальным значением необходимости (*не нужно*), и эмотива (*ни удовольствия*), данный контекст характеризуется также и наличием модуса экспрессивности, реализованном в виде парцелляции: *Есть вещи, которые **не нужно** тянуть с собой дальше. Особенно если нет ни **желания**, ни уж тем более **удовольствия*** [СЯ].

В другом примере можно наблюдать последовательность простых предложений, в рамках которой актуализируются модальные значения оптативности (*хотение, желание*) и необходимости (*должна*): *Внутренний источник **хотения** у меня пережимается глаголами с приставкой «**должна**». И **желание** только одно – прекратить контакт и вернуться в норку* [ОП]. При этом данный контекст также дополняется приемами экспрессивности в виде метафоры (*источник хотения, норка*) и персонификации (*перекрывается глаголами*).

Отличительной чертой англоязычных новых медиа является шкалирование модальности в рамках одного контекста, т.е. перемещение по шкале модальных значений от более «сильных» (императивность) к более «слабым» (проблематическая достоверность) или наоборот. Шкалирование модальности используется в контекстах, где автор рассуждает о явлениях, имеющих для него ценностное значение, что подразумевает наличие в контексте проявлений модуса оценки: *It's **important** to know your limits to form who you are, what you're capable of, and what is simply too much. No, your employee **shouldn't** be texting you a mundane work question long after off-hours. No, your sister **shouldn't** be dismissive of your complicated relationship with your mother. No, you **may not** touch me there. No, no, and more nos. The trick and the trickiest part? You **have to** communicate your limits. **Be** straightforward and firm and polite* **Важно** знать свои пределы, чтобы понять, кто вы есть, на что вы способны, а что для вас уж просто слишком. Нет, вашему сотруднику **не следует** писать вам сообщения с обыденными рабочими вопросами в нерабочее время. Нет, твоей сестре **не следует** игнорировать сложность твоих отношений с матерью. Нет, тебе **нельзя** прикасаться ко мне там. Нет, нет и еще раз нет. В чем вся загвоздка? Вы **должны** сообщить о своих пределах. **Будьте** прямолинейны, тверды и вежливы' [WD]. В данном примере ценность выстраивания личных границ (*important*) очерчивается посредством усиления модальных значений в каждом последующем предложении: начиная с модальности простой достоверности, выраженной в первом предложении глаголами в форме индикатива (*is, are*), развиваясь далее при помощи модальных значений необходимости разной степени силы, актуализированных в модальных глаголах (*should, may, have to*) и завершая императивной модальностью (*be straightforward*). Таким

образом, модальные значения подчинены модусному значению оценки и усиливаются при помощи анафорического повтора наречия *no*, а также синтаксического параллелизма, основанного на серии отрицательных ответов.

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов относительно иерархического характера взаимодействия категории модальности с модусами оценки, экспрессивности и эмотивности в англоязычном медиадискурсе США и русскоязычном медиадискурсе Беларуси.

1. Простые модально-модусные комбинации в медиадискурсе на двух языках характеризуются отношениями паритетности в плане взаимодействия модальных и модусных значений. Сложным модально-модусным комплексам, напротив, свойственен иерархический тип организации, при котором либо модальность выступает координатором модусных значений, либо модусные значения определяют модальные.

2. При актуализации в дискурсе модальных значений оптативности или необходимости модусные значения оценки, эмотивности и экспрессивности выполняют функцию интенсификаторов авторского желания/потребности. Вместе с тем императивная модальность оказывается подчинена модусам, формирующим основу для авторского побуждения читателя к действию.

3. В отличие от традиционных печатных СМИ, в новых медиа на английском и русском языках функционируют модально-модусные комплексы с несколькими модальными значениями макрополя волеизъявления, координируемыми модусом оценочности. Однако в англоязычном дискурсе прототипическим маркером таких комплексов выступают сложноподчиненные предложения с придаточной частью условия, а в русскоязычном дискурсе ту же функцию выполняют парцеллированные условные предложения либо последовательность простых предложений, объединенных синтаксическим параллелизмом и/или анафорическим повтором.

4. Отличительной чертой новых медиа на английском языке является шкалирование модальности, т.е. усиление или смягчение модальных значений в рамках одного контекста, координируемых модусом оценки и интенсифицируемых модусами экспрессивности и эмотивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснова, Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2002. – 189 с.

2. *Кобрина, О. А.* Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2 (7). – С. 90–100.
3. *Гак, В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
4. *Шмелева, Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса : сб. ст. / Моск. гос. ун-т ; под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. – М., 1984. – Вып. 1. – С. 78–100.
5. *Всеволодова, М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М. : URSS, 2017. – 656 с.
6. *Болдырев, Н. Н.* Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
7. *Зайнуллин, М. В.* Модальность как функционально-семантическая категория / М. В. Зайнуллин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 123 с.
8. *Зиневич, Н. В.* Научный дискурс в аспекте взаимодействия категорий модуса и модальности / Н. В. Зиневич // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Серыя гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 451–460.
9. *Романова, Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность / Т. В. Романова. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. – 308 с.
10. *Павловская, Н. Ю.* Оценка и модальность в сопоставлении и языковой реализации / Н. Ю. Павловская // Сопоставительные исследования 2024 : сб. науч. ст. / науч. ред. М. И. Стернина. – М. : Ритм, 2024. – Вып. 21. – С. 8–13.
11. *Паўлоўская, Н. Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск : МДЛУ, 2001. – 205 с.
12. *Анненкова, И. В.* Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ / И. В. Анненкова. – М. : Изд-во Моск. ун-та; Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. – 391 с.
13. *Клушина, Н. И.* Медиастилистика / Н. И. Клушина. – М. : Флинта, 2019. – 184 с.
14. *Welbers, K.* Presenting news on social media / K. Welbers, M. Opgenhaffen // Digital journalism. – 2018. – Vol.1, № 7. – P. 45–62.
15. *Zappettini, F.* Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda / F. Zappettini, D. M. Ponton, T. V. Larina // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Vol. 25, iss. 3. – P. 586–610.

16. *Иссерс, О. С.* Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 216–227.
17. *Гладко, М. А.* Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве / М. А. Гладко // Terra Linguistica. – 2022. – Т. 13, №4. – С. 7–21.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

NYT1 – *Febos, M.* Was My Boyfriend Financially Controlling? Was My Girlfriend? [Electronic resource] / M. Febos // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2023/12/11/style/modern-love-relationships-money-control-melissa-febos.html/>. – Date of access: 12.04.2022.

АиФ1 – *Лисицкая, Т.* Трудно быть богом [Электронный ресурс] / Т. Лисицкая // Аргументы и факты в Беларуси. – Режим доступа: https://aif.by/social/nazlobydnya/trudno_byt_bogom_kolonka_tamary_lisickoy. – Дата доступа: 10.012.2022.

NYT2 – *Smiths, M.* Never rely on a man's money [Electronic resource] / M. Smith // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2023/12/08/style/modern-love-divorce-autonomy-maggie-smith.html/>. – Date of access: 12.04.2022.

МН – *Писарев, В.* Шедевры «на склад» [Электронный ресурс] / В. Писарев // Минск-новости. – Режим доступа: <https://minsknews.by/shedevry-na-sklad/>. – Дата доступа: 10.12.2022.

А1 – *Палубец, И.* Слова лечат [Электронный ресурс] / И. Палубец // Авангард. – Режим доступа: <http://www.budakosh.by/2021/11/слова-лечат/>. – Дата доступа: 10.12.2021.

NYT3 – *Newman, R.* Her cheese was so good that we had to break up [Electronic resource] / R. Newman // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2023/11/17/style/modern-love-divorce-dating-cheese-break-up.html/>. – Date of access: 12.12.2023.

З – *Лещенок, Е.* Символы моей Беларуси [Электронный ресурс] / Е. Лещенок // Зара над Сожам. – Режим доступа: <http://www.kormanews.by/2023/05/simvoly-moej-belarusi/>. – Дата доступа: 10.12.2023.

GR1 – *Rubin, G.* How to handle holiday burnout [Electronic resource] / G. Rubin // gretchenrubin.com – Mode of access: <https://gretchenrubin.com/articles/how-to-handle-holiday-burnout/>. – Date of access: 20.12.2023.

GR2 – *Rubin, G.* Why it's not helpful to call someone – including ourselves – “lazy” [Electronic resource] / G. Rubin // gretchenrubin.com. – Mode of access: <https://gretchenrubin.com/articles/why-its-not-helpful-to-call-someone-lazy/>. – Date of access: 20.12.2023.

СЯ – *Янгибаев, С.* Почти двое суток я был вне сознания [Электронный ресурс] / С. Янгибаев. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/C3UvJNluC/?igsh=MjRqcHJ1c2dxNzRh>. – Дата доступа: 10.05.2023.

ОП – *Примаченко, О.* Прохожу сейчас открытую сессию... [Электронный ресурс] / О. Примаченко. – Режим доступа: https://www.instagram.com/p/C2cVNlvoxZg/?igsh=MWVyMTVxZDl3cW94MA%3D%3D&img_index=1. – Дата доступа: 10.05.2023.

WD – *McCarty, M.* Why setting healthy boundaries is good for you (and how to do it) [Electronic resource] / M. McCarty // Wit&Delight. – Mode of access: <https://witanddelight.com/2022/10/setting-healthy-boundaries/>. – Date of access: 05.04.2023.

Поступила в редакцию 18.05.2024

Дорофеенко Марина Леонидовна

кандидат филологических наук,
доцент, докторант кафедры
русского языка
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Maryna Darafeyenka

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of the Russian Language
Belarusian State University
Minsk, Belarus
mari008@mail.ru

УРБАНОНИМНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ВО ВНУТРИГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ
БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

URBANONYM LANDMARK IN THE INTRACITY TOPONYMY
OF BELARUS AND FRANCE

Статья отражает результаты сопоставительного изучения белорусских (русскоязычных) и французских урбанонимов, мотивированных другими внутригородскими топонимами. Различные типы внутригородских объектов рассматриваются как «урбанонимные маркеры» населенного пункта. Выявлены общие и культурно-специфические характеристики двух типов урбанонимов: а) дублирующих названия других объектов, расположенных в населенном пункте; б) семантически и формально производных от апеллятивных и проприальных обозначений внутригородских объектов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Беларусь; Франция; внутригородской топоним; номенклатурный термин; урбаноним; урбанонимная иррадиация; урбанонимный ориентир.

The article reflects the results of a comparative study of Belarusian (Russian-speaking) and French urban names motivated by other intraurban toponyms. Various types of intracity objects are considered as “urban anonymous markers” of a settlement. General and culturally specific characteristics of two types of urbanonyms have been identified: a) duplicating the names of other objects situated in the locality; b) semantically and formally derived from appellative and proprietary designations of intracity objects.

Key words: Belarus; France; intracity toponym; generic term; urbanonym; urbanonym irradiation; urban landmark.

Географическое пространство является объектом исследования как естественных, так и гуманитарных наук, включая языкознание, в рамках которого организацию пространства изучают в лингвокультурологическом, этнолингвистическом, социолнгвистическом и других аспектах. К языковым единицам, отражающим пространственные категории и объекты, относятся, в частности, топонимы разных классов и подклассов, в том числе урбанонимы, или названия внутригородских объектов, – фрагменты город-

ского пространства, регулирующие на словесном уровне восприятие локации. Урбанонимы включают два компонента: «номенклатурный» (*улица, площадь, проспект* и т.д.) и «проприальный» (собственно имя объекта). В рамках семиотического подхода к интерпретации городского пространства урбанонимы могут рассматриваться как его микротексты. Кроме того, они вызывают интерес с точки зрения репрезентации в них специфической ономастической картины мира как уникальной системы знаков, в которой отражаются знания народа о мире.

Изучение так называемых урбанонимных ориентиров, то есть внутригородских топонимов, являющихся важными элементами локации и помогающих ориентироваться в пространстве, представляется актуальным, поскольку эта группа онимов Беларуси и Франции до сих пор целенаправленно не анализировалась в сопоставительном аспекте. Предпринятое нами исследование будет способствовать восполнению лакуны в данном сегменте научной картины мира. Кроме того, организация внутригородской топонимии детерминирована реалиями населенного пункта, устройство которого имеет национально-специфичные черты в каждой стране. Соответственно изучение анализируемой группы ономастических единиц позволит выявить культурную обусловленность номинативных стратегий в национальных ономастических системах.

Цель статьи – установление сходств и различий в составе белорусских и французских внутригородских названий, образованных от урбанонимных ориентиров. Материалом послужили соответствующие внутригородские названия отдельных городов Витебской области Беларуси и Большого восточного региона Франции (общим количеством 2110 единиц со значительным преобладанием анализируемых номинаций в подсистеме урбанонимов Беларуси).

В исследовании применялись следующие методы: целенаправленной выборки, описательный, индуктивный, сопоставительный, количественной обработки данных, культурологического анализа языковых явлений, историко-географической реконструкции.

Внутригородские названия, связанные с урбанонимными ориентирами, анализировались в исследованиях белорусских и российских ономастов в рамках всей подсистемы наименований внутригородских объектов. По наблюдениям ученых, подобные названия в основном мотивированы именами собственными других внутригородских объектов, расположенных в непосредственной близости. Так, А. М. Мезенко отмечает, что принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам предполагает (в числе других) мотивирующий признак,

«характеризующий место расположения улицы, площади, микрорайона и т.п. относительно других значимых внутригородских объектов» [1, с. 23]. Он является общим, например, для названий, повторяющих наименования других внутригородских объектов: *Авангардная улица – Авангардный переулок* и номерных названий: *1-й Брестский переулок, 2-й Брестский переулок* и т.п. Р. В. Разумов выделяет тип внутригородских объектов, мотивированных другими урбанонимами, который развивался в основном в больших по размеру системах урбанонимов внутригородских объектов [2, с. 12]. Н. Ю. Забелин, исследуя иерархию основных структурно-семантических моделей московского топонимикона, рассматривает принцип номинации по другому урбанониму, обычно близлежащему (*Перервинский бул. – от Перерва ул.*) [3, с. 18]. Анализируя количественные отношения групп урбанонимов Улан-Удэ, Ю. Г. Пушкарёва установила, что принципу номинации по отношению улицы к другому значимому объекту, в том числе и внутригородскому (например, названия, повторяющие наименования других внутригородских объектов, и номерные названия), соответствует 42,8 % названий [4, с. 117]. Автор отмечает закономерный характер этого соотношения: урбанонимы, «которые условно можно назвать повторяющимися, типичны не только для г. Улан-Удэ, но и для многих других городов России. Как правило, переулок или тупик, находящийся в непосредственной близости от основной улицы, получает то же самое название: *ул. Агрономическая → пер. Агрономический*» [Там же, с. 118].

Французской ономастике свойственна похожая тенденция. Данная разновидность урбанонимов выделяется, например, в работах С. Жандрона, А. Душена: «некоторые годонимические апеллятивы относятся к одному и тому же детерминанту» (*avenue George Sand et impasse George Sand* ‘проспект Жорж Санд и тупик Жорж Санд’ (здесь и далее перевод наш. – М. Д.) [5, р. 71]); «различные наименования присоединяются к одному и тому же детерминанту» (*chemin de Wissous, route de Wissous et sentier de Wissous* ‘тракт Виссу, шоссе Виссу и тропинка Виссу’ [6, р. 8, 19]).

Сопоставительное исследование белорусских и французских урбанонимов, связанных с урбанонимными ориентирами, пока не осуществлялось, однако данная разновидность внутригородских названий частично описана. Так, в исследовании Е. А. Сизовой выделено 12 тематических групп основ, общих для Лондона, Москвы и Парижа, в состав которых вошли «наименования, повторяющие названия соседних улиц (*Старобашиловский тупик, Щипковские переулки, Гороховский переулок; rue Pablos-Casals, impasse Raymon-Queneau, place Sainte-Marthe*)» [7, с. 11].

Определение национально-культурных особенностей внутригородских названий, мотивированных урбанонимными ориентирами, связано с исследованием номенклатурных терминов (далее НТ), входящих в состав внутригородских наименований, и структуры городской топонимии в целом. Так, апеллятивные элементы урбанонимов изучены в рамках ономастических традиций Беларуси (А. М. Мезенко), России (Н. Ю. Забелин, Р. В. Разумов, А. Н. Соловьёв, Юе Цюй) и Франции (Д. Бадариотти, Е. А. Сизова, М. Л. Дорофеенко). При этом Д. Бадариотти отмечает, что «большинство авторов сосредоточивают внимание на анализе проприальной части топонимов, пренебрегая апеллятивной», а «во французской литературе ранее было проведено очень мало исследований номенклатурных терминов» [8]. Данному структурному элементу урбанонимов в том числе посвящены немногочисленные научные сопоставительные работы (Е. А. Сизова, М. М. Масальская, Юе Цюй, М. Л. Дорофеенко).

Заметим, что НТ в двух лингвокультурах подчеркивают уникальность пространств и их истории, так как могут рассказать о ландшафте, форме, физических параметрах объектов не меньше, чем их конкретные характеристики, содержащиеся в названии. Урбанонимные ориентиры во внутригородской топонимии – тематический сектор лингвокультурологического поля «Место» урбанонимного пространства Беларуси и Франции наряду с еще шестью секторами: «топонимные ориентиры», «архитектурные ориентиры», «природные ориентиры», «физико-географические особенности», «параметрические особенности», «пространственные особенности». Тематические секторы установлены на основе семантической (описание определенной территории на основе лексико-семантической схожести номинативных компонентов) и лингвокультурологической (выделение текстов культуры, транслируемых эксплицитно или имплицитно) общности. В урбанонимах, связанных с местом, текст культуры обусловлен семьей географического положения. Внутригородские наименования, мотивированные названиями каких-либо урбанонимных ориентиров, транслируют тексты культуры той страны, в которой расположены, то есть белорусский в Беларуси и французский во Франции.

В обеих ономастических подсистемах обнаружены две одноименные группы наименований.

1. Урбанонимы, буквально повторяющие проприальную часть названий близлежащих линейных объектов (77,2 % от общего количества внутригородских названий Беларуси и Франции). В подсистеме внутригородских названий Беларуси (далее УБ) и Франции (далее УФ) зарегистри-

стрированы номинативные единицы, входящие в двух- или трехкомпонентные модели **урбанонимной иррадиации** (два или три наименования имеют одинаковую проприальную часть при различных НТ).

В применении к топонимам термин *иррадиация* определяется как особый вид трансонимизации: «распространение основы географического имени данного объекта на другие, обычно близлежащие, например, *р. Дон, пр. Северский Донец...*» [9, с. 174]. Соответственно в нашем исследовании под иррадиацией понимается распространение проприальной части названия одного внутригородского объекта на именованные другого или других, расположенных в большинстве случаев неподалеку. Основываясь на количестве переносов проприальной части одного урбанонима на другой (другие), выделяем двух- и трехкомпонентные модели с учетом направления иррадиации.

В УБ реализуется семь двухкомпонентных моделей иррадиации (92,9 %), в которых зафиксированы семь НТ. Преобладают единицы **улица** (49,6 %) и **переулок** (46,6 %), еще пять НТ малоупотребительны (от одного до двух случаев, то есть от 0,2 % до 0,3 %). Со значительным преобладанием лидирует модель «название улицы – название переулка» (92,9 %): *Криничная ул.¹ – Криничный пер., ул. Якуба Коласа – пер. Якуба Коласа*. Относительно продуктивной (5,2 %) является также модель «название улицы – название проезда»: *улица Гоголя – проезд Гоголя*. Оставшиеся модели малопродуктивны (от двух до четырех номинаций, то есть от 0,3 % до 0,6 %, «название улицы – название площади», «название шоссе – название улицы»).

В УФ двухкомпонентные модели иррадиации также занимают ведущую позицию (88,8 % от количества «повторяющихся» урбанонимов Франции). Данные модели включают 18 НТ, из которых наиболее многочисленны *rue* ‘улица’ (42,1 %); *place* ‘площадь’ (18,2 %); *impasse* ‘тупик’ (17,8 %). Оставшиеся НТ представлены единичными примерами (1–9 употреблений, то есть 0,9 %–4,2 % от входящих в двухкомпонентные модели урбанонимной иррадиации Франции). Модели реализуются в 31 разновидности, из которых наиболее продуктивны две: 1) «название улицы – название тупика» (30,8 %): *rue de Dunkerque – impasse de Dunkerque* ‘улица Дюнкерка – тупик Дюнкерка’, *rue des Poissonniers – impasse des Poissonniers* ‘улица Торговцев Рыбой – тупик Торговцев Рыбой’; 2) «название улицы –

¹ Здесь и далее представлены примеры белорусских урбанонимов, зарегистрированных в городах Витебской области Беларуси, а примеры французских урбанонимов – в городах Большого восточного региона Франции.

название площади» (26,2 %): *rue du Nord – place du Nord* ‘Северная улица – Северная площадь’, *rue de l’Université – place de l’Université* ‘Университетская улица – Университетская площадь’.

Количество «повторяющихся» номинативных единиц, входящих в трехкомпонентные модели иррадиации в УБ и УФ, значительно меньше: 5,6 % и 11,2 % соответственно. В УБ реализуются пять моделей трехкомпонентной иррадиации, в которые входят внутригородские названия, включающие в свой состав шесть НТ. Две модели наиболее частотны: «название улицы – название переулка – название проезда» (53,8 %): *Ленинградская улица – Ленинградский переулок – Ленинградский проезд*; «название улицы – название переулка – название тупика» (23,1 %): *Февральская улица – Февральский переулок – Февральский тупик*. Оставшиеся три модели встречаются однократно. В УФ зафиксированы восемь трехкомпонентных моделей иррадиации. В их составе обнаружены 11 НТ, многочисленны три: *rue* ‘улица’ (25,9 %); *impasse* ‘тупик’ (14,8 %); *quai* ‘набережная’ (14,8 %). Высокой частотностью характеризуется только одна «название улицы – название площади – название набережной» (22,2 %): *rue des Bateliers – place des Bateliers – quai des Bateliers* ‘улица Лодочников – площадь Лодочников – набережная Лодочников’.

2. Урбанонимы, мотивированные номинациями других точечных и линейных внутригородских объектов (3,1 % от общего количества внутригородских названий Беларуси и Франции):

а) проприальными. Эти наименования преобладают в двух подсистемах в рамках данной группы. Самыми многочисленными являются урбанонимы, образованные от городских хоронимов (51,5 % в пределах группы): *Билевская ул.* ← микрорайон *Билево*; *Медицинская ул.* ← микрорайон *Медцентр*; *rue de Koenigshoffen* ‘улица Кёнигсхоффена’ ← торговожилой район Кёнигсхоффен в западной части Страсбурга, *quai de la Petite France* ‘набережная Маленькой Франции’ ← исторический и туристический квартал Маленькая Франция, в котором она и расположена; гефиронимов – названий мостов (22,2 %): *rue du Pont Saint-Martin* ‘улица Моста Святого Мартина’; названий парков и садов (12,1 %): *Мазуринская ул.* ← парк *Мазурино*, *boulevard de l’Orangerie* ‘бульвар Оранжери’ – по названию общественного парка Страсбурга, *rue de Trianon* ‘улица Трианона’ – по названию сада *Трианон*, когда-то располагавшегося в Реймсе [10]; порейурбанонимов – названий остановок транспорта: *Чепинская улица* ← железнодорожная станция *Чепино*; *allée du Schluthfeld* ‘аллея Шлутфельд’ ← трамвайная остановка *Шлутфельд* в Страсбурге, с которой начинается аллея [11].

б) апеллятивными. Названия, образованные от апеллятивных урбанонимов единичны в двух подсистемах. В рамках данной разновидности можно выделить урбанонимы, образованные от типов внутригородских объектов или декоративных сооружений, расположенных в населенном пункте: *Мостовая ул.* ← *мост*; *chemin des 2 Ponts* 'тракт Двух Мостов', *chemin des Fontaines* 'тракт Фонтанов', *place des 6 Cadrans* 'площадь Шести Циферблатов' – по названию колонны с шестью циферблатами, установленной в 1832 г. [11].

В УБ наименования, семантически и формально мотивированные проприальным или апеллятивным компонентом, представлены единичными примерами. В УФ зарегистрировано значительно больше как производных наименований данной подгруппы (15,7 % в УФ vs 1,2 % в УБ), так и мотиваторов.

УБ свойственна одна национально-специфическая группа наименований, не нашедшая отражения в УФ, – так называемые «номерные» урбанонимы, то есть внутригородские названия, имеющие в своем составе числительные. «Номерные» урбанонимы включают три НТ: а) *улица (1-я–3-я Заречные улицы)* – 50,9 %; б) *переулок (1-й–4-й переулки Франциска Скорины)* – 48 %; в) *проезд (1-й–3-й Жлобинский проезды)* – 1,1 %. Особенность данных названий заключается в том, что порядковый компонент выполняет дополнительную дифференцирующую функцию (работает внутри малой группы). Основная функция (выделение объекта в ряду однотипных) принадлежит отыменному компоненту. Для номерных названий может быть характерно явление адресной дисфункции, под которым А. Н. Соловьёв понимает «ситуации, в которых одно, а чаще, несколько внутригородских названий не помогают, а скорее мешают успешной локализации объекта и формированию урбанонимической картины города» [12, с. 132]. Так, в Браславе зарегистрированы следующие названия: *1-й, 3-й, 4-й и 5-й Кирпичные переулки*. При этом в списке урбанонимов отмечается лакуна, которой соответствует потенциальное внутригородское название *2-й Кирпичный пер.* Отурбанонимные внутригородские наименования отмечаются и в российских городах [2, с. 12; 4, с. 117]. В УФ подобные наименования не зарегистрированы. Как полагает Д. Бадариотти, «в большинстве стран система определения местоположения объекта похожа на ту, которая используется во Франции. Каждая улица имеет уникальное название и разные здания нумеруются в порядке их появления на улице, обычно эта нумерация увеличивается от центра к периферии... Тем не менее есть места, которые дифференцируют себя от этого использования, принимая либо номерные системы на американский

манер, например, либо буквенно-номерные системы, либо отсутствие названий улиц» [8, р. 291]. Автор приводит в качестве примера систему наименования в городах Северной Америки; нумерацию улиц в Нью-Йорке [Там же, р. 292].

В плане использования номеров в названиях улиц интерес представляет немецкий Мангейм, получивший название «город квадратов», так как от дворца, построенного в XVIII в., шли перпендикулярные улицы, разделившие центр Мангейма на прямоугольники и квадраты, а «координаты этих квадратов дали численно-буквенные названия улицам города, что отличает Мангейм от остальных немецких городов» [13]. Продолжая размышления над «номерными» урбанонимами, Д. Бадариотти замечает, что «принципы системы определения местоположения объекта в Японии имеют нечто общее с системой Мангейма, поскольку названия улиц не существуют, а здания идентифицируются номерами, присвоенными в соответствии с блоком, к которому они принадлежат, и в соответствии с порядком, в котором они были построены...» [Там же, р. 293].

Ученый Ю. Л. Никитина, определяя сходства и отличия в номинациях внутригородских объектов у славян на примере названий городов Беларуси, Польши и Болгарии, приходит к выводу, что «в польской и болгарской системе внутригородских наименований отурбанонимные образования не получили такого широкого распространения, как в белорусской» [14, с. 90].

Таким образом, некоторые внутригородские объекты ввиду своей значимости являются важными ориентирами в населенном пункте, в силу чего служат базой для формирования урбанонимов. Результаты исследования белорусского и французского ономастического пространства позволяют сделать вывод, что выбор, частота использования и распространенность урбанонимных ориентиров при образовании внутригородских названий национально специфичны, что обусловлено географическими, историческими и культурными реалиями.

Исследование белорусских и французских внутригородских названий, образованных от урбанонимных ориентиров, позволило установить сходства и различия данной категории номинативных единиц. Так, в обеих урбанонимных подсистемах обнаружены одноименные группы урбанонимов: 1) дублирующих названия близлежащих линейных объектов и различающихся только НТ; 2) мотивированных семантически и формально проприальными и апеллятивными обозначениями точечных или других линейных внутригородских объектов. Количественное соотношение этих групп в белорусской и французской урбанонимии совпадает: доминируют

урбанонимы, «повторяющиеся» по двух- и (реже) трехчленной моделям иррадиации внутригородских названий. Среди НТ, обеспечивающих семантическую деривацию «повторяющихся» урбанонимов (7 НТ в белорусских городах и 18 во французских), в обеих национальных подсистемах высокую частотность обнаруживают только 3 единицы (*улица, переулок, проезд* в УБ; *rue* 'улица', *place* 'площадь', *impasse* 'тупик'), остальные представлены единично. Отмечены некоторые совпадения НТ в урбанонимах, входящих в двухкомпонентные и трехкомпонентные модели урбанонимной иррадиации; в составе второй группы выделены общие типы мотиваторов – названия кварталов города, мостов, парков и т.п.

Различия проявляются в следующем: 1) значительном численном преобладании названий, дублирующих проприальные части других урбанонимов, в УБ (в пропорции 7,5:1 по отношению к УФ) при большей выраженности количественной разбежки между урбанонимами двух- и трехкомпонентной моделей иррадиации названий; 2) наличии в УБ «номерных» урбанонимов (с компонентами *первый, второй* и т.д.) при отсутствии их в УФ; 3) большем разнообразии французских НТ, входящих в состав «повторяющихся» урбанонимов, а также преобладании количества мотиваторов при морфологической деривации урбанонимов в УФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мезенко, А. М.* Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.02 / А. М. Мезенко ; Мин. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1991. – 34 с.
2. *Разумов, Р. В.* Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Р. В. Разумов ; Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2003. – 22 с.
3. *Забелин, Н. Ю.* Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – теория языка / Н. Ю. Забелин ; Ин-т яз-ния РАН. – М., 2007. – 23 с.
4. *Пушкарёва, Ю. Г.* Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарёва // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2010. – № 10. – С. 116–121.
5. *Gendron, S.* Odonymie de La Châtre (Indre) / S. Gendron // Nouvelle revue d'onomastique. – 2014. – № 56. – P. 71–99.

6. *Douchin, A.* Dénommer les rues à Antony au XXe siècle : Une commune en transition odonymique / A. Douchin // Noms de lieux, noms de personnes : La question des sources [Ressource électronique]. – 2018. – Mode d'accès: <https://books.openedition.org/pan/1039>. – Date d'accès: 10.01.2024.
7. *Сизова, Е. А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Сизова ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2004. – 16 с.
8. *Badariotti, D.* Les noms de rue en géographie. Plaidoyer pour une recherche sur les odonymes / Street names, an argument for a geographic research / D. Badariotti // Annales de Géographie [Ressource électronique]. – 2002. – Т. 111, № 625. – P. 285–302. – Mode d'accès: <https://doi.org/10.3406/geo.2002.1658>. – Date d'accès: 10.01.2024.
9. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум : монография / А. М. Мезенко [и др.] ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ, 2017. – 180 с.
10. *Thuret, J.-Cl.* Reims : rues et lieux [Ressource électronique] / J.-Cl., Thuret. – 2010. – Mode d'accès: <http://reims-rues-et-lieux.blogspot.com/>. – Date d'accès: 10.01.2024.
11. Allée du Schluthfeld (Strasbourg) [Ressource électronique]. – Mode d'accès: [https://www.archi-wiki.org/Adresse:All%C3%A9e_du_Schluthfeld_\(Strasbourg\)/](https://www.archi-wiki.org/Adresse:All%C3%A9e_du_Schluthfeld_(Strasbourg)/). – Date d'accès: 10.01.2024.
12. *Соловьёв, А. Н.* Адресная дисфункция в урбанонимии Смоленска / А. Н. Соловьёв // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост.: А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверина; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск, 2022. – С. 131–135.
13. Мангейм – маленькая частичка современной Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holiday.by/blog/1165>. – Дата доступа: 10.01.2024.
14. *Никитина, Ю. Л.* Номинация внутригородских объектов у славян: сходства и отличия / Ю. Л. Никитина // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. Языкознание. – 2011. – № 10. – С. 89–92.

Поступила в редакцию 12.02.2024

Лущинская Ольга Владимировна

доктор филологических наук, доцент,
проректор по научной работе Минский
государственный лингвистический
университет,
г. Минск, Беларусь

Olga Luschinskaya

Doctor of Philological Sciences,
Vice-Rector for Research
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
olgalu805@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИСКУРС-КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ»
С УЧЕТОМ ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИАТЕКСТОВ
В БЕЛОРУССКИХ ОНЛАЙН-ИЗДАНИЯХ

REPRESENTATION OF THE DISCOURSE CATEGORY “TIME”
WITH THE FOCUS ON GENRE AND THEMATIC REALISATION
OF MEDIA TEXTS IN THE BELARUSIAN ONLINE EDITIONS

В статье в фокусе внимания находятся медиатексты белорусских онлайн-изданий, а именно веб-сайт *mlyn.by* общественно-политической газеты «Минская правда» и сетевое издание *sb.by* Издательского дома «Беларусь сегодня». Автором рассматривается репрезентация дискурс-категории «время» в содержании медиатекстов, которые исследуются в синхронном срезе в рамках одного дня в рубрике «Общество» в двух изданиях. Кроме того, выявляются жанры и тематика материалов, что позволяет определить повестку дня на момент проведения исследования. Описываются способы реализации категории «время» в сравнительном аспекте в анализируемых белорусских изданиях.

Ключевые слова: медиатексты; белорусские онлайн-издания; веб-сайт mlyn.by общественно-политической газеты «Минская правда»; сетевое издание sb.by Издательского дома «Беларусь сегодня»; рубрика «Общество»; дискурс-категория «время».

The article focuses on the media texts of the Belarusian online editions, namely, the website *mlyn.by* of the socio-political newspaper “Minskaya Pravda” and the online edition *sb.by* of the Publishing House “Belarus Today”. The author examines the representation of the discourse category “time” in the content of media texts, which are studied in synchrony within one day under the section “Society” in both publications. In addition, genres and topics of materials are identified, which makes it possible to determine the agenda at the time of the research. The ways of implementing the category “time” in a comparative aspect in the analyzed Belarusian publications are described.

Key words: media texts; Belarusian online editions; website mlyn.by of the socio-political newspaper “Minskaya Pravda”; online edition sb.by of the Publishing House “Belarus Today”; section “Society”; discourse category “time”.

Медийный дискурс представляет собой отдельный институциональный тип, который реализуется в медиaprостранстве и в котором пересекаются разные типы дискурсов, отражающие события, процессы, идеи, знания, культурные реалии и др. как отдельного общества, так и мира в целом: новостной, рекламный, информационно-аналитический, публицистический, идеологический и др. Данный институциональный тип имеет свои отличительные характеристики, признаки, параметры, специфику, ценности. Для него характерна собственная статусно-ролевая обусловленность с учетом того, что коммуникантами выступают медиаспециалисты и разные целевые аудитории. В медийном дискурсе репрезентируются различные категории, среди которых выделяется дискурс-категория «время», отражающая как непосредственно грамматическое время, так и контекстное время.

Итак, цель настоящей статьи заключается в анализе способов репрезентации дискурс-категории «время» в медиатекстах белорусских онлайн-изданий. Реализация данной категории рассматривается в синхронии в двух изданиях: веб-сайт mlyn.by общественно-политической газеты «Минская правда» и сетевое издание sb.by Издательского дома «Беларусь сегодня». В этой связи в течение одного дня (21.05.2024) был проведен синхронный срез медиатекстов, опубликованных в рубрике «Общество», которая присутствует в двух названных изданиях. Кроме того, были выявлены жанры в обозначенной рубрике и осуществлен их тематический анализ для определения повестки дня в онлайн-изданиях. Соответственно, объектом исследования выступают медиатексты двух белорусских интернет-изданий рубрики «Общество», предметом исследования являются способы реализации дискурс-категории «время» в содержании публикаций с учетом их жанрово-тематической представленности.

В рубрике «Общество» на сайте газеты «Минская правда» за рассматриваемый промежуток времени было опубликовано 23 сообщения. Проведенный анализ материалов данного раздела позволил выявить тематику, охватывающую повестку дня и жанровое разнообразие рубрики. Обобщенная информация представлена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Жанрово-тематическое разнообразие рубрики «Общество» на сайте mlyn.by

№	Тема	Жанр	Количество публикаций
1	Авиация	Мультимедийная статья	1
2	Бизнес	Краткая информационная заметка	2
3	Гороскоп	Информационная заметка	1

4	Деньги, цены	Краткая информационная заметка	1
		Статья-мнение	1
5	Культура	Информационная заметка	1
6	Медицина	Статья-мнение	1
7	Министерство обороны	Краткая информационная заметка	1
8	Образование	Краткая информационная заметка	1
		Интервью	1
		Расширенная информационная заметка	1
9	Погода	Краткая информационная заметка	1
10	Президент	Краткая информационная заметка	2
11	Происшествия/ правонарушения	Краткая информационная заметка	3
		Мультимедийная статья	1
12	Семья/дети	Тематическая статья	1
		Мультимедийная статья	1
		Информационная заметка	1
13	Технологии	Краткая информационная заметка	1

Как видно из таблицы, медиатексты реализованы посредством следующих жанров: информационная заметка (в основном, краткая) присутствовала в 16 материалах рубрики, что составило 69,6 % от общего количества проанализированных текстов; мультимедийная статья встретилась в 3 публикациях (примерно 13 %); 2 медиатекста представляли собой жанр статья-мнение (8,7 %); тематическая статья встретилась в 1 публикации рубрики (4,3 %); интервью – 1 материал (4,3 %).

Проведенный анализ показал, что преобладающими жанрами выступают информационные. Это является одной из характеристик онлайн-изданий, основная цель которых, в первую очередь, – передача информации своим потенциальным читателям. Важно отметить и такой жанр, как мультимедийная статья, которая является еще одной значимой характеристикой конвергентных медиа (сетевых, онлайн-изданий). В исследуемом нами отдельном случае этот жанр присутствовал в 3 публикациях. Можно утверждать, что он не является распространенным в рассматриваемой рубрике на момент анализа. В то же время использование журналистами данного жанра свидетельствует, что «Минская правда» соблюдает характеристики конвергентных медиа.

В рамках единой темы «Общество» были выявлены 13 тематических блоков, которые показывают, *что* находится в фокусе внимания журналистов издания в данный промежуток времени и на *что* они обращают внимание аудитории: «Бизнес», «Медицина», «Образование», «Президент», «Семья/дети», «Технологии» и ряд других. Можно заметить, что большинство текстов опубликовано по темам, которые мы определили как «Происшествия/правонарушения» (4 материала), «Образование» (3 материала) и «Семья/дети» (3 материала). Остальные тематические блоки включают 1–2 публикации.

Отметим, что практически все сообщения являются креолизованными коммуникативными продуктами, так как содержат в себе визуальную информацию, представленную разнообразными фотографиями. В содержание некоторых сообщений авторами включается довольно большое количество фотографий, как, например, в публикациях: «В Солигорске соревновались юные инспекторы дорожного движения из трех стран», «Поговорили с самой молодой участницей районного конкурса “Педагогический дебют – 2024”», «Дети Донбасса побывали в усадьбе Романовых под Борисовом, где строится реабилитационный центр» и др. Визуальная информация способствует лучшему восприятию и, в определенной степени, пониманию содержания сообщения аудиторией. В мультимедийных статьях наряду с визуальной информацией присутствует и видеoinформация.

Далее рассмотрим способы репрезентации категории «время» в медиатекстах рубрики «Общество». Отметим, что данная категория может исследоваться, с одной стороны, с точки зрения ее грамматической реализации (в прошедшем, настоящем или будущем времени идет передача информации), с другой – отражения в рамках контекстного времени (описываются исторические события, современные факты или явления и др.). Однако подчеркнем, что данные 2 типа отражения времени нельзя рассматривать обособленно, поскольку они взаимосвязаны и взаимообусловлены, так как любое контекстное время реализуется посредством форм соответствующего грамматического времени. Нельзя не отметить и тот факт, что категория «время» может репрезентироваться через прецедентные тексты или явления, которые содержатся в том числе в текстах медийного дискурса, а также посредством использования различных лексических маркеров.

Сошлемся на мнение одного из авторитетных исследователей в области дискурса – В. Б. Кашкина, который утверждает, что для анализа дискурса следует разграничивать такие виды времени, как *реальное*,

перцептуальное и *дискурсивное* (или текстовое) [1]. Первое обладает свойствами объективности, одномерности, однонаправленности (необратимости), непрерывности/прерывности, упорядоченности. Второе является отражением в сознании человека реального времени, это еще и эмотивное время, так как ощущения времени всегда пропускаются через эмоции человека. Посредством дискурсивного времени обозначается временная соотнесенность реальных событий, которые воспринимаются через эмоциональные состояния [Там же]. Тексты медийного дискурса также можно исследовать с точки зрения названных видов времени.

Далее проанализируем медиатексты рубрики «Общество», опубликованные в рамках одного дня на сайте *mlyn.by*, и посмотрим на специфику репрезентации в них категории «время».

В сообщении «Белорусы смогут пожаловаться в КГК на деятельность лизинговых и микрофинансовых организаций» речь идет о будущем событии. Однако автор, сообщая о нем, использует грамматическую форму настоящего времени *Комитет госконтроля открывает короткий номер 191 по вопросам деятельности микрофинансовых и лизинговых организаций...* . Далее в тексте применяются грамматические конструкции будущего времени. Еще в одном материале анализируемой рубрики под названием «Еще одна скульптура красного зубра появится в Беларуси. Узнали где» журналист рассказывает о будущем событии, однако сообщая о нем в лиде, автор использует настоящее грамматическое время: *Еще одного огромного красного зубра устанавливают в Беларуси*. После автор пишет, что *он появится в Пружанах*, применяя форму будущего времени.

Таким образом, в медиатекстах будущее (запланированное) событие может передаваться в том числе грамматическими конструкциями настоящего времени. Можно заключить, что это является одной из особенностей медиатекстов: автор, повествуя о будущем событии, привязывает его к настоящему моменту, констатируя тем самым его осуществление.

В медийном дискурсе в большинстве случаев в разных жанрах и форматах новость передается прошедшим грамматическим временем, если описывается действие, которое уже случилось.

Подчеркнем, что конвергентные медиа обладают огромным преимуществом по сравнению с традиционными медиа в том отношении, что первые могут оперативно публиковать материалы о событиях, которые происходят в режиме реального времени, более того, постоянно дополняя и обновляя информацию об этих происходящих событиях. По сути, речь

идет о реализации в сообщениях реального времени. Так, в анализируемом разделе были представлены 2 информационные заметки о совещании Президента по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности (по времени с разницей в 20 минут). Журналист, описывая фактически уже произошедшее действие, использует грамматическую конструкцию настоящего времени, тем самым подчеркивая актуальность события и его отношение к настоящему временному контексту: *В формате совещания во Дворце Независимости Александр Лукашенко с представителями КГК **обсуждает** тему усовершенствования контрольно-надзорной деятельности.* А далее по тексту автор раскрывает новость, используя грамматические конструкции прошедшего времени: *Президент Беларуси **выразил** мнение о работе контролирующих органов...* Данный пример показывает, что в медиатекстах прошедшее (контекстное) событие может передаваться формами настоящего времени.

В целом, анализ медиатекстов рубрики «Общество» в синхронном срезе показал, что в большинстве сообщений новости описываются формами прошедшего времени. В отдельных случаях будущее или, наоборот, свершившееся событие может передаваться настоящим временем. В медиатекстах, точно так же как и в заголовочных корпусах, не было выявлено прецедентных текстов или явлений, которые могли бы имплицитно указывать на соответствующее контекстное время. Понятно, что данное лингвистическое явление характерно в большей степени для художественного типа дискурса, однако может встречаться и в текстах медийного дискурса.

Как уже ранее было отмечено, мы проанализировали медиатексты одноименной рубрики в сетевом издании sb.by, опубликованные также 21.05.2024. Их общее количество составило 120, почти в 6 раз больше, чем в издании «Минская правда». Подчеркнем, однако, что в сетевом издании одно и то же событие может быть представлено в нескольких материалах и в разные промежутки времени с акцентом на какой-то отдельный содержательный компонент события или с добавлением информации о новости. Соответственно, количество публикаций, посвященных одной и той же теме, увеличивается, в то время как тема не меняется.

Далее рассмотрим по аналогии с предыдущим изданием тематику проанализированных публикаций, их жанровое разнообразие и реализацию категории «время» в содержании представленных материалов. В табл. 2 отражена обобщенная информация о жанрово-тематической составляющей медиатекстов сетевого издания.

Таблица 2

Жанрово-тематическое разнообразие рубрики «Общество» на сайте sb.by

№	Тема	Жанр	Количество публикаций
1	Безопасность	Статья-мнение	1
		Информационная заметка	2
2	Белтелеком	Информационная заметка	1
3	Бизнес	Краткая информационная заметка	1
4	Великая Отечественная война	Тематическая статья	1
		Информационная заметка	2
		Информационная заметка с элементами фоторепортажа	3
		Краткая информационная заметка	2
		Формат фоторепортажа	1
		Краткая информационная заметка с элементами фоторепортажа	1
5	Военная служба	Информационная заметка	1
6	Граница	Краткая информационная заметка	1
7	Деятельность профсоюзов	Информационная заметка	4
8	Деятельность чиновников	Краткая информационная заметка	4
		Информационная заметка с элементами интервью	2
		Информационная заметка	1
9	Жилье/ЖКХ	Информационная заметка	4
10	Занятость	Информационная заметка	3
11	За рубежом	Статья-мнение	1
12	Люди и их деятельность	Тематическая статья	1
13	Медицина/ здоровье	Расширенная информационная заметка	1
		Информационная заметка	1
		Мультимедийная статья (интервью)	1
		Информационная заметка	1
14	Международное сотрудничество/у частие	Расширенная информационная заметка	1
		Статья-мнение	1
		Краткая информационная заметка	2
		Информационная заметка	5

15	Мероприятия в Беларуси (проекты, фестивали, др.)	Расширенная информационная заметка	2
		Информационная заметка с элементами фоторепортажа	1
		Информационная заметка	2
		Краткая информационная заметка	2
16	Министерства: обороны, энергетики, антимонопольного регулирования и торговли	Краткая информационная заметка	2
		Краткая информационная заметка	1
		Информационная заметка	1
17	Наука и технологии	Информационная заметка	2
		Краткая информационная заметка	2
18	Образование	Информационная заметка	3
		Информационная заметка с элементами интервью	2
		Краткая информационная заметка	2
		Информационная заметка с элементами фоторепортажа	1
19	Отдых	Краткая информационная заметка	1
20	Погода	Краткая информационная заметка	3
		Фоторепортаж	1
21	Политика	Информационная заметка	6
		Формат видеосообщения	1
		Краткая информационная заметка с видеоинформацией	1
		Мультимедийная статья	1
		Статья-мнение	1
		Информационная заметка с элементами интервью	2
		Краткая информационная заметка	1
		Краткая информационная заметка с элементами фоторепортажа	1
22	Правонарушения	Мультимедийная статья	1
		Информационная заметка	3
		Краткая информационная заметка	2
		Информационная заметка с элементами интервью	1

23	Президент	Краткая информационная заметка	2
		Краткая информационная заметка с видеоинформацией	1
		Мультимедийная статья	3
		Информационная заметка с элементами интервью	1
		Расширенная информационная заметка	1
24	Природа	Краткая информационная заметка	4
		Информационная заметка	2
25	Семья/дети	Расширенная информационная заметка	1
		Краткая информационная заметка	1
26	Строительство	Информационная заметка	1
		Краткая информационная заметка	1
27	Транспорт	Краткая информационная заметка	1
28	Экстремизм	Формат информационного списка	1
		Информационная заметка	1

Анализ материалов сетевого издания позволил нам выделить 28 тематических блоков, по сути, в два раза больше, чем в газете «Минская правда». На повестке дня в сетевом издании sb.by лидируют такие топики, как «Политика» (14 материалов), «Великая Отечественная война» (10 материалов), «Международное сотрудничество/участие» (9 материалов), «Президент» (8 материалов), «Образование» (8 материалов).

Несмотря на большое количество медиатекстов в данном издании, жанровое разнообразие практически соотносится с жанрами, которые мы рассмотрели на веб-сайте mlyn.by, что свидетельствует о единых тенденциях в функционировании разных конвергентных медиа. В ходе анализа были выявлены следующие жанры и форматы медиатекстов: информационная заметка была представлена в 104 материалах (почти 86,7%). Однако важно отметить, что в издании sb.by присутствует больше разновидностей данного жанра: преобладающей традиционно выступает краткая информационная заметка; используется расширенная информационная заметка; информационная заметка с видеоинформацией и элементами как интервью, так и фоторепортажа в содержании. Мы также определили формат информационного списка и формат видеосообщения, но на каждый из данных форматов приходится всего лишь по 1 публикации (вместе

примерно 1,7 %); фоторепортаж составил 2 материала (1,7 %); мультимедийная статья встретила в 6 публикациях (5 %); статья-мнение – в 4 медиатекстах (3,3 %) и тематическая статья – в 2 публикациях (1,7 %). Таким образом, преобладающими жанрами и в этом издании выступают информационные, которые нацелены, в первую очередь, на передачу основной информации о событии потенциальным пользователям, нежели на ее детальный анализ и разъяснение.

Мы также обратили внимание, что некоторые тематические блоки более разнообразные по разновидностям жанров, используемых журналистами для освещения соответствующей новости. Это, например, как можно заметить из табл. 2, темы «Великая Отечественная война», «Медицина/здоровье», «Образование», «Политика», «Президент».

Для репрезентации дискурс-категории «время» в анализируемом сетевом издании авторы также используют соответствующие грамматические видовременные формы, что совпадает с описанными ранее способами ее реализации в белорусском издании *mlyn.by*. Чаще всего свершившиеся события передаются прошедшим временем вне зависимости от жанра или формата сообщения; события, которые будут происходить, соответственно, формами будущего времени; события, которые начались, но являются актуальными для текущего времени, реализованы при помощи грамматических видовременных конструкций настоящего времени. Например, в материале «Алейник провел переговоры с коллегой из Казахстана» журналист сообщает: *В Астане **состоялась** встреча министра иностранных дел Беларуси Сергея Алейника с заместителем премьер-министра – министром иностранных дел Казахстана Маратом Нуртлеу.* В этом же материале наблюдаем передачу информации о запланированном событии: *Сергей Алейник проинформировал коллегу **о планируемом 27 мая открытии** в Костанаве производства кабин по полному циклу для белорусской тракторной техники на ТОО «Машиностроительный завод МТЗ-Казахстан», а также **открытии 28 мая** в Кокшетау новой производственной линии по сборке тракторной техники и производства кабин для малых тракторов на ТОО «Казахстанская Агро Инновационная Корпорация».* В данном примере мы видим передачу действий разными видовременными формами.

Дискурс-категория «время» отражается в сообщениях анализируемого издания при помощи разного рода лексических маркеров. Например, в материале «Что изменится в работе контролирующих органов и о чем Лукашенко предупредил проверяющих» автор пишет: ***21 мая** на совещании*

у Президента Беларуси обсуждали совершенствование контрольно-надзорной деятельности. Выделенное словосочетание позволяет репрезентировать категорию «время». В этом же материале далее читаем: *Еще в 2009 году на основании Указа № 510 в стране была сформирована целостная система контроля. Спустя восемь лет, в 2017-м, ее комплексно модернизировали исходя из потребностей государства и общества.* Выделенные фрагменты также отражают реализацию дискурс-категории «время», что позволяет читающим сориентироваться в освещаемых вопросах и описываемой ситуации в сообщении.

В медиатекстах рубрики авторы ссылаются на конкретные даты и годы, названия месяцев, поры года и др., чтобы аудитории было понятно, о чем идет речь, и проследить последовательность в описании того или иного факта, явления и др. Кроме того, маркерами, конкретизирующими время, выступают и такие лексические единицы, как *сегодня, во время встречи, вчера, текущий год, в прошлом году, ближайшее воскресенье* и др. Например, *Во время встречи стороны обсудили и другие направления совместной работы* (из материала «Всеобщая конфедерация профсоюзов будет защищать на международной арене интересы белорусских трудящихся»).

Категория «время» репрезентируется в текстах медийного дискурса упоминанием исторических дат и событий. В анализируемой рубрике «Общество» выделен тематический блок «Великая Отечественная война», в котором представлены медиатексты, освещающие события, связанные с войной (либо с произошедшими действиями, либо в привязке к настоящему или будущему контекстному времени). Приведем выдержку из цитаты Митрополита Вениамина, включенной в сообщение журналиста: *Мы стараемся сделать правильные выводы из событий Великой Отечественной войны, чтобы это больше не повторилось. Однако мы видим, что сейчас к этому есть предпосылки, свидетельствующие о том, что этот процесс не канул в прошлое 80 лет назад* (из публикации «Митрополит Вениамин: мы видим, что некоторые страны не усвоили уроки Великой Отечественной войны»).

В анализируемой рубрике мы не нашли использования журналистами прецедентных текстов для передачи той или иной информации.

Таким образом, с учетом проанализированных медиатекстов двух белорусских изданий – веб-сайта mlyn.by общественно-политической газеты «Минская правда» и сетевого издания sb.by Издательского дома «Беларусь сегодня» – можно заключить, что в способах реализации

дискурс-категории «время» наблюдаются общие тенденции; повестки дня в двух изданиях практически идентичные, хотя в сетевом присутствует большее количество тематических блоков; в жанровом разнообразии преобладающими в двух белорусских изданиях выступают информационные, что является одной из основных характеристик современных конвергентных медиа. Отметим также, что жанрово-тематическая реализация медиатекстов не оказывает значительного влияния на репрезентацию дискурс-категории «время» в двух онлайн-изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашкин, В. Б. Дискурс : учеб. пособие / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 76 с.*

Поступила в редакцию 17.06.2024

Метлушко Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой фонетики
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Metlushko

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Phonetics
and Grammar of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
metluschko@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МНЕМИЧЕСКОГО
НАРРАТИВА О ХАТЫНСКОЙ ТРАГЕДИИ

STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANIZATION
OF THE MNEMONIC NARRATIVE ABOUT THE CHATYN TRAGEDY

В статье рассматриваются лингвистические (антропоцентричность современной научной парадигмы, «неупорядоченность нарратива», отсутствие междисциплинарной терминологической преемственности и т.д.) и экстралингвистические причины (геополитическая нестабильность и т.д.), сложности и перспективы (расширение представлений о когнитивных и коллективных мнемических процессах) изучения мнемического нарратива. Установлена модифицированная структурно-семантическая организация мнемического нарратива очевидцев хатынской трагедии в сопоставлении с описанной У. Лабовым структурой нарратива личного опыта. Выявлены перманентно реализуемые элементы структуры мнемического нарратива о хатынской трагедии – *последующие события* и *разрешение ситуации*. Определено, что *ориентация* как элемент структурной организации нарратива не имеет четкой локализации, а дисперсно представлена во всем тексте; *оценка происшедшего нарратором* не выделена в отдельный структурный элемент. Выявлено, что наличие адресата стимулирует диалогизацию мнемического нарратива и приводит к вербализации *коды* и *тезиса* в структуре нарратива.

Ключевые слова: *нарратив; мнемический нарратив; нарративизация памяти; коллективная память; Хатынь; Memory Studies.*

The article dwells on linguistic (anthropocentricity of modern scientific paradigm, “disorganization of narrative”, lack of interdisciplinary terminological continuity etc.) and extralinguistic reasons (geopolitical instability etc.), difficulties and prospects (expanding ideas about cognitive and collective mnemonic processes) of studying mnemonic narrative. A modified structural and semantic organization of the mnemonic narrative of the surviving witnesses of the Khatyn tragedy has been compared with the structural organization of the narrative of personal experience described by W. Labov. The permanent elements in the structure of the mnemonic narrative about the Khatyn tragedy are highlighted – *the complicating actions* and *resolution*. It is stated that *the orientation* as an element of the structural organization of the narrative does not have a clear localization, but is verbalized throughout the text; the narrator’s *evaluation* is not

highlighted as a separate structural element. The presence of an addressee stimulates the dialogization of the mnemonic narrative and leads to the verbalization of *the coda* and the *abstract* in the structure of the narrative.

Key words: *narrative; mnemonic narrative; narrativization of memory; collective memory; Chatyn; Memory studies.*

Интерес к изучению мнемического нарратива обусловлен антропоцентричностью современной научной парадигмы. Под мнемическим нарративом понимаются «повествовательные тексты, объединенные темой памяти или воспоминания, используемой в качестве стратегии текстообразования» [1]. Память человека – «одна из важнейших функций центральной нервной системы, на основе которой организм может использовать свой прошлый опыт для построения поведения в настоящем» [2].

Изучение мнемического нарратива в белорусской и российской лингвистике «пока еще находится на стадии разработки» [3]. Малоизученность феномена обусловлена рядом лингвистических и экстралингвистических причин. К первым относится отсутствие междисциплинарной терминологической преемственности, сложность в релевантной адаптации результатов трансдисциплинарных исследований, несмотря, например, на апелляцию к оязыковленной памяти представителями разных социально-гуманитарных областей научных знаний (лингвистов, социологов, антропологов и др.). Относительно недавнее (конец XX в.) знакомство широкого круга исследователей с работами М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман, Н. Эппле и др. привело к формированию самостоятельного направления социогуманитарных исследований – *Memory studies*. Разрозненные инициативы по изучению дискурса памяти в целом и мнемического нарратива (одного из подтипов данного дискурса в частности) привели к созданию международной ассоциации «*Memory Studies Association*», проведению ежегодных тематических конференций, учреждению профильных центров, например, Национальный центр исторической памяти в России, 2023 г.

Влияние экстралингвистических причин на малоизученность мнемического нарратива значительно и одновременно амбивалентно. С одной стороны, особый научный интерес к изучению памяти, как надиндивидуальному феномену (коллективная память [4]) возник в ответ на геополитическую нестабильность XX в., актуализируя потребность индивида и коллектива в осознании, осмыслении, нормировании, оценке и встраивании пережитых значимых мировых и локальных событий в ценностную парадигму коллектива с целью упорядочивания картины мира.

С другой стороны, многочисленные войны, смены политических режимов, техногенные катастрофы и т. п. представляют собой «antenarrative» (преднарратив) [5], т. е. индивид находится внутри «неупорядоченного нарратива», «невыстроенного повествования» [6], когда «нет ни сюжета, ни завершенности, потому что рассказчик видит все в настоящем времени, в котором и находится» [Там же], пытаюсь понять происходящее. В преднарративе не произведена селекция героев, соответствующих контекстов, не сформирована моноидеологичность [5]. Нахождение в преднарративе «отражает коллективную память до того, как сформировано общественное мнение, общественное согласие о происшедших событиях» [6], что также не позволяло осмыслить происходящее в непродолжительные мирные временные отрезки XX в.

Отметим, что трудности в изучении мнемического нарратива обусловлены и спецификой ключевого феномена исследования – памяти – негомогенного явления, включающего многочисленные процессы на условной нелинейной шкале от памятования до забвения, что затрудняет изучение и описание данного явления, получающего языковую реализацию в рамках некоторой одной научной области.

Вместе с тем сложно переоценить значение изучения мнемического нарратива, как источника сведений о специфике оязыковлениа прошлого индивидом и/или коллективом, хотя бы на основании того, что именно мнемический нарратив служит опорой для существования «мест памяти» [7] (мемориалов, памятников и т.д.), которые «могут функционировать как таковые в том случае, если они подкреплены соответствующими нарративами, циркулирующими в данном сообществе» [8].

В центре внимания настоящего исследования – мнемический нарратив об одном из памятных мест Республики Беларусь – Мемориальном комплексе «Хатынь», построенном на месте сожженной в результате карательной операции немецко-фашистскими захватчиками 22 марта 1943 г. д. Хатынь. Живыми было сожжено 149 человек, включая 75 детей до 16-летнего возраста [9]. Официально признано выжившими свидетелями трагедии Владимир (13 лет) и Софья (9 лет) Яскевичи, Александр (12 лет) и Виктор Желобкович (7 лет), Антон Барановский (12 лет) и Иосиф Иосифович Каминский (56 лет).

Выбор темы исследования обусловлен особым символическим статусом д. Хатынь, которая воплощает память о 169 сожженных во время Великой Отечественной войны деревнях на территории современной Республики Беларусь; многочисленными упоминаниями хатынской трагедии в современных белорусских СМИ: на сайте БелТА (в период с 05.07.2021

по 07.11.2023 опубликовано 1000 текстов, содержащих упоминание хатынской трагедии); актуальностью поискового запроса по ключевому слову *Хатынь* среди пользователей сети Интернет из Республики Беларусь (по данным Google Trends за 2023 г. данный запрос является «сверхпопулярным» среди пользователей поисковой системы Google в Республике Беларусь).

Цель настоящего исследования – установить структурно-семантическую организацию мнемического нарратива о хатынской трагедии.

Полагаем, что несмотря на наличие субъективного опыта, оценки и индивидуальных особенностей оязыковлениа памяти в текстах воспоминаний о хатынской трагедии количество сходств в их структурно-содержательной организации превалирует над различиями. Изучение специфики оязыковлениа, структурирования вербализованных воспоминаний представляется значимой в свете новых данных исследования Б. ван дер Колка о заторможенности проводящих путей головного мозга в момент угрозы или опасности, что приводит к временной утрате способности человека к говорению [10], а соответственно, указывает на физиологически обусловленные трудности в языковой фиксации мнемического опыта очевидцев-нарраторов.

Изучение структурно-семантической организации мнемического нарратива о хатынской трагедии осуществлено на корпусе текстов-воспоминаний выживших очевидцев трагедии. Тексты отобраны методом целенаправленной выборки в сети Интернет по поисковым запросам *Хатынь, сожженная деревня, хатынская трагедия*, а также по фамилиям выживших свидетелей. В корпус включены монологические тексты-воспоминания очевидцев (28 текстов), записанные и опубликованные в разное время (с 1946 по 2018 г.); тексты-интервью, данные выжившими очевидцами корреспондентам различных изданий (например, опубликовано интервью С. Яскевича корреспонденту издания «Советская Белоруссия»); скрипт 2-минутного выступления И. И. Каминского на церемонии открытия мемориального комплекса «Хатынь» 5 июля 1969 г., представляющий собой повествование от первого лица о трагических событиях в д. Хатынь 22 марта 1943 г.; 2 текста воспоминаний жителей соседних деревень (например, А. Рудак, С. Климович), побывавших в д. Хатынь (23 марта 1943 г.) и свидетельствовавших об увиденном на месте трагедии. Включение моно- и диалогических мнемических текстов обусловлено малочисленностью текстового материала, оставленного очевидцами трагедии.

Анализ структурной организации нарратива о хатынской трагедии проведен на основе концепции У. Лабова, описывающего 6-компонентную структуру нарратива личного опыта, к которому относится и мнемический нарратив: *тезис, ориентация, последующие события, разрешение ситуации, оценка произошедшего нарратором, кода* [11].

Изучение корпуса нарративов о хатынской трагедии позволяет заключить, что в 100 % исследованных текстов не соблюдается каноническая структура организации нарратива личного опыта, представленная в работе У. Лабова [Там же]. Модифицированная структура мнемического нарратива о хатынской трагедии представлена комбинацией *последующих событий* и *разрешения ситуации*. В текстах получает отражение как момент трагедии – сожжение, расстрел жителей деревни в сарае (*Открыв дверь сарая, каратели стали расстреливать из пулеметов, автоматов и другого оружия граждан, но стрельбы почти не было слышно из-за криков людей* (И. И. Каминский)), попытки выжить (*Мы с мамой выскочили из сарая и попали под шквал огня* (В. Желобкович)), так и события после оставления деревни немецко-фашистскими захватчиками (*Кем и когда производилось захоронение трупов и останков жителей деревни Хатынь, мне не известно, так как после всего пережитого, не мог видеть место уничтожения своих односельчан* (В. Желобкович)). Акцентуация нарраторами ключевых событий хатынской трагедии способствует быстрому погружению адресата в излагаемое и удержанию его внимания. Особо отметим, что воплощение таких структурных элементов, как *последующие события* и *разрешение ситуации* сопровождается многочисленными описаниями эмоционально-психических состояний (*от страха прижался к материнскому телу* (В. Желобкович)); характерологическими детализациями (*захватчики хладнокровно расстреливали* (В. Желобкович)).

Ориентация как компонент структуры исследованного мнемического нарратива не имеет четкой локализации, а фрагментарно присутствует во всех частях текстов и фиксирует информацию об участниках событий, времени, месте, сопутствующих ситуации обстоятельствах. Высокая степень детализации обусловлена стремлением нарратора убедить адресатов в подлинности рассказываемого.

Так, многочисленны указания на место происходящих событий: упоминают д. Хатынь (*То, что произошло с Хатынью, трудно было предсказать* (В. Желобкович)) и близлежащие территории (д. Хворостени, д. Козинец, хут. Мокредь): *Девочка слышала крики, остро ощущала запах гари и дыма, но до конца не понимала, что происходит. В смятении она направилась в сторону Мокреди, на хутор, где жили ее дядя и тетя*

(С. Яскевич). Очевидцы обращаются к описанию планировки деревни: наша хата стояла на самом краю с левой стороны (С. Яскевич). Выделяется детализированность репрезентации сарая – места трагедии: загнали в колхозный сарай, стоящий посредине деревни, представляющий из себя постройку с соломенной крышей размером примерно 12х10 метров (В. Желобкович).

Однако центральное место в смысловом наполнении элемента *ориентация* в исследуемых мнемических нарративах принадлежит повествованию о членах семьи и их участии (В семье было четверо детей: два брата, сестра и я – самый младший (В. Желобкович); Ему (племяннику) было всего 7 недель (С. А. Яскевич); Мой сын Адам еще успел спросить: а жива ли мама? И тут же умер (И. И. Каминский)); односельчанах и происходившего с ними (Один каратель приказал дочери Иодко – Марии (18 лет) – остаться дома (А Барановский)). Неоднократно упоминаются партизаны (22 марта 1943 года – этот день я запомнил на всю свою жизнь – в деревне также были партизаны (В. Желобкович), Часа в три дня зашли партизаны, фамилии которых я не помню, и сообщили, что горит деревня Хатынь (С. Климович)); фашисты (Мы под конвоем карателей двигались к центру деревни... Как только все сельчане оказались в сарае, фашисты его заперли (В. Желобкович)). Общим для всех очевидцев трагедии является акцент на личном опыте выживания в хатынской трагедии: В этой суматохе мне удалось бежать в лес (С. Яскевич); Я, раненый, чтобы не стрелял по мне каратель, лежал без движений, притворившись мертвым... (И. Каминский).

Детализированность в вербализации *ориентации* обусловлена особым вниманием к трагедии, необходимостью восстановления исторической достоверности. Вместе с тем, полагаем, что события 22 марта 1943 г. были столь драматичными, что их невозможно забыть, о чем свидетельствуют сами нарраторы: Как жить с такой памятью всю жизнь? (С. Яскевич).

Оценочность как элемент структурной организации мнемического нарратива, включающий *отношение рассказчика к действию* [11] не локализована в отдельный структурный элемент исследованных нарративов. Очевидцы детально фиксируют происшедшее, описывают муки жертв трагедии, указывают на свои эмоциональные состояния, при этом не отражая суждений относительно действий захватчиков. Полагаем, что это обусловлено наличием универсального осуждения действий немецко-фашистских захватчиков, что мотивировало нарраторов акцентировать внимание на жизни и смерти родных и односельчан, на произошедшей

трагедии, нежели на осуждении действий оккупантов. Вместе с тем отсутствие вербализованного авторского отношения к излагаемому дает возможность адресатам оценить изложенные факты о хатынской трагедии, сформировать личное оценочное суждение.

Однако отсутствие элемента *оценочности* в структурной организации исследованного мнемического нарратива не тождественно отсутствию вербализованной оценочности как языковой категории (*страшные дикие вопли людей; в озлобленной форме* и т.д.), которая многократно воплощается во всех исследованных нарративах.

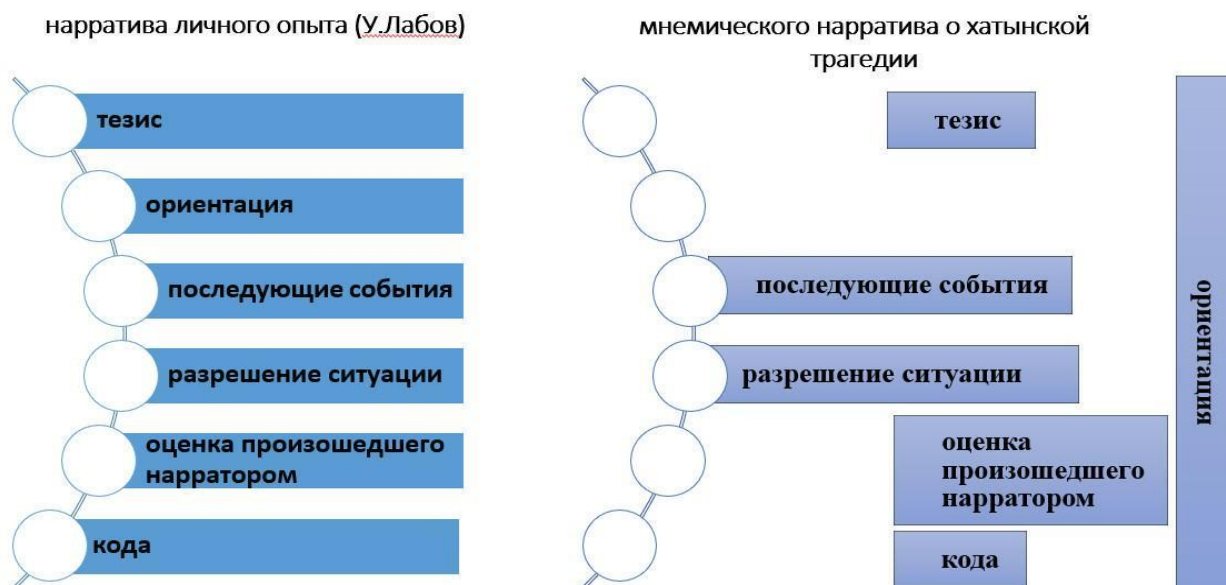
В 87,5 % всех проанализированных нарративов от первого лица не выявлены *тезис* и *кода*, что обусловлено отсутствием необходимости малочисленным выжившим очевидцам апеллировать к персональным мнемическим процессам, дополнительно погружать адресата в контекст хатынской трагедии, известной каждому белорусу (о событиях в д. Хатынь было известно жителям иных населенных пунктов еще во время Великой Отечественной войны, о чем свидетельствует размещенный в Мемориальном комплексе «Хатынь» экземпляр акта жителей д. Селище Плещеницкого района Минской области о сожжении карателями д. Хатынь от 25 марта 1943 г.). Так, структурно-семантическая организация воспоминаний И. И. Каминского представлена лишь элементами *последующие события* и *разрешение ситуации*, что обеспечивает непосредственное описание момента трагедии: «Обреченные на смерть люди, в том числе я и члены моей семьи, сильно плакали, кричали».

Наличие *коды* выявлено в воспоминаниях С. Яскевич («Как жить с такой памятью всю жизнь? Разве легко? Вы молодежи расскажите, пусть знает и никогда не воюет, нужно мирно жить, детки») и И. И. Каминского («Дорогие товарищи, прошу, чтоб больше этого не получилось, чтоб мы дожили век, чтоб больше этого не было» [12]), что объясняется наличием собеседника в случае фиксации воспоминаний С. Яскевич – интервью корреспонденту газеты «Советская Белоруссия» и наличием аудитории во время выступления И. И. Каминского при открытии Мемориального комплекса в д. Хатынь. Полагаем, что структура мнемического нарратива зависит от ее моно- или диалогической формы.

Универсальным для всех проанализированных нарративов является отсутствие текстов, соблюдающих последовательную реализацию всех 6 компонентов структуры нарратива личного опыта, что допускал и В. Лабов в пересмотренном варианте своей теории [13].

Обобщенная структура мнемического нарратива о хатынской трагедии в сопоставлении с концепцией структурной организации нарратива личного опыта У. Лабова представлена на рисунке.

Структурно-семантическая организация

Структура мнемического нарратива о хатынской трагедии в сопоставлении с концепцией структурной организации нарратива личного опыта У. Лабова

Представленные на рисунке данные иллюстрируют полученные в ходе исследования результаты: структура мнемического нарратива о хатынской трагедии, относящегося к нарративу личного опыта, имеет значительные отличия от последнего (описанного У. Лабовым) и перманентно представлена такими структурными элементами, как *последующие события* и *разрешение ситуации*, что способствует оперативному погружению адресата в контекст описываемых событий и создает достоверную картину происшедшего.

Выявленные различия как в компонентном составе структуры нарратива, так и в последовательности реализации тех или иных элементов структуры указывают на особенности отбора и структурирования значимой информации нарраторами, при наличии общей интенции – поделиться воспоминаниями о хатынской трагедии.

Более того, отмечены значительные модификации в реализации *ориентации*, которая не получает четкой локализации в структуре нарратива, а представлена вкраплениями в иные структурные блоки исследуемого нарратива. Частотная апелляция к пространственно-временным координатам, упоминание людей и т.п. способствует более точной «визуализации» событий адресатами.

Установлено, что актуализация компонентов в структуре мнемического нарратива зависит от наличия/отсутствия аудитории при фиксации или воспроизведении воспоминаний. Наличие собеседника побуждает

автора к диалогизации, дополнительному обозначению и комментированию мнемических процессов (на структурном уровне представлено *тезисом*), а также к маркированию выхода из воспоминаний (выражено *кодой*).

Примечательным является отсутствие элемента *оценка произошедшего нарратором*, что, полагаем, связано со стремлением очевидцев максимально точно отразить происшедшее, без повторения всеобщего осуждения действий немецко-фашистских карателей.

Таким образом, сопоставление структурно-семантической организации нарратива личного опыта (концепция У. Лабова) с организацией мнемического нарратива о хатынской трагедии указывает на модифицированность структуры последнего. Так, при общности структурных элементов (*последующие события, разрешение ситуации, оценка произошедшего нарратором* и т.д.) и в нарративе личного опыта, и в мнемическом нарративе о хатынской трагедии, для последнего характерно перманентное воплощение таких элементов, как *последующие событий и разрешения ситуации; ориентация* как элемент структурной организации нарратива не имеет четкой локализации, а дисперсно представлена во всем тексте; *оценка произошедшего нарратором* – не выделена в отдельный структурный элемент.

Выявленные различия в структурно-семантической организации мнемического нарратива о хатынской трагедии свидетельствуют о специфике отбора, структурирования и оязыковлени очевидцем значимых драматических исторических событий. Более того, установлено, что несмотря на возрастные, гендерные и иные различия в мнемическом опыте очевидцев-нарраторов, оязыковление воспоминаний имеет значительные сходства на уровне структурно-семантической организации мнемического нарратива о хатынской трагедии, что является значимым и требующим дальнейшего изучения способов вербализации когнитивных процессов индивида как продуцента мнемических нарративов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Burima, M.* Memory Narrative Waves in the 20th Century Latvian Literature [Electronic resource] / M. Burima // ResearchGate. – Mode of access: https://www.researchgate.net/profile/Maija-Burima/publication/282913652_MEMORY_NARRATIVE_WAVES_IN_THE_20_TH_CENTURY_LATVIAN_LITERATURE/links/56227ac608aed8dd1943fe4a/MEMORY-NARRATIVE-WAVES-IN-THE-20-TH-CENTURY-LATVIAN-LITERATURE.pdf. – Date of access: 01.11.2023.

2. Память [Электронный ресурс] / Н. Ю. Беленков [и др.] // Большая медицинская энциклопедия / под ред. Б. В. Петровского. – 3-е изд. – М., 1982. – Т. 18. – Режим доступа: <https://бмэ.орг/index.php/ПАМЯТЬ>. – Дата доступа: 01.11.2023.
3. Тивьяева, И. В. Структурная организация мнемического нарратива [Электронный ресурс] / И. В. Тивьяева // Сиб. филол. журн. – 2020. – № 1. – С. 303–315. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnaya-organizatsiya-mnemicheskogo-narrativa/viewer>. – Дата доступа: 09.11.2023.
4. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
5. Boje, D. M. Deconstructing the narrative story-duality – constructing a space for ethics [Electronic resource] / D. M. Boje, K. M. Jørgensen // Derrida, Business, Ethics : Symp., Centre for Philosophy and Political Economy, Univ. of Leicester, 14–16 May 2008. – Mode of access: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/48783790/boje_paper-libre.pdf?1473724239=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DDeconstructing_the_narrative_story_duali.pdf&Expires=1699688507&Signature=ISlfGyMGoMiTmDyru9OgzNFDpIKInCJdgjchdWq1Vmh0TswDF92457HUSZDzlEjorspJ52~GPBPNBaj0~yl0Xu5ykj-ibBvx2-AyDSZnGAxJDDe7SdnViwFKGXQrXO2m9qqGywX5Mv0ueWSfMsbYRFCGPRcJkpW5EuoNVPuwfRY7beivwTsVDWb0srK4~q7BsmT~CocB35mP9T-HTSJ4qLYVaEnOfnjjuOgNLFqvzGEKXp2xnS2vITWD3XNCJLpXqnY9oGymxp1B2FT1EjiTLGPHzG31jxFpbil6JVDTpqPEmbJ5vPdQYjhXLHhBeyg5dV7Sb1lbZLSUicuNu5jg__&Key-Pair-Id=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA. – Date of access: 11.11.2023.
6. Почепцов, Г. Г. Нарративный инструментарий воздействия [Электронный ресурс] / Г. Г. Почепцов // Верхневолж. филол. вест. – 2015. – № 3. – С. 41–47. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnyy-instrumentariy-vozdeystviya/viewer>. – Дата доступа: 11.11.2023.
7. Нора, П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаева. – СПб., 1999. – С. 17–50. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>. – Дата доступа: 07.11.2023.
8. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев // Новое лит. обозрение. – 2012. – № 117 (5). – С. 18–25. – Режим доступа: <https://magazines.gorkymedia/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogoobrazie-obektov.html>. – Дата доступа: 01.11.2023.
9. Хатынь: Государственный мемориальный комплекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.khatyn.by/ru/>. – Дата доступа: 07.11.2023.

10. *Van der Kolk, B. A. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma* [Electronic resource] / B. A. Van der Kolk. – New York : Viking, 2014. – 445 p. – Mode of access: https://archive.org/stream/436-brain-mind-and-body-in-the-healing-of-trauma-with-bessel-van-der-kolk-md/436_djvu.txt. – Date of access: 05.11.2023.
11. *Labov, W. Speech actions and reactions in personal narrative* / W. Labov // *Analyzing discourse: Text and talk* / ed. by D. Tannen. – Washington, D. C., 1987. – P. 219–247.
12. *Азанович, Т. «Я спряталась под картошкой и старым пальто накрылась». Последние свидетели Хатыни рассказывают, как им удалось выжить* / Т. Азанович // Республика. – 2018. – 22 марта. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/poslednie-svideteli-khatyni.html>. – Дата доступа: 10.11.2023.
13. *Labov, W. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience* [Electronic resource] / W. Labov, J. Waletzky // *J. of Narrative and Life History*. – 1997. – Vol. 7, iss. 1–4. – P. 3–38. – Mode of access: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/jnlh.7.02nar>. – Date of access: 05.11.2023.

Поступила в редакцию 27.12.2024

Михалькова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Mikhalkova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese
Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadezhdakr@yandex.ru

МОТИВИРОВАННОСТЬ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЗООНИМОВ
(на материале детерминативов сложных знаков китайской письменности)

MOTIVATION PRINCIPLES OF THE CHINESE CHARACTERS
WITH ZOONYMIC SEMANTICS
(Based on the Radicals of Complex Signs)

В данной статье путем анализа семантических характеристик сложных знаков китайского языка выявляются особенности наполнения иероглифических гнезд с детерминативами-зоонимами 虫 'насекомое', 鱼/魚 'рыба', 鸟 'птица', 犬/狗 'собака', 鼠 'мышь', 豸 'барсук', 隹 'короткохвостая птица', 牛 'корова', 羊 'баран', 马 'лошадь', 鹿 'олень' и др., определяется набор мотивировочных признаков, обуславливающих выбор основного смыслового компонента иероглифов – детерминатива-зоонима; устанавливается подсистема семантических связей между детерминативом-зоонимом и входящими в состав иероглифического гнезда сложными иероглифами, описывающими живых существ различного типа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *мотивированность; детерминатив; иероглиф; зооним; знак; китайский язык.*

Complex signs of the Chinese language with radicals-zoonyms are analyzed in the article. The semantic characteristics of the characters that included in the character groups with radicals-zoonyms 虫 'insect', 鱼/魚 'fish', 鸟 'bird', 犬/狗 'dog', 鼠 'mouse', 豸 'badger', 隹 'short-tailed bird', 牛 'cow', 羊 'ram', 马 'horse', 鹿 'deer' etc. are revealed in the article. The subsystem of semantic bounds that are established between the radical-zoonym and the complex characters included in the different character groups are described based on the definition and the set of motivational features that determine the choice of the main semantic component radical-zoonym (nominations of mammals, reptiles, mollusks, predators, fish, birds, etc.) and attributes of various types.

К е у w o r d s: *character; motivation; semantics; determinative; nomination; zoonym; the Chinese language.*

Общеизвестно, что, начиная со словаря Сюй Шэня [1] и по сей день, китайское иероглифическое письмо организуется по ключевому принципу, благодаря которому формируются соответствующие области знаков.

Данная идея, заложенная в трудах синологов еще в I в. н.э., находит впоследствии отражение в работах, посвященных структурно-семантическому анализу иероглифических гнезд в XIX–XXI вв. [2; 3; 4; 5; 6], включая разработки методических систем преподавания китайского языка, с помощью которых для обучения письму или чтению иероглифов создаются соответствующие авторские фреймовые [7], гнездовые [8], концептуальные [9], монадно-модусные [10] и иные структуры, объединенные некоторой общей ассоциативно-смысловой идеей.

Ключевыми знакообразовательными элементами в этом направлении исследований становятся детерминативы. Будучи основными смысловыми компонентами сложных знаков китайской письменности, они являются одним из основных способов определения мотивированности составных иероглифов, обуславливая специфическое построение всей системы китайских знаков [11; 12].

Результаты уже выполненных в этом направлении исследований [13; 14] фрагментарны и не позволяют в полной мере ответить на вопрос о том, какие именно идеи и мотивировочные признаки репрезентируют детерминативы сложных иероглифических знаков. Остается недостаточно ясным также, каким образом они влияют на выбор смысловых компонентов и семантическое наполнение соответствующих иероглифических гнезд, как сложные знаки распределяются по иероглифическим группам с различными детерминативами.

В качестве объекта исследования нами выбрана базовая семантическая группа номинаций – обозначения животных (зоонимы), поскольку представления об этой системе субъектов живой природы формируются у человека одними из первых. Более того, на примере зоонимов становятся особенно очевидны общие или различные характеристики при сопоставлении данных классификаций языковой (иероглифической) и научной (биологической) картин мира. Анализ детерминативов-зоонимов, а также сложных знаков, в состав которых они входят, позволил определить набор графем подсистемы детерминативов-зоонимов как ключевых смысловых компонентов знаков и репрезентантов мотивировочных оснований иероглифических номинаций животных; а также выявить семантические связи и мотивировочные признаки, служащие основанием выбора детерминатива иероглифического знака-зоонима китайского языка.

Анализ иероглифов-зоонимов китайского языка производился путем выделения набора детерминативов, которые могут входить в зоонимические номинации. Источниками на данном этапе исследования

послужили иероглифические [15] и тематические словари китайского языка [16]. С целью выделения детерминативов и последующего анализа сложных иероглифических знаков для определения первого значения иероглифа были использованы иероглифические [15], толковые [17; 18] и этимологические словари [1; 15].

В материал исследования, таким образом, вошли иероглифические знаки, в составе которых, согласно лексикографическим источникам, имеют место в китайской иероглифике графемы-зоонимы (虫 ‘насекомое’, 鱼/魚 ‘рыба’, 鸟 ‘птица’, 犬/狗 ‘собака’, 鼠 ‘мышь’, 豸 ‘барсук’, 隹 ‘короткохвостая птица’, 牛 ‘корова’, 羊 ‘баран’, 马 ‘лошадь’, 鹿 ‘олень’ и др.). Общий объем проанализированных сложных иероглифов составил 1958 единиц.

Следует отметить, что подсистема детерминативов, которые включены в состав сложных иероглифов-зоонимов китайского языка, представляет собой набор из 18 графем, включающих как обозначения животных (虫 ‘насекомое’, 鱼/魚 ‘рыба’, 鸟 ‘птица’, 犬/狗 ‘собака’, 鼠 ‘мышь’, 豸 ‘барсук’, 隹 ‘короткохвостая птица’, 牛 ‘корова’, 羊 ‘баран’, 马 ‘лошадь’, 鹿 ‘олень’, 豕 ‘свинья’, 虎 ‘тигр’), так и иные семантические категории графем, например, 艹 ‘трава’, 木 ‘дерево’ и 彑 ‘голова свиньи’.

Объем представленных в китайской системе иероглифических гнезд, куда входят вышеперечисленные детерминативы, неоднороден: имеют место графемы, которые чаще включаются в состав сложного производного знака и, соответственно, формируют большие иероглифические подсистемы единиц. Вместе с тем выявлены детерминативы, которые используются мало, что приводит к небольшому объему иероглифического гнезда.

Самыми частотными детерминативами-зоонимами, образующими наиболее разветвленные системы иероглифических гнезд в китайском языке, являются такие графемы, как: 虫 ‘насекомое’, 鱼/魚 ‘рыба’, 隹 ‘короткохвостая птица’, 牛 ‘корова’ и 犬/狗 ‘собака’. Среднечастотными детерминативами оказались следующие графемы: 豕 ‘свинья’, 虎 ‘тигр’, 豸 ‘барсук’, 鸟 ‘птица’, 羊 ‘баран’. К наименее частотным могут быть отнесены детерминативы 鹿 ‘олень’, 鼠 ‘мышь’ и 马 ‘лошадь’.

Организация всех зоонимов китайского языка по вышеперечисленным иероглифическим гнездам детерминируется рядом семантических связей. Самым частотным видом связей, выступающим основанием выбора детерминатива-зоонима, является г и п е р о - г и п о н и м и я (100 % детермина-

тивов), т.е. включение в составной иероглиф детерминатива-зоонима связано, прежде всего, с необходимостью обозначить видовые категории животных. Например, 63 % сложных иероглифов китайского языка с детерминативом 虫 'насекомое' – это обозначения видовых номинаций насекомых, в частности, гусениц: 蛭 'крупная зелёная гусеница', 蛄 'гусеница-землемер, гусеница пяденицы', 蚕 'гусеница тутового шелкопряда', 蝼 'волосатая гусеница', 蝮 'волосатая ядовитая гусеница', 蠋 'гусеница шелкопряда (самец)', 螟 míng 'гусеница (бабочка) стеблеед, паразитирующая в стеблях хлебных растений, особенно риса' и др.; а также иных видов насекомых: 虱 'гнида, вошь', 虻 'слепень', 蚊 'комар; москит', 蚰 'рисовый долгоносик', 蚜 'тля', 蝽 'жук, хрущ', 蛛 'медведка' и пр.

Вместе с тем, ввиду первоначальной семантики детерминатива (страшное животное), возможно, ограничения числа имеющихся в иероглифической подсистеме графем, появления некоторых из них в более поздний временной промежуток, а также ошибочного написания, в данное иероглифическое гнездо вошли номинации иных категорий животного мира. В частности, это:

1) моллюски (蚌 'жемчужная устрица, жемчужница', 蚝 'устрица', 蚶 'двустворчатый моллюск');

2) черви (蚰 'червь', 蚓 'земляной (дождевой) червь', 蛔 'аскарида', 蛊 'ядовитый паразит (в организме человека), хлебный червь', 蛭 'дождевой червь', 蟥 'земляной червяк', 蠋 'шелковичный червь');

3) пресмыкающиеся (蛇 'змея', 虺 'мелкая ядовитая змея', 蜥 'ящерица, варан', 蚺 '(кантонский) съедобная змея, ящерица', 蟒 'тигровый питон', 鱉 'гигантская морская черепаха', 蝮 'гадюка', 蟒 'удав');

4) земноводные (蛙 'саламандра', 蛙 'лягушка', 蟾 'жаба', 蝾 'тритон');

5) ракообразные (蟹 'голубой японский краб', 蟹 'краб', 蟹 'японский гигантский краб', 蚌 'рак; креветка');

6) беспозвоночные (蟻 'медуза', 蠍 'эхиурида', 螭 'гидра');

7) паукообразные (蝎 'длиннохвостый скорпион', 蛛/蜘蛛 'паук', 蜱 'клещ');

8) многоножки (蚣 'кивсяк');

9) млекопитающие (鼠 'крот', 蚰 'крот', 蝮 'мартышка', 猴 'крупная обезьяна', 蝮 'ёж', 猿 'бесхвостая, человекоподобная обезьяна; гиббон', 猴 'самка обезьяны');

10) губоногие (蜈 'сколопендра');

11) насекомоядные (螳/蝉/蝻/蚊 'цикада');

12) рептилии (蜥 'ящерица').

Линия гиперо-гипонимических отношений как мотивировочное основание выбора детерминатива сложного знака прослеживается также и при анализе других иероглифических гнезд. Например, иероглифические знаки, в состав которых входит детерминатив 鱼/魚 'рыба', составляют набор иероглифов-зоонимов китайского языка, включающих наименования представителей типа хордовые и типа моллюски. Самой широкой категорией по числу входящих единиц является категория представителей типа хордовые. Так, например, в данную категорию могут быть отнесены такие иероглифические знаки, как 鯷 'анчоус', 鲑 'лосось', 鲛/鰩 'востробрюшка', 鲤/鲟 'карась', 鰮 'морская собачка', 鳎 'иваси', 魷 'волосозуб японский', 鳊/鲂 'лещ', 鮠 'каменный окунь', 鳎 'камбала' и пр. Самой обширной группой обозначений являются номинации класса лучепёрых рыб. Общее количество иероглифов-зоонимов этой группы составляет 41 единицу. К таким знакам относятся: 鲟 'фугу', 鲆 'ставрида', 鲑 'дорадо', 鲟 'ботус', 鮠 'скорпена', 鳎 'форель', 鳎 'осётр', 鳎/鳎 'сом', 鳎 'мурена', 鳎 'угорь' и др. Группа знаков класса хрящевых рыб включает такие иероглифы, как 鳐 'орляк', 鳐 'скат', 鲨/鮫 'акула'. Самой незначительной категорией по числу входящих единиц является категория номинаций моллюсков, которая состоит из представителя одного класса – головоногие (魷 'кальмар').

Иероглифы, в состав которых входит детерминатив 鸟 'птица', образуют обширный круг единиц, также включающие в свой состав названия представителей класса птиц. К таким зоонимам можно отнести 鸕 'эму', 鸕 'трясогузка', 鸕 'сова', 鸕 'коршун', 鸵 'страус', 鸕 'попугай', 鸕 'журавль', 鸕 'гриф', 鸕 'орёл', 鸕 'ворона' и др.

Мотивировочными признаками включения сложных иероглифов с детерминативами-зоонимами по линии гиперо-гипонимических связей могут выступать самые разные признаки животных, например, в иероглифическое гнездо с детерминативом 羊 'баран' входят знаки, выражающие такие характеристики, как

- 1) возраст: 羔 'ягнёнок', 牵 'ягнёнок', 羴 'ягнёнок', 羴 'баран', 羴 'баран';
- 2) цветовой окрас: 羴 'белый баран', 羴 'чёрный баран', 羴 'овца с жёлтым брюхом';
- 3) размер: 羴 'баран величиной в шесть чи', 羴 'крупная чёрная овца';
- 4) половой признак: 羴 'кастрированный баран', 羴 'диал. овца';
- 5) место обитания: знак со значением парнокопытного животного рода горных козлов – 羴 'козерог пиренейский'.

Основным мотивировочным признаком включения детерминатива 虎 'тигр' в соответствующее иероглифическое гнездо, так же, как и в предыдущих группах, является видовая характеристика, то есть принадлежность данного животного к классу тигров. В частности, в материале исследования имеют место такие обозначения видов тигров, как 彪 'мелкий молодой тигр', 麂 'миф. рогатый тигр', 黠 'чёрный тигр'. При этом анализируемая группа иероглифов-обозначений животных с детерминативом 虎 'тигр' включает также гипероним 麤 'полосатая дикая кошка'.

Второй тип семантических отношений между детерминативом-зоонимом и сложным иероглифическим знаком является холомеронимия. В отличие от гиперо-гипонимии данный тип связей характерен только для 30 % детерминативов (虫 'насекомое', 鱼/魚 'рыба', 羊 'баран', 马 'лошадь', 豕 'свинья', 虎 'тигр').

Необходимостью обозначить партонимические номинации может быть интерпретировано включение детерминатива 羊 'баран' в состав таких сложных иероглифов, как, например, 羴 'скелет овцы' или 羴 'тонкая овечья шерсть'.

Кроме номинаций видов насекомых, которые входят в иероглифическое гнездо с детерминативом-зоонимом 虫 «насекомое», включены в данную группу также партонимические обозначения (куколок и личинок насекомых). Мотивировочным признаком выступает биологическая связь структуры с данным типом животного, например, 蠶 'кокон шелковичного червя', 蛆 'личинка мухи (овода), опарыш', 蚋 'личинка некоторых видов паразитических ленточных червей', 蚊 'личинка москита', 虱 'личинка вши' и др., а также раковины моллюсков (蚶 'мелкая раковина', 蚌 'крупная раковина (моллюска)'), яйца животных (蚍 'муравьиные яйца', 蛋 dàn 'яйцо'), чешуя (蚶 'чешуя на брюхе (змеи)'), органы защиты и нападения (螫 'жало', 螫 'жало'), хватательные органы (螯 'клешня (краба, рака)').

Холомеронимические связи имеют место также в следующих иероглифических гнездах:

- 1) 豕 'свинья' – 蹄 'копыто';
- 2) 鱼/魚 'рыба' – 鲠 'рыбья кость', 鳃 'жабры', 鳍 'хребет (рыбы)', 鳔 'рыбий (плавательный) пузырь', 鳞 'чешуя';
- 3) 马 'лошадь' – 鬃 'грива';
- 4) 虎 'тигр' – 彪 'полосы на шкуре тигра'.

Наряду с гиперо-гипонимией и холомеронимией, детерминативы-зоонимы позволяют также создавать иероглифические знаки, обозна-

чающие действия, связанные с данным животным (мотивировочная связь «субъект – действие субъекта»), или атрибутивные признаки, его характеризующие (мотивировочная связь «субъект – признак субъекта»). Например, детерминатив 鸟 ‘птица’ используется для обозначения действий, характерных для этого вида животных (鸣 ‘петь, щебетать’ и 啄 ‘клевать’). Мотивировочным признаком выступает субъект производимого действия – птица.

Иероглифы с графемой 犾 ‘собака’ могут обозначать не только самые разные номинации видов животных, но также именовать действия (狩 ‘зимняя охота с собаками’, 猎 ‘охота, ловля’, 获 ‘ловить, хватать, добывать (на охоте)’) и атрибуты, характерные для собак и др. Мотивировочными признаками могут служить:

1) внешний вид, черта, характерная для внешности собаки, например, 猡 ‘собачий оскал’ или 獸 ‘четвероногое млекопитающее’;

2) скорость, связанная с бегом собак, например, как в знаке 猡 ‘быстро бежать; нестись’ (трипликация графемы 犬 ‘собака’);

3) любимое лакомство как символ награды (獎 ‘награда’).

Включение детерминатива 羊 ‘баран’ может быть мотивировано действием, связанным или присущим данному животному, например, 羴 ‘блеять’, обозначением его болезней (羴 ‘баранья болезнь’), а также атрибутивного признака, например, 羴 ‘костлявый’ (изначально вместо 羊 ‘баран’ был детерминатив 马 ‘лошадь’), 美 ‘красивый’ (этимологическое значение «большая красивая овца» 羊 ‘баран’ + 大 ‘большой’).

Мотивировочным признаком может выступать животное как источник определенного запаха. Так, например, в китайской иероглифической системе присутствуют такие номинации, как 羴 и 羴, имеющие значение «бараний запах, козлиный запах».

Мотивировочным основанием включения детерминатива 虍 ‘тигр’ в сложные иероглифы служат свойственные тигру прототипические характеристики и качества. Так, например, в данную группу вошли иероглифические номинации, которые могут обозначать сильный звук, издаваемый тигром (虍 ‘рев тигра’ или 號 ‘рев тигра’, 虍 ‘зов тигра’), атрибутивные характеристики, присущие данному животному (虍 ‘жесткий, зверский’, состоит из компонентов «тигр» и «когти», 虍 ‘яростный (о тигре), 虍 ‘жесткий’, состоит из компонентов «тигр» и «оружие»), чувства (虍 ‘страх; ужас’) и др. С помощью детерминатива 虍 ‘тигр’ могут быть также описаны и действия, связанные со свойственными данному

животному качествами (虜 ‘захватить; взять в плен’, состоит из компонентов «тигр» и «сила»), или внешние атрибутивные характеристики этого животного (彪 ‘полосы на шкуре тигра’).

Детерминатив-зооним 1) 豕 ‘свинья’ включается в состав сложных иероглифов, обозначающих «хрюкать» (豨), «задышаться» (豨, 豨), 2) детерминатив 马 ‘лошадь’ – в знаки, выражающие значение «проверять» (驗), «управлять экипажем» (馭), «тащить на спине» (馱), «приручать» (馴), «мчаться» (馳), «нестись, бежать» (驅), «скакать» (駛), «запрягать» (駕), «останавливаться, вставать» (駐), а также описывающие атрибутивные характеристики, например, 驕 ‘гордый, надменный’, 驍 ‘борзый’, 驍 ‘храбрый, воинственный’, 3) детерминатив 隹 ‘короткохвостая птица’ – в знаки, выражающие значение «выдающийся, талантливый» (隹), «трудный, тяжелый» (難), «смешанный, неоднородный» (雜), «спокойный, мягкий» (雝), «собирать, коллекционировать» (隹), «разлучаться, расставаться» (離) и др.

С помощью детерминативов-зоонимов также выражаются количественные значения единичности-множественности. Так, например, в группе с детерминативом-зоонимом 羊 ‘баран’ вошли иероглифические знаки, обозначающие неопределенно большое количество животных одного вида, мотивировочный признак – обозначение множества однотипных живых существ, например, 群 / 羣 ‘стадо’ (ср. 蟲 – детерминатив 虫 ‘насекомое’). Значение множественности (雝 ‘стая птиц’, 雝 ‘пара птиц’) может выражаться посредством трипликации простых иероглифов с зоонимической семантикой.

Наименее распространены при включении детерминатива-зоонима в состав сложного иероглифа китайской письменности метафорические номинации, например, обозначение процесса по организации/дезорганизации предметов, в частности 羸 ‘путать, перепутывать’ (детерминатив-зооним 羊 ‘баран’), номинации мифических существ (羸 ‘миф. овцеподобное чудовище, живущее в земле’).

При создании иероглифического знака «кит» в китайском языке выбран мотивировочный признак «среда обитания» (детерминатив 魚/魚 ‘рыба’ – сложный знак 鯨 ‘кит’), что говорит о мотивированности включения данного смыслового компонента схожестью внешнего вида животного с внешним видом большинства представителей категории рыб. Более того, одинаковая среда обитания и способ функционирования также являются одними из главных причин использования данного детерми-

натива в иероглифе 鯨 'кит'. Иероглиф-зооним китайского языка 鯢 'панголин' – также нетипичный представитель класса млекопитающих, включающий в свой состав детерминатив 鱼/魚 'рыба'. По причине наличия роговых ромбических чешуек по всему телу, напоминающих чешую, которая в большинстве своем характерна для представителей рыб, можно предположить, что данный мотивировочный признак служит основанием написания иероглифа 鯢 'панголин' с использованием детерминатива 鱼/魚 'рыба', однако, по одной из версий, данное значение у знака является заимствованием, первоначальное значение – 'рыба'.

Наименьшие по объему группы иероглифов-зоонимов с детерминативом 鱼/魚 'рыба' составили наименования класса пресмыкающихся и класса земноводных. В данные группы отнесены такие иероглифические знаки, как 鱷 'крокодил' класса пресмыкающихся и 鳃 'углозуб' класса земноводных. Возвращаясь к вопросу несовпадения биологической и наивной картин мира носителей китайской лингвокультуры, стоит еще раз отметить, что значительное число знаков были отнесены к биологически коррелятивным классам. Выявленные нами расхождения, как правило, связаны с недостаточными знаниями человека тех периодов относительно окружающего мира.

Таким образом, анализ иероглифических гнезд с детерминативами-зоонимами в китайской иероглифической письменности показал, в первую очередь, фундаментальность двух видов семантических связей языковых единиц при образовании соответствующих объединений (гиперо-гипонимия и холо-меронимия). Вместе с тем необходимо отметить, что выбор основного смыслового компонента сложного знака китайской иероглифической письменности – детерминатива может быть обусловлен двумя факторами: 1) возможностью отнесения именуемого понятия к той или иной уже выделенной согласно, в первую очередь, внешним характеристикам категориальной группе; 2) салиентностью дифференциального признака животного, что находит отражение в иероглифике или путем выбора соответствующего детерминатива-зоонима, или иной графемы, репрезентирующей данный прототипический признак. Большинство зоонимических номинаций выделены в коррелятивные относительно биологической классификации классы, в то же время выявленные отклонения научной и наивной картин мира отражают несовпадение в выборе ведущего признака не только носителями китайского языка, но и других лингвокультур, что говорит об относительном универсализме движения

человеческой мысли и одновременно разных принципах классификации: морфологическом – внутренних и внешних характеристиках (относительно биологической системы) и внешних свойствах (обыденное знание). Широкий семантический потенциал графем-зоонимов китайского языка позволяет обозначить не только видовые, но и партонимические единицы, а также значительную долю атрибутивных признаков и действий, связанных с данным животным, что обуславливает разный объем иероглифических гнезд китайской письменности.

ЛИТЕРАТУРА

1. 许,慎.说文解字 (Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi>. – Дата доступа: 11.02.2022).
2. Васильев, В. П. Анализ китайских иероглифов / В. П. Васильев. – Изд. 2-е. – СПб. : Типография В. Безобразова и Комп., 1898. – 133 с.
3. Георгиевский, С. М. О корневом составе китайского языка, в связи с вопросом о происхождении китайцев / С. М. Георгиевский. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1888. – 176 с.
4. Wieger, L. Chinese Characters / L. Wieger. – New York : Paragon, Dover, 1965. – 820 p.
5. Karlgren, B. Sound and Symbol in Chinese / B. Karlgren. – London : Oxford Univ. Press, 1923. – 128 p.
6. Пруцких, А. А. Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом «женщина» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А. А. Пруцких. – М., 2003. – 141 л.
7. Филимонова, М. С. Обучение студентов чтению на основе когнитивно-коммуникативного подхода (китайский язык) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / М. С. Филимонова. – Минск, 2018. – 300 л.
8. Молоткова, Ю. В. Методика обучения китайскому иероглифическому письму : учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Восточная филология» / Ю. В. Молоткова. – Минск : БГУ, 2017. – 119 с.
9. Иоффе, Т. В. Учебное пособие по китайскому языку / Т. В. Иоффе. – Омск : ОмГПУ, 2012. – 161 с.
10. Шаравьёва, И. В. Грамматология идеографического письма в монадно-модусной модели представления : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Шаравьёва. – Кемерово, 2016. – 23 с.

11. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности : [монография] / О. М. Готлиб. – М. : АСТ Восток-Запад, 2007. – 284 с.
12. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
13. Карасева, К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / К. В. Карасева. – Минск, 2019. – 26 с.
14. Суколен, А. Г. Названия животных в русском и китайском языках. Семантика и символика / А. Г. Суколен. – Mauritius : Lambert Academic Publishing, 2019. – 116 с.
15. 汉字字典 (Ханьцзы цыдянь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdic.net/>. – Дата доступа: 10.03.2022.
16. 现代汉语分类大词典. 主编 : 董大年. 上海. – 辞书出版社, 2007. – 1343 页.
17. 现代汉语规范词典. 主编 : 李行健. 北京: 外语教学与研究出版社, 2004.
18. 中华字海. 主编: 冷玉龙, 韦一心. 中国友谊出版公司, 1994. – 1784 页.

Поступила в редакцию 22.05.2024

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**УДК 811.111'367****Ляшенко Елена Станиславовна**

кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории и грамматики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yelena Lyashenko

PhD in Philology, Associate Professor
of History of English and English
Grammar Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
liolikl@list.ru

**ПРЕДИКАТЫ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ:
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(на материале текстов глянцевого журнала)**

**PREDICATES DENOTING PARAMETRIC CHANGE:
SEMANTIC AND SYNTACTIC ASPECT
(based on the texts of glossy magazines)**

В статье затрагиваются вопросы, связанные с языковыми средствами выражения параметрических предикатов, классификацией английских глаголов параметрического изменения, функционированием рассматриваемых предикатов в журнальных текстах. Количественная оценка результатов исследования показала, что к отличительной особенности указанных единиц можно отнести их весьма частотное употребление для передачи изменений абстрактного и психоэмоционального состояний, а также физических характеристик (64,5 % выборки). Значимым моментом использования данных предикатов в статьях глянцевого издания является их способность образовывать контекстуальное переносное значение, что в основном свойственно глаголам, обозначающим изменение цвета. Именное окружение предикатов прежде всего представлено агентивом, патиетивом и инструментативом.

Ключевые слова: тексты глянцевого журнала; параметрические предикаты; предложение; функционирование; именное окружение.

The article deals with issues related to linguistic means of expressing parametric predicates, the classification of English verbs denoting parametric changes, and the functioning of the predicates in question in magazine texts. A quantitative assessment of the research results showed that the distinctive feature of these units can be attributed to their quite frequent use to convey changes in abstract and psycho-emotional states, as well as physical characteristics (64.5% of the sample). A significant point in the use of these predicates in the articles of the glossy edition is their ability to form a contextual

figurative meaning, which is mainly characteristic of verbs denoting a change in colour. The nominal environment of predicates is primarily represented by the agent, the patient, and the instrument.

Key word: texts of glossy magazines; parametric predicates; sentence; functioning; nominal environment.

Вербоцентрический подход к определению доминанты предложения рассматривает глагол-предикат в качестве структурного и семантического центра всего предложения (Е. Курилович, В. В. Виноградов, А. А. Холодович, С. Д. Кацнельсон, В. В. Богданов, В. С. Храковский, Г. Г. Сильницкий, Ю. С. Степанов, Т. Б. Алисова, Н. Д. Арутюнова, О. И. Москальская, Б. Ю. Норман, К. Бюлер, Ф. Данеш, Л. Теньер, Ч. Филлмор, У. Л. Чейф и др.). В предложении «все подчинено организующей силе предиката» [1, с. 158]; оно немыслимо без предиката, его устранение означает удаление «жизненного нерва» предложения [Там же, с. 162]. Такое понимание глагольно-предикатной позиции восходит еще к В. фон Гумбольдту, который говорил о том, что «глагол – нерв самого языка» [2, с. 199]. В языкознании эта идея была образно и ярко сформулирована А. А. Дмитриевским, считавшим предикат царем предложения, его неограниченным властителем, которому строго подчинены все другие компоненты предложения и от которого только получают свой смысл и значение [3, с. 23]. Тезис о конструктивной организующей силе глагола получил развитие и в концепции предложения А. А. Потебни, утверждавшего, что минимум предложения определяется глаголом [4].

Предикат – одна из наиболее трудноопределимых категорий. Под предикатом Ю. С. Степанов понимает особую семантическую сущность языка, которая типизируется языком не в форме словарной единицы, глагола, а в форме пропозициональной функции и соответствующей ей структурной схеме предложения [5, с. 133]. Суть предиката заключается в «обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу» [6, с. 172].

В фокусе внимания данной работы находятся вопросы, касающиеся языковых средств выражения параметрических предикатов, внутренней дифференциации глаголов, которые осуществляют номинацию процессов параметрического изменения объекта, функционирования указанных предикатов в англоязычных журнальных статьях. Материал исследования составили более 700 предложений из текстов англоязычного элитарного женского журнала *Vogue*. Отбор предложений с предикатами параметрического изменения проводился методом сплошной выборки из 24 выпусков журнала общим объемом в 4565 страниц. В качестве рассматриваемых

предикатов функционируют: 1) параметрические глаголы в финитной (личной) форме; 2) сочетания модальных глаголов (*can* ‘мочь, уметь’, *may* ‘мочь, иметь разрешение’, *be able to* ‘быть в состоянии, смочь’ и т. д.) или фазовых глаголов типа *to begin* ‘начинать’, *to start* ‘начинать, стартовать’, *to continue* ‘продолжать’ с глаголами обозначенной ЛСГ в неличной форме; 3) глагольные сочетания, образованные по моделям V – Adj, V – N, где значение изменения передается глаголом-связкой, а результат происходящих перемен обозначается прилагательным или существительным. Представленные ниже предложения последовательно иллюстрируют каждый из выделенных случаев.

(1) *It contains the signature Miracle Broth <...> and a blend of sugar crystals, marine micro minerals, and sea-sourced exfoliants that tenderly **refines** and **renews** skin* ‘Он содержит фирменный чудодейственный отвар <...>, а также смесь кристаллов сахара, морских микроэлементов и эксфолиантов морского происхождения, что бережно очищает и обновляет кожу’¹ (Vogue Philippines. 2022, Sept.).

(2) *Hormonal changes can also affect hair density or thickness – as the cells in our hair follicles start to divide more slowly, the follicle itself **starts to shrink*** ‘Гормональные изменения также могут повлиять на густоту волос, поскольку клетки в наших волосяных фолликулах начинают делиться медленнее, сам фолликул начинает сокращаться’ (Vogue Australia. 2022, Nov.).

(3) *This season, bigger is definitely better – accessories on the runway **went bold**...* ‘В этом сезоне больше, безусловно, значит лучше: аксессуары на подиуме стали более смелыми...’ (Vogue Philippines. 2022, Sept.).

Лексико-семантическая группа глаголов параметрического изменения включает единицы, называющие процесс, вследствие которого исходный объект сохраняет свои сущностные характеристики, происходит лишь изменение какого-либо параметра/признака объекта (например, *adjust* ‘корректировать, подгонять’, *amend* ‘вносить поправки’, *moderate* ‘смягчать, становиться умеренным’, *revise* ‘перерабатывать, исправлять’, *vary* ‘(из)менять(ся)’).

Анализ словарных дефиниций параметрических глаголов позволил установить, что данная группа весьма неоднородна и требует дальнейшей классификации, при проведении которой мы опирались на существующие лингвистические традиции.

¹ Здесь и далее перевод иллюстративных примеров наш.

В попытке парадигматически или иерархически реконструировать глагольную номенклатуру языка исследователи в области языкознания создали много универсальных классификаций глаголов (З. Вендлер, О. Есперсен, У. Л. Чейф, О. Н. Селиверстова, Г. Г. Сильницкий и др.). Следуя одному из возможных подходов: ономаσιологическому (по принципу отношения наименования к обозначаемому объекту действительности) или семасиологическому, т. е. по признаку парадигматических отношений и синтагматических связей слов в системе языка, лингвисты предложили разнообразные принципы дифференциации глаголов. При этом, как указывает Ю. Д. Апресян, «фундаментальная классификация предикатов не является строгой иерархией» [7, с. 85], т. е. классы (например, классы глаголов действия, деятельности, занятия, воздействия, процесса) могут пересекаться. Основная причина сложности классификации слов связана с «нечетким, размытым характером границ концептуальных категорий, подчиняющихся <...> действию правил предпочтения, позволяющих отнести одно и то же понятие в зависимости от разных условий к разным категориям» [8, л. 81]. Кроме того, затрагивая проблему разграничения слов по частям речи, З. А. Харитончик отмечает, что непреодолимая трудность создается тем, что при общности содержательных и морфологических характеристик слова могут отличаться функциональными свойствами, и наоборот [9, с. 99]. Данное замечание оказывается релевантным и при семантической дифференциации слов одной части речи, когда размежевание лексем одного тематического класса зависит от того, какая характеристика будет положена в основу классификации.

Возвращаясь к рассматриваемым глаголам, отметим, что хотя они и получили название «параметрические глаголы», тем не менее не для всех единиц этой группы словарные статьи конкретизируют параметр, подвергающийся изменению. Как следствие, совокупность параметрических глаголов распадается на две подгруппы: с конкретизацией параметра и без конкретизации параметра. Последующая классификация глаголов первой подгруппы осуществляется на базе параметра, который подвергается изменению, с учетом сферы действия процесса изменения, конкретизируемой в дихотомии «материальное/нематериальное». Так, параметрические глаголы дифференцируются на глаголы изменения материального состояния и глаголы изменения нематериального состояния. К первым относятся глаголы физического (например, *crystallize* 'кристаллизовывать(ся)', *darken* 'темнеть', *flatten* 'разглаживать, становиться

плоским', *moisten* 'увлажнять, становится мокрым') и физиологического (например, *grow* 'расти', *heal* 'заживать, излечивать', *mature* 'взрослеть, доводить до полного развития', *rejuvenate* 'омолодить') изменения, ко вторым – глаголы изменения абстрактных (например, *ameliorate* 'совершенствоваться', *develop* 'развиваться', *improve* 'улучшаться'), психических (например, *brighten up* 'оживляться', *calm* 'успокаиваться', *cheer* 'ободрять', *excite* '(вз)волновать') и социальных (например, *americanize* 'американизоваться', *civilize* 'окультуриваться, цивилизовывать', *industrialize* 'индустриализоваться', *marry* 'жениться, сочетать браком') характеристик.

Далее сосредоточимся на особенностях функционирования параметрических предикатов в текстах глянцевого журнала. Среди отобранного языкового материала больше всего случаев представлено с глаголами *become* 'становиться', *get* 'становиться', *change* 'изменяться', *raise* 'повышать' и *grow* 'расти/становиться'. Предложения с данными единицами составляют 44,5 % выборки. Достаточно существенное количество употреблений с предикатами, в состав которых входят глаголы *become*, *get* и *grow* в журнальных статьях, вероятно, обусловлено тем, что данные глаголы являются связующими. Их грамматическая функция заключается, согласно определению А. И. Смирницкого, «в указании на связь предмета (явления) с каким-либо его признаком. Следовательно, глагол-связка функционирует как самостоятельная синтаксическая единица. Глагол-связки также выступают с обесцвеченной лексической семантикой, но последняя в какой-то мере отражена в характере передаваемой ими связи» (цит по [10, с. 48]). Таким образом, отмеченные глаголы могут описывать изменения всевозможных параметров, что позволяет считать их словами широкой семантики.

В качестве примера рассмотрим предложения с предикатами, включающими глагол *get* или его форму. Приведенные ниже случаи наглядно отображают вариативность значений, реализуемых в предложениях с данной единицей. В предложении (4) отглагольная форма *getting* употребляется при вербализации изменения абстрактного состояния. В примере (5) *got* функционирует для выражения изменения социальных характеристик, в частности статуса. В последующих предложениях наблюдается использование данного глагола при передаче преобразований в психоэмоциональном и физиологическом состояниях соответственно.

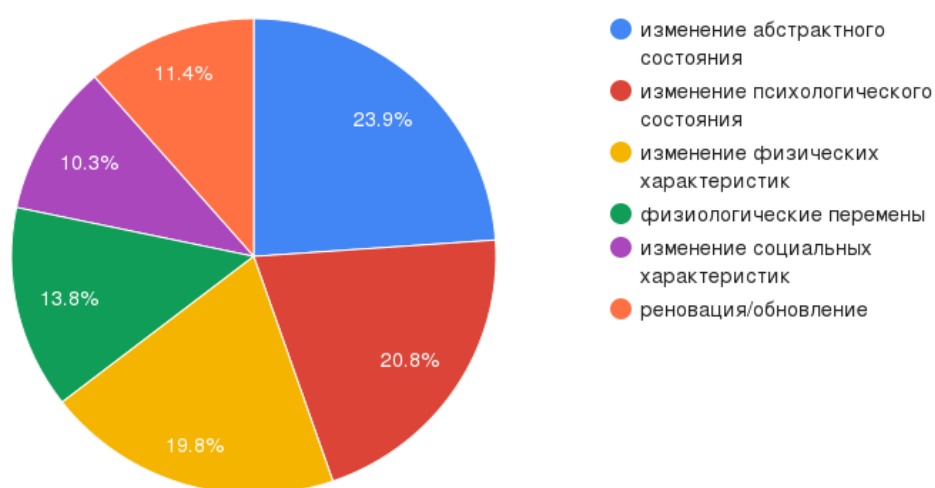
(4) *They all start out wanting to make it in Paris but as the years go by, they start **getting** a better idea of what they want to do* ‘Все они начинают с того, что хотят добиться успеха в Париже, но с годами у них появляется лучшее представление о том, чем они хотят заниматься’ (Vogue Philippines. 2022, Sept.).

(5) *The couple **got** engaged in 2021...* ‘Пара обручилась в 2021 году...’ (Vogue Australia. 2022, Febr.).

(6) *It didn't faze me too much, but you always **get** really nervous, of course, [especially] when it's the first production* ‘Меня это не слишком беспокоило, но, конечно, всегда начинаешь по-настоящему нервничать, [особенно] когда это первая постановка’ (Vogue Australia. 2022, Nov.).

(7) *As I **got** older, travel became a reward for hard work, with me looking forward to taking off to see new sights during well-earned vacation days* ‘Когда я вырос, путешествия стали наградой за упорный труд, и я с нетерпением ждал возможности отправиться осматривать новые достопримечательности во время заслуженного отпуска’ (Vogue Knitting. 2022, Spring – Summer).

Количественный анализ эмпирического материала позволил выявить процентное соотношение разновидностей изменений, реализуемых в предложениях с параметрическими предикатами, и обобщить полученные результаты в виде диаграммы (рисунок).

Процентное соотношение разновидностей изменений, реализуемых в предложениях с параметрическими предикатами

Из рисунка видно, что в текстах популярного fashion-издания, рассчитанного на широкую аудиторию, параметрические глаголы чаще всего функционируют для языковой репрезентации изменения абстрактного состояния (23,9 %). Следующую многочисленную группу занимают предложения, в которых описываются перемены психологического (психоэмоционального) характера (20,8 %). Несколько менее частотными оказались употребления с предикатами, обозначающими преобразования различных физических характеристик (19,8 %). Наиболее часто изменение претерпевают такие параметры, как число/величина, плотность/структура, размер. Реже модификации подвергается форма, цвет/освещенность. В единичных случаях в нашей выборке параметрические глаголы проявили себя для обозначения изменения влажности и температуры. Количественная представленность изменений физиологического, социального характеров, а также такой отдельной разновидности, как обновление/реновация варьирует от 10,3 до 13,8 %.

Кроме того, анализ фактического материала показал, что важным моментом функционирования предикатов параметрического изменения в журнальных текстах является их способность образовывать контекстуальное переносное значение. Данное явление прежде всего характерно для глаголов, обозначающих изменение цвета: *blush* 'краснеть', *darken* 'темнеть, затемнять', *fade* 'блекнуть, тускнеть', *lighten* 'светлеть, обесцвечивать', *pale* 'бледнеть, тускнеть' и т.п. Например, предложение (8), где осуществляется перенос из сферы материального мира (изменение параметра цвета/освещенности) в сферу психоэмоционального.

(8) *Step into winter with a bright, bold, beautiful accessory from Swarovski, guaranteed to lighten your mood* 'Шагните в зиму с ярким, смелым и красивым аксессуаром от Swarovski, который гарантированно поднимет вам настроение' (Vogue Australia. 2022, May).

Функционирование параметрических глаголов в представленном значении можно объяснить тем, что все физические процессы тесно взаимосвязаны с психическими, зачастую изменение эмоционального состояния сопровождается физическими переменами. Преобразования к лучшему ассоциируются с такими процессами, как таяние, осветление и т.п. В свою очередь, такие изменения, как потемнение, затвердение воспринимаются как изменения к худшему.

В предложении глагол-предикат используется в тесном взаимодействии со своим именным окружением, которое способно оказывать

непосредственное влияние на глагол и его значение. Семантические отношения между глаголом и его актантами являются основополагающими для понимания смысловой стороны предложения. Например, именно объект определяет «характер действия, направленного на его созидание, изменение или уничтожение» [11, с. 125]. Совокупный анализ выборки предложений с предикатами, обозначающими параметрические изменения, показал, что ожидаемыми номинативными элементами являются агентив, пациентив и инструментатив. Результат изменения (фактитив) в большинстве случаев представлен имплицитно. Информация о нем содержится в семантике глагола. В глубинной структуре предложений с параметрическими предикатами также может присутствовать бенефактив. В поверхностной (синтаксической) структуре предложения именные компоненты выступают в функции подлежащего, прямого дополнения или предложного дополнения. Например:

(9) “*You can change the temperature in your house by opening the window,*” *she says* ‘Вы можете изменить температуру в своем доме, открыв окно», – говорит она’ (Vogue Singapore. 2022, May).

Случай (9) включает составной глагольный модальный предикат *can change* и три номинативных элемента – агентив *you*, пациентив *the temperature* и инструментатив *by opening the window*, которые организуют глубинную структуру предложения. На синтаксическом уровне агентив находится в традиционно закрепленной за ним приоритетной позиции подлежащего, пациентив – прямого дополнения и инструментатив (средство) – предложного дополнения, вводимого предлогом *by*.

Отдельного внимания также заслуживают разнообразные конкретизаторы условия протекания изменения. Существует определенная зависимость глагольного предиката (сказуемого) от обстоятельств (времени, места, способа и т.д.), в которых разворачивается процесс. Синтаксически они подчинены предикату, но семантически подчиняют его. Например, предложение (10). В нем описываемое параметрическое изменение сближается с превращением именно за счет использования наречия *radically* ‘кардинально’. С одной стороны, оно характерно для вербализации наших представлений о такой разновидности изменения, как превращение. Но, с другой стороны, элемент *public opinion* ‘общественное мнение’ выступает в качестве параметра, по которому происходит изменение, что дает нам основание считать глагол-предикат *change* в данном конкретном случае параметрическим.

(10) *When public opinion changed radically, when...* 'Когда общественное мнение радикально изменилось, когда...' (Vogue USA. 2022, Sept.).

Таким образом, параметрические изменения обозначаются широким пластом глаголов. На основании критерия 'сфера действия процесса' и с учетом параметра, подвергающегося модификации, была выстроена внутренняя классификация параметрических единиц, номенклатура которых включает глаголы физического и физиологического изменений, глаголы преобразования абстрактных, психических и социальных характеристик. Согласно нашим наблюдениям, чаще всего в текстах англоязычного журнала Vogue параметрические предикаты функционируют для передачи изменения абстрактного и психоэмоционального состояний, а также физических характеристик. В возможном именном окружении предикатов выделяются такие элементы, как агентив, патиентив, инструментатив, фактитив и бенефактив. Определенное влияние на глагол-предикат также оказывают условия/обстоятельства протекания процесса изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кацнельсон, С. Д.* Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 215 с.
2. *Гумбольдт, В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – М., 1984. – С. 36–293.
3. *Дмитриевский, А. А.* Практические заметки о русском синтаксисе, II: Два ли члена в предложении? / А. А. Дмитриевский // Филол. зап. – 1877. – Вып. 4. – С. 15–37.
4. *Потебня, А. А.* Из записок по русской грамматике : в 4 т. / А. А. Потебня ; под общ. ред. В. И. Борковского. – М. : Учпедгиз, 1958–1985. – Т. 1–2. – 1958. – 536 с.
5. *Степанов, Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов ; отв. ред. В. П. Нерознак. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
6. *Арутюнова, Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. – М., 1980. – Гл. 3. – С. 156–249.

7. Апресян, Ю. Д. Основания системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.] ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. слав. культур, 2006. – С. 33–160.
8. Лещёва, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / Л. М. Лещёва. – Минск, 1997. – 232 л.
9. Харитончик, З. А. Функционирование прилагательных и глаголов как критерий их разграничения / З. А. Харитончик // Семантика английского глагола в соотношении с признаками различных языковых уровней : сб. ст. / Смолен. гос. пед. ин-т ; редкол.: Г. Г. Сильницкий (отв. ред.) [и др.]. – Смоленск, 1988. – С. 99–106.
10. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 5-е. – М. : URSS ; ЛКИ, 2007. – 382 с.

Поступила в редакцию 12.07.2024

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**УДК [811.161.1+811.163.1]:347.998"14"****Климкович Ольга Александровна**

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
как иностранного
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

Volha Klimkovich

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language
Vitebsk State University
named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
olga-klimkovich@mail.ru

**ДИАЛОГИЧНОСТЬ В СТАРОБЕЛОРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ПРИГОВОРАХ
СУДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.****DIALOGICITY IN THE OLD BELARUSIAN AND OLD RUSSIAN COURT VERDICTS
OF THE SECOND HALF OF THE XV CENTURY**

Статья посвящена исследованию языковых средств, репрезентирующих текстовую категорию диалогичности в старобелорусских и старорусских приговорах судов второй половины XV века. Рассматриваются лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста, обращения, вопросно-ответные комплексы, способы передачи чужой речи, ссылки на различные документы. Устанавливается частота употребления обозначенных средств репрезентации категории диалогичности, выявляются их локальные особенности.

Ключевые слова: судебная письменность; приговоры судов; категория диалогичности; средства репрезентации.

The article is devoted to the study of linguistic means representing the textual category of dialogicality in the Old Belarusian and Old Russian sentences of the courts of the second half of the XV century. The lexemes emphasizing the dialogical nature of individual sections of the text, addresses, question-and-answer complexes, ways of transmitting someone else's speech, links to various documents are considered. The frequency of use of the designated means of representation of the dialogic category is established, their local features are revealed.

Key words: judicial writing; court verdicts; the category of dialogicality; means of representation.

Диалогичность в письменной речи – «это выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата, а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [СЭС, с. 45].

Цель данной работы – сравнить средства репрезентации категории диалогичности в старобелорусских (далее ст.-бел.) и старорусских (далее ст.-рус.) приговорах судов второй половины XV века. Актуальность исследования определяется необходимостью детализации истории развития ст.-бел. и ст.-рус. деловой письменности, выявления путей взаимовлияния двух восточнославянских языков. Материалом для исследования стали 85 ст.-бел. текстов с 1457 по 1499 год и 85 ст.-рус. с 1450 по 1499 год.

В современных исследованиях жанр приговора суда характеризуется как один из основных жанров судебного дискурса и определяется набором идентификационных признаков и классификационных критериев [1, с. 38–41], при этом он относится к монологическим жанрам речи [1, с. 41]. В XV в. тексты судебных приговоров были наполнены разнообразными средствами, репрезентирующими категорию диалогичности, что не позволяет нам говорить о монологичности исследуемого жанра. Одинаковое количество рассмотренных текстов определяет корректность производимых подсчетов.

Исследованные ст.-бел. приговоры были включены в книги записей Литовской метрики. Тексты обозначены в публикациях как *выроки, декреты, справы, судовые листы, присуженья*. Вырок – это ‘1) рашэнне, пастанова, указ; 2) прыгавор’ [ГСБМ, вып. 6, с. 80–81], ‘прыгавор суда па крымінальнай ці рашэнне па цывільнай справе ў ВКЛ’ [ВКЛ, I, с. 469]; декрет ‘1) пастанова ўрада або вышэйшай духоўнай улады, якая мае сілу закона, 2) прыгавор боскага суда, прадвызначэнне боскай волі’ [ГСБМ, вып. 8, с. 25]; справа – ‘адміністрацыйны або судовы разбор якога-небудзь здарэння, факта; судовы працэс’ [ГСБМ, вып. 32, с. 215]; судовый лист – ‘дакумент, які змяшчае рашэнне суда, вердыкт’ [ГСБМ, вып. 17, с. 62], присуженье – ‘дзеянне па дзеяслову прысудити’ [ГСБМ, вып. 29, с. 14–15].

Ст.-рус. тексты были обнаружены в монастырских архивах и частных собраниях, назывались *правыми грамотами* или *докладными правыми грамотами, судными списками*. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» правая грамота – это ‘1) документ о правах; 2) приговор суда, вручаемый стороне, выигравшей дело’ [СРЯ, вып. 18, с. 124]; докладная грамота – ‘документ, приобретающий законную силу после утверждения его полномочным представителем власти’ [СРЯ, вып. 4, с. 291], судный список – ‘письменный судебный приговор, выдававшийся после судебного разбирательства’ [СРЯ, вып. 28, с. 268]. А. А. Калашникова подчеркивает, что «существуют два вида судебных документов, подводящих итоги судебной тяжбе: правые и докладные правые грамоты. Судный список отражал лишь промежуточную стадию судебного процесса» [2, с. 30].

Необходимость изучения диалогичности в синхронно-диахроническом аспекте подчеркнута Е. Н. Вотриной [3, с. 3]. Среди *средств репрезентации* категории диалогичности М. Н. Кожиной обозначены различные формы побуждения, конструкции и обороты связи, вставные конструкции, вопросно-ответные комплексы, восклицательные предложения, разные способы выражения предписания, конструкции с пояснительным союзом «то есть», противопоставления с противительными и соединительными союзами, с усилительными частицами, переносные значения слов, обычно употребляемых в кавычках, оценочные интенсивы [4, с. 265–267]. О. А. Прохватилова соотносит средства репрезентации диалогичности с ее типами: для внешней диалогичности это интонация, глагольные и местоименные формы 2-го лица, вопросительные предложения, вопросно-ответные единства, языковые средства, передающие отношения между участниками коммуникации (императивные конструкции); для внутренней диалогичности – отрезки текста, содержащие чужую речь; для глубинной диалогичности – «интонация, высокая степень ритмизации ... фрагментов сакральных текстов» [5, с. 42–44]. Н. А. Красавцевой называются разноуровневые средства выражения диалогичности: «лексические (в меньшей степени), морфологические, синтаксические и текстовые (ссылки, сноски)» [6, с. 8]. С. Ф. Руднева относит к средствам диалогичности конструкции, включающие реминисценции, косвенную речь с использованием сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными и частицами *де, же* [7, с. 18].

Анализ приговоров судов второй половины XV в. предполагает в данном исследовании отбор наиболее значимых средств выражения диалогичности, среди которых нами обозначены: 1) лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста; 2) обращения; 3) вопросно-ответные комплексы; 4) способы передачи чужой речи; 5) ссылки на различные документы.

Т а б л и ц а 1

Количество случаев употребления средств репрезентации категории диалогичности в старобелорусских и старорусских приговорах судов второй половины XV в.

Средства репрезентации категории диалогичности	Старобелорусские приговоры	Старорусские приговоры
1. Лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста	624	1550
2. Обращения	17	1882

3. Вопросно-ответные комплексы	21	462
4. Способы передачи чужой речи	356	313
а) <i>прямая речь</i>	90	96
б) <i>косвенная речь</i>	266	217
5. Ссылки на различные документы	332	517
а) <i>упоминание документа</i>	269	438
б) <i>содержание документа</i>	63	16
в) <i>включение части или текста всего документа</i>	0	63
Итого	1350	4724

1. Анализ таблицы показывает, что в количественном отношении средства диалогичности в ст.-рус. текстах распространены гораздо шире, чем в ст.-бел. текстах. Важнейшим средством репрезентации являются лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста. К ним относится ряд глаголов и глагольных форм, имеющих значение говорения или письма. Обнаруживаются случаи: а) употребления одинаковых лексем, которые отличаются только некоторыми формами; б) употребления соотносительных по значению лексем, характеризующихся локальной спецификой; в) употребления в ст.-бел. текстах лексем, не имеющих аналогов в ст.-рус. текстах.

К *одинаковым* лексемам относятся лексемы *речи, писати, просити*.

Лексема *речи* и в ст.-бел. (86 случаев), и в ст.-рус. (691 случай) приговорах судов встречается в формах прошедшего времени (*рекь, рекли*) и в форме деепричастий: *Жаловал намъ пана Иванов сын Ходковича пан Алексьандро на дядка своего, ... , **рекъчи** такимъ шбычаем: «Коли брат его а дядко мои ... » ... И кн(А)зь Семень перед нами **рекь**: «Коли брат мои, ... » [КЗ – 6, с. 85]. Особенность ст.-рус. текстов проявляется в использовании таких форм прошедшего времени, как *рекл, ркли*, в многократном повторении глагола в одном тексте (зафиксированы случаи употребления глагола более 30 раз). Кроме того, в ст.-рус. текстах используется однокоренной глагол *речися* (24 случая) в значении 'обещаться, обязаться' [Срезн. III, с. 120] при появлении в тексте информации о необходимости доклада об обстоятельствах дела: *И о сем судьи **реклися** доложити осподаря великого князя, как укажет* [АСЭИ, II, с. 535].*

Лексемы *писати / написати* в ст.-бел. и ст.-рус. текстах встречаются в формах глагола прошедшего времени или страдательного причастия

прошедшего времени при изложении содержания предъявляемого документа: *И в том листѣ написано, где шни имъ грани поклали ...* [КЗ – 6, с. 201]. *И обои исци сказали, что им суд таков был, как в сем списке писано* [АСЭИ, III, с. 292]. В отдельных ст.-бел. текстах употребляются формы глаголов *выписати, записати, пописати*. В ст.-рус. – формы настоящего времени *пишет*. Лексема *просити* отмечена в отдельных ст.-бел. и ст.-рус. текстах.

К соотносительным по значению лексемам относятся лексемы *жаловати* (ст.-бел.) – *жалоба* (ст.-рус.), *казати* (ст.-бел.) – *сказывати / сказати* (ст.-рус.), *пытати / спытати* (ст.-бел.) – *спросити / вспросити* (ст.-рус.), *отказати* (ст.-бел.) – *отвечати* (ст.-рус.).

В ст.-бел. текстах лексема *жаловати* в значении ‘наракаць, скардзіцца, жаліцца; складаць скаргу на каго-небудзь, судзіцца’ [ГСБМ, 9, с. 257] употребляется в начале содержательной части текста и вводит изложение позиции истца: *Жаловал намъ старецъ на имя Пашько от архиманьдрыта Генадѣя, служебника С(ве)того Арханьгела Михаила, на Борыса Семеновича ...* [КЗ–4, с. 115], в единичных случаях лексема может быть повторена в тексте 2–5 раз. В ст.-рус. текстах используется существительное *жалоба*, с которого начинается передача прямой речи истца: *так ркли Аристик да Козлок: жалоба нам, господине, на того Некраса на сотника ...* [АФЗХ, I, с. 234].

Лексема *казати* в ст.-бел. текстах используется для передачи речи лица, осуществляющего судебное разбирательство, и реализует как значение ‘казаць, гаварыць’, так и значение ‘загадаць, распараджацца, паказваць, сведчыць’ [ГСБМ, 14, 223–224]: *И казали есмо имъ тѣю землю держати по тыи граници шт таковымьского граници по Мокрець а по Карского границь* [КЗ – 6, с. 385]. Глаголы *сказать* (108 случаев) и *сказывать* (38 случаев) в ст.-рус. приговорах судов фиксируются как в форме прошедшего времени, так и в форме повелительного наклонения при обращении к участникам судебного процесса с вопросом: *И съди[и] вспросили Михальвых знахъреи Бориска Пръкунина и Кипреганка и Спирака: Скажите, брат(е), как правъ, вам тѣ ведом(о) ли, чи т(ѣ) рьсчистъ, в кот(о)рой землѣ танет* [АСЭИ, III, с. 302]?

Лексема *пытати* в ст.-бел. текстах используется при репрезентации вопроса к истцам, ответчикам или свидетелям. *И мы порозѣмевши по томѣ списку и пытали есмо Петрашка, приступає[т] ли к томѣ, какъ было еднанье межи них* [КЗ – 6, с. 208]. Отмечены также глаголы *опытывати / опытати, спытати, вспытати, попытати*, которые отличает не только видовое значение, но и оттенки значения лексического. Укажем, что

по частоте использования лексема *опытати* зафиксирована 18 раз, *спытати* – 11, тогда как лексема *пытати* – 8 раз. В ст.-рус. текстах в сходной позиции используются лексемы *спросити* (210 случаев) / *вспросити* (245 случаев). Возможно употребление в одном тексте только одного из указанных глаголов или использование сразу двух лексем. В единичных текстах отмечены глаголы *спрошати*, *испросити*, *вопросити*.

Лексема *отказати* в ст.-бел. текстах зафиксирована 16 раз. Лексема *отвечати* (77 случаев) в ст.-рус. текстах встречается в первом вопросе в форме повелительного наклонения и репрезентирует требование дать пояснения по делу: *И Федоръ Васил(ь)евич(ь) **вспросил** архимандрита Филипа: **Отвѣчай!*** Единичны случаи употребления глагола в форме инфинитива *отвечати*, в форме настоящего времени: *Аз, г(о)с(поди)не, **втвечаю** в-ыгумново мѣсто [Варламово], ѡ той земли [АСЭИ, III, с. 87].*

Несмотря на то, что в ст.-бел. текстах в количественном отношении лексем, подчеркивающих диалогичный характер отдельных отрезков текста, меньше, их состав гораздо более разнообразен. Выявляются лексемы, не имеющие аналогов в ст.-рус. приговорах судов. Это глаголы *поведити* / *поведати* (81 случай), *мовити* (39 случаев), *светчити* (26 случаев), *сознати* (6 случаев), *признати*, *признатися* (6 случаев) и др., которые употребляются в формах прошедшего времени, а по значению соответствуют судебным терминам:

– *поведити* / *поведати* в значении ‘паведаміць, расказаць, давесці да ведама’ [ГСБМ, 25, с. 20]: *А и подскарбии нашъ Ѳедко Хребѣтович перед нами **поведил**, што ж какъ ещо Любчо держано на насъ, ино деи наместники любецкии по доброй воли даивали дерево к дворѣ его къ Сеньну ...* [КЗ – 6, с. 242–243]. В единичных текстах встречаются лексемы *отповедати*, *споведати*, *приповедаться*;

– *мовити* в значениях ‘1) перадаваць факты, думкі; 2) даваць показанні сведак, сведчыць; 3) прымаць удзел у судовым разборы, судзіцца’ [ГСБМ, 18, с. 108 – 109]: *И Родивон **мовил**, што ж «тую землю корол(ь), его м(и)л(о)сть, дал **штцѣ** моемѣ Трепалу, и **га** тыми часы с тое земли служу вашои м(и)л(о)сти»* [КЗ – 6, с. 217].

– *светчити* ‘паведамляць, пацвярджаць што-небудзь у якасці сведкі або дасведчанай асобы, пацвярджаць што-небудзь, даваць показанні’ [ГСБМ, 31, с. 81–83]: *И што чии светки **светчили**, и **вни** тое сведецьство их пописали и намъ **штказали*** [КЗ – 6, с. 216].

– *сознати* ‘признаць, сведчыць’ [ГСБМ, 32, с. 61], *признати*, *признатися* ‘1) признаць, 2) признацца’ [ГСБМ, 28, с. 276]: *И кн(а)зь Иван к иншимъ речам **са признал**, а к иншомѣ **са** не знал* [КЗ – 6, с. 215].

2. Обращения в ст.-бел. текстах единичны (17 случаев) и представляют собой форму звательного падежа слов *господару, государю* или имени человека: *Жаловал намъ княз(ь) Костянтинъ Крошинский на Бориса: «Зваль ма, г(о)с(по)д(а)рѣ, Борисъ татем». ... «И ты ми деи, **Борисе**, тыми ботары штказал, што с то на мене мовил и далеи хотел еси мовит(и)»* [КЗ-6, с. 96–97].

В ст.-рус. текстах ответы истцов и ответчиков изобилуют формами обращения к лицу, осуществляющему рассмотрение дела, (обнаруживаются от 2 до 120 обращений в одном тексте), употребляется лексема *господине*, которая адресуется как одному человеку, так и группе лиц. При оформлении вопроса от имени лиц, осуществляющих судебное разбирательство, спорадически употребляется обращение *брате*: *И суд(ь)и спросили Юрки да **Свсанника**: Скажитѣ, **братѣ**, как право перед богом: наимовал лы тот Гридка Ѹ Давыдка то селища Лаптево, ... ? – И Юрка да **Свсанник**, став на судѣ, так ркли: Сидим, г(о)с(поди)не, на розметѣ своєю братьєю дватцат(ь) лѣт, а наима, г(о)с(поди)не, нам нашъ староста Ивашко с тог(о) селища Лаптева и тот Давыдко не кладывали* [АСЭИ, I, с. 247].

3. И лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста, и обращения включены в состав вопросно-ответных комплексов и конструкций, передающих чужую речь.

Вопросно-ответные комплексы отмечены нами в 6 ст.-бел. текстах из 85, при этом в тексте 1457 г. они повторяются 11 раз, а всего зафиксирован 21 случай употребления вопросно-ответных комплексов, представляющих собой вопрос и ответ в форме прямой речи. Для их оформления в ст.-бел. текстах используются глаголы *речи, мовити, пытати*: *и мы ещо для лепшой справедливости **пытали** того Мытка, а Сенка, а Дешка и ихъ брати, маете-ль вы надѣ то ещо которое доброе свѣдѣцтво, ижъ бы тая земля вамъ была отчина и дѣдина? И они **рекли**: свѣдомо, государю, о томъ бояромъ Молоховскимъ и приказнику Молоховскому ...* [АЛМ, с. 80].

В ст.-рус. текстах вопросно-ответные комплексы встречаются в 82 текстах из 85, количество таких комплексов в пределах одного текста достигает 20 случаев, а в 61 тексте встречается 4 и более вопросно-ответных комплексов. Их вербальное оформление характеризуется однообразием: вопрос организуется с помощью лексем *спросити, вспросити*, ответ – с помощью лексемы *речи*, употребляемой в формах *рек (рекл), рекли*. Употребляются как специальные вопросы, включающие слова *что, где, почему, как* и т. п., так и общие вопросы, в которых используется

вопросительная частица *ли (ль)*: *И судья **вспросил** Оксенка: **Почему** же то лес троицкой монастырской? И Оксенко тако **рек**: Грамота, господине, на Дубровинские земли и на тот лес купчая. А се, господине, грамота перед тобою* [Кашт., с. 355–356]. Вопрос также может содержать и форму повелительного наклонения *сказать*.

Отметим также, что для ст.-бел. текстов характерны случаи 1) передачи вопроса в форме прямой речи, а ответа в форме косвенной речи; 2) передачи и вопроса, и ответа в форме косвенной речи.

4. Способы передачи чужой речи в исследованных текстах представлены в таких модификациях, как полная и усеченная прямая речь, собственно косвенная речь, выраженная придаточной частью сложноподчиненного предложения, и скрытая косвенная речь, которой обозначена только тема речи [3, с. 10]. В ст.-бел. текстах преобладают конструкции собственно косвенной речи, которые оформлены как часть сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной, присоединяемой, как правило, союзом *штож*: *и тотъ Макарикъ самъ з братьею передъ вами поветъчиль, **штожъ** той земли Тугощицкой, которую они роспахали, извечныи рубеж Мереика речка* [КЗ–3, с. 85]. Отмечены также союзы *што*, *ижъ / иже, ли / ль*: *И мы казали стати перед нами владыце и пытали есмо его **ш** томъ, смотрел **ли** бѣдет того межи ними, и было **л(ь)** тое еднанье перед нимъ* [КЗ – 6, с. 208]. Скрытая косвенная речь представлена формами предложного падежа указательного местоимения *тотъ* с помощью которых обозначается тема речи: *То пакъ после того татъ Зѣвата жаловала намъ на того Сен(ь)ка **ш** том же селищи* [КЗ – 6, с. 192] или формами инфинитива при глаголе *казати*. В ст.-рус. текстах собственно косвенная речь употребляется редко: *И обои истци сказали, что им таков суд был, как в сем списку писано* [АСЭИ, II, с. 535].

Конструкции с прямой речью отмечены в ст.-бел. текстах в 90 случаях. Сложными являются случаи оформления чужой речи с помощью частицы *деи* в ст.-бел. текстах, которая употребляется как в предложениях с прямой речью, так и в предложениях с косвенной речью: *И Янова Шеметовича передъ нами мовила: тое **дей** имѣніе свекоръ мой, панъ Шеметь, держаль еще за великого князя Жигимонта, а потомъ панъ мой, а опослѣ пана своего я держу ажъ до тыхъ часовъ* [АЛМ, с. 74]. Особенностью ст.-бел. текстов является также использование лексемы *рекомо*, имеющей значение ‘быццам бы’ [ГСБМ, 30, с. 61]: *и они отбывали его тымъ обычаемъ: **штожъ** тотъ бояринъ его, **рекомо бы**, дворъ свой поставиль на ихъ власной земли* [АЛМ, с. 86].

В ст.-рус. текстах прямая речь, не включенная в состав вопросно-ответных комплексов, отмечена в 82 текстах из 85. Обычно с прямой речи истца начинается изложение претензий, заявленных в суде: *Тако рек Сидоръ: Жалоба, г(о)с(поди)не, сторожевьским старцем Антонью строителю со всею брат(ь)єю на тог(о) поселского на старца Давыда, – штнал, г(о)с(поди)не, шзеро оу нас Полецкое, не велить рыболовом нашим рыбь ловит(ь)* [АСЭИ, III, с. 84].

5. Ссылки на другие документы характерны для 59 ст.-бел. документов из 85 и для 66 ст.-рус. документов из 85. В ст.-бел. текстах возможно упоминание завещаний (тастаментов, духовниц), привилеев, купчих листов и др. и описание содержания документа. Процедура ознакомления с содержанием представленного в качестве доказательства текста описывается с помощью глаголов *положити, выслухати*. Содержание приводимого в качестве доказательства текста вводится либо как часть сложно-подчиненного предложения с придаточной изъяснительной с союзом *штож*, которая относится к глагольным формам главной части *стояти, выписати: а в том листу / в тых листах стоит (так), штож ...; и в листу том выписано, штожь*; либо с помощью предложно-падежных сочетаний: *о купле, о данине* и т.п. : *и тые бояре положили передь нами листы судовыи первых пановъ, воеводъ Троцкихъ, пана Мартиновъ Гастовтовича, а пана Богдановъ Андреевича. И въ тыхъ листахъ ихъ стоитъ такъ, штожь они стояли передь паномъ Мартиномъ ...* [АЛМ, с. 67]. Нам не встретились передача полного текста документа.

В ст.-рус. текстах во второй половине XV в. процедура ознакомления с содержанием других документов репрезентируется с помощью форм глаголов *положити, возрети*. Может быть 1) упоминание о содержании приводимого документа; 2) включение в правую грамоту части документа; 3) использование полного текста того документа, на который ссылаются во время судебного разбирательства: *И грамоту положил перед судьями. И судьи в грамоту возрели, ож в ней писано: Се яз Харя Лагирь дал есмь А на то послуи: Серапион старец да поп Данило никольской. А грамоту писал Григорей Карлов. А подписал Иван Котов* [АФЗХ, I, с. 97].

Анализ рассмотренных средств репрезентации категории диалогичности в старобелорусских и старорусских приговорах судов второй половины XV века позволяет сделать следующие выводы:

1) перечень средств, репрезентирующих категорию диалогичности в ст.-бел. и ст.-рус. приговорах судов второй половины XV в., сходен, однако случаев употребления таких средств в ст.-рус. текстах почти в 3,5 раза больше, чем в ст.-бел. текстах;

2) большое количество употреблений средств репрезентации категории диалогичности в ст.-рус. текстах обусловлено повторением обращения *господине*, лексем *речи*, *спросити / вспросити*, *отвечать*, *сказывать / сказать*, в то время как в ст.-бел. текстах в значительно меньшем количестве случаев употребляется более широкий ряд лексических единиц: *речи*, *опытати*, *спытати*, *пытати*, *попытати*, *отказати*, *мовити*, *светчити*, *поведити*, *сознати*, *признати*, *признатися*, при этом лексем *мовити*, *светчити*, *поведити*, *сознати*, *признати*, *признатися* имеют значения, характерные для судебной письменности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богинская, О. А. Речевые жанры: идентификационные признаки и классификационные критерии (на примере жанра «приговор») / О. А. Богинская // Теория языка и межкультурная коммуникация. – № 2 (45). – 2022 г. – С. 33–43.
2. Калашникова, А. А. Русские судебные документы XV – первой половины XVI в. как исторический источник : дисс. ... канд. истор. наук 5.6.5 / А. А. Калашникова ; СПбИИ РАН. – Санкт-Петербург, 2021. – 216 с.
3. Вотрина, Е. Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века: автореф. ... дис. канд. фил. наук 10.02.01 – русский язык / Е. Н. Вотрина ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – 21 с.
4. Кожина, М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики : избранные труды / М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 624 с.
5. Прохватилова, О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: автореф. ... дисс. докт. фил. наук : 10.02.10 / О. А. Прохватилова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2000. – 44 с.
6. Красавцева, Н. А. Выражение диалогичности в письменной научной речи: (на материале англ. языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. А. Красавцева ; Одесск. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса, 1987. – 15 с.
7. Руднева, С. Ф. Репрезентация текстовой категории диалогичности в сибирских отписках конца XVI – второй половины XVIII веков [Электронный ресурс] / С. Ф. Руднева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-tekstovoy-kategorii-dialogichnosti-v-sibirskih-otpiskah-kontsa-xvi-vtoroy-poloviny-xviii-vekov>. – Дата доступа: 06.01.2024.

Источники примеров и словари

АЛМ – Акты Литовской метрики / собраны заслуженным профессором Императорского Варшавского университета Ф. И. Леонтовичем. – Варшава: издание Императорского Варшавского университета. – 1896–1897. – 176 с.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол. : Б. Д. Греков (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – 3 т.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: С. В. Бахрушин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1961. – Ч. 1. – 400 с.

ВКЛ – I – Вялікае княства Літоўскае : Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1 : Абаленскі – Кадэцыя / Рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн. : БелЭн, 2005 – 688 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. І. Жураўскага. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1982–2017. – Вып. 1–37.

Кашт. – Каштанов, С. М. Очерки русской дипломатики / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1970. – 502 с.

КЗ – 3 – Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 3 : (1440–1498) : Užrašymų knyga 3 / Vilnius. – 1998. – 161 p.

КЗ – 4 – Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 4 : (1479–1491). Užrašymų knyga 4. / Vilnius : Žara. – 2004. – 286 p.

КЗ – 6 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / под ред. С. М. Каштанова. – Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. – 664 с.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1893–1912. – 3 т.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975 – : вып. 1–31.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Ло Чжэнцзинь

аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Luo Zhengjin

PhD Student of the department
of theoretical and applied linguistics
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
a470243764@gmail.com

**ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

THE DERIVATIONAL POTENTIAL OF RUSSIAN ANIMAL NAMES

В статье описан деривационный потенциал наименований животных в современном русском языке. Различия, которые были выявлены в результате анализа данных, извлеченных из Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова, убедительно указывают на разную (от 0 до 114 единиц в словообразовательном гнезде) активность зоонимов русского языка, подтверждая тенденции к использованию в словообразовании единиц определенных семантических подгрупп, простой морфемной структуры и некоторую независимость от частотных характеристик. В результате нулевой активности в словообразовательных процессах значительного числа производных зоонимов – наименований детенышей, самок и т.д. – производящее поле зоонимов в русском языке оказывается лимитированным и включает лишь 41 % единиц от общего их числа, а образованные от них дериваты, в основном, – прилагательные, существительные-димиинутивы и наименования детенышей и самок животных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: морфологическая деривация; потенциал; зооним; производное; активность.

The paper is centred on the description of the Russian animal names' derivational potential. Radical differences (from 0 to 114 items in the word formation cluster) observed in the data selected from A. N. Tikhonov's Word Formation Dictionary of the Russian Language convincingly demonstrate activity fluctuations of Russian zoonyms and tendencies in word formation processes of using preferably morphemically simple items of definite semantic subgroups and some independence from their frequency parameters. As a result of a considerable number of units – baby and female animal derived names characterized by zero activity in morphological derivation, the derivational field of Russian zoonyms turns out to be limited to only 41 % of the subsystem while the derivatives formed are mainly adjectives, substantival diminutives, and names of baby and female animals.

К e y w o r d s: morphological derivation; potential; zoonym; derivative; activity.

Как известно, порождение новых слов осуществляется на базе уже существующих лексических единиц родного или чужого языков [1]. Из всей палитры имеющихся способов языковой номинации в русском языке

наиболее часто используемым является морфологическая деривация. Это процесс, который направлен на создание новых слов путем соединения существующих единиц (словосложение) или добавления аффиксов (префиксов, суффиксов и т.д.), сопровождаемого некоторыми формальными преобразованиями, или использования обоих способов с целью выражения новых смыслов. В лингвистической литературе давно установлено, что не все входящие в лексическую систему единицы используются в этом процессе [2; 3; 4]. Это ставит на повестку дня проблему изучения деривационного потенциала как отдельных наименований, так и их групп. Выявление закономерностей избирательности в номинативных процессах имеет решающее значение для понимания того, как осуществляется выбор лексических единиц, используемых в качестве баз, для выражения человеческих мыслей, и соответственно их роли в формировании лингвистического ландшафта языка, какие факторы определяют деривационный потенциал слова и влияют на активность его использования в номинативных процессах.

Целью данной работы является раскрытие деривационного потенциала наименований животных в современном русском языке посредством анализа зоонимов, задействованных в образовании на их базе производных единиц разного типа, с одной стороны, и наименований животных, не использованных в этом процессе – с другой.

Исходной гипотезой исследования явилось основанное на описании анкеты деривационного аффикса предположение [5] о том, что наибольший деривационный потенциал будет характерен, во-первых, для слов простой морфемной структуры (однокорневых), и, во-вторых, обозначающих хорошо известные носителям русского языка виды домашних и диких животных, формирующих ядро семантической группы зоонимов в русском языке. В основу исследования положен проспективный подход. В отличие от широко распространенного в работах по словообразованию ретроспективного направления, согласно которому отправной точкой анализа являются производные одного или нескольких рядов, возникшие на базе соответствующих исходных единиц, проспективный подход включает в зону своего внимания все имеющиеся в лексической системе или подсистеме единицы и устанавливает, какие из них и с какой активностью используются в деривационных процессах (см. [4; 6]) Это позволяет выявить закономерности выбора лексических единиц в качестве производящих баз и раскрыть факторы, определяющие их активное или, напротив, пассивное участие в процессах номинации.

Корпус наименований животных в русском языке огромен и разнообразен, что позволяет создавать на его базе широкий спектр производных для описания характеристик, поведения и качеств. Согласно данным Русского семантического словаря (РСС) под ред. Н. Ю. Шведовой [7, с. 407–458] группа наименований животных в русском языке включает 913 единиц. В нее входят обозначения семейств (*кошачьи, волчьи, енотовые* и др.), наименования диких (*бизон, гепард, медведь, волк* и т. д.) и домашних (*корова, свинья, коза* и т. д.) животных вместе с наименованиями детенышей и самок, птиц (*иволга, кукушка* и т. д.), рептилий (*анаконда, варан, крокодил*) и др.¹

Производные, образующие словообразовательные гнезда, от зоонимов, стоящих в их вершинах, извлечены из Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова [12]. Опираясь на данные этого словаря, мы отдаем себе отчет, что в нем зафиксированы далеко не все употребляемые в русской речи производные, что возможны и новые образования от этих единиц. Иначе говоря, носители русского языка не лишены возможности образовывать дериваты и от указанных единиц, но, по-видимому, их отсутствие в словарной фиксации указывает на окказиональный характер последних. Тем не менее мы ограничиваем наше описание производящего потенциала зоонимов в русском языке данными словаря А. Н. Тихонова, полагая, что в словаре отражены общая картина и общие тенденции словообразования на базе зоонимов. Мы также осознаем тот факт, что значительное число производных в словообразовательных гнездах образованы не от их вершин-зоонимов, а на различных ступенях гнезда от производных различного типа, что приводит к формированию в гнезде нескольких словообразующих центров. Например, в гнезде с вершиной *кит* производные *китобойный, китоловство, китоловный* и др. образованы от производных *китобой, китолов* и связаны с наименованием животного лишь опосредованно. Однако поскольку между производными разных ступеней сохраняется как прямая, так и опосредованная связь с вершиной,

¹ Любопытно, что в базе WordNet [8] разработчики приводят 3944 наименования животных в английском языке [9], что практически в 4 раза превышает число зарегистрированных в РСС зоонимов в русском языке. Думается, что наблюдаемые количественные расхождения объясняются разными подходами к определению состава данной семантической группы: американские ученые включают в нее значительное число терминов, в то время как РСС ориентируется на основной словарный фонд русского языка, представленный в словаре С. И. Ожегова [10]. Интересно, что единицы научной биологической классификации еще более многочисленны и во много раз превосходят число наименований животных в базе Word Net [11].

мы считаем возможным включить в рассмотрение всю подсистему производных в гнезде с той или иной вершиной-зоонимом, представленных в словаре А. Н. Тихонова, не подвергая детальному анализу дериваты на второй и далее ступенях гнезда как не связанные непосредственно с его вершиной (табл. 1).

Таблица 1

Количественные характеристики наименований животных, используемых в качестве производящих баз, в русском языке

Деривационная активность (число производных)	Наименования животных	Число единиц	Процент от общего числа единиц
0	<i>буйволенок; бельчонок; выдренок; верблюжонок; галчонок; ежонок; зайчонок; медвежонок; зайчиха; боярышница; ежиха; медведица; воронье, коршунье; собачьи, волчьи; борзая, гончая</i>	540	59
1	<i>вобла; жерех; омуль; сайда; трепанг; шершень</i>	132	14
2	<i>аргамак; барбос; мошка; палтус; ягуар</i>	69	8
3	<i>байбак; бегемот; галка; касатка; кефаль; сыч; сорока</i>	35	4,1
4	<i>бизон; гадюка; макрель; мотылек; удав</i>	23	2,5
5	<i>бирюк; зубр; конек; коралл; сиг; барс</i>	27	2,7
6	<i>аист; белка; буйвол; крыса; бобр; барсук; лев</i>	18	2,2
7	<i>карась; краб; мул; осетр; ворон; вол</i>	13	1,9
8	<i>кабан; сова; щука; канюк</i>	7	0,7
9	<i>попугай; блоха; баран</i>	3	0,3
10	<i>комар; сельдь; соловей; лягушка; орел; индюк</i>	6	0,6
11	<i>воробей; осел; скворец; лось</i>	4	0,4
12	<i>журавль; слон; фазан; уж</i>	4	0,4

14	<i>верблюд; олень; поросенок; соболь</i>	4	0,4
15	<i>корова; муравей</i>	2	0,2
16	<i>жеребенок; мышь</i>	2	0,2
17	<i>кит; лис; шип</i>	3	0,3
18	<i>утка; заяц; сокол</i>	3	0,3
20	<i>волк; голубь</i>	2	0,2
21	<i>бык</i>	1	0,1
22	<i>пчела</i>	1	0,1
25	<i>пес</i>	1	0,1
26	<i>гусь; лошадь</i>	2	0,2
30	<i>медведь</i>	1	0,1
31	<i>собака</i>	1	0,1
34	<i>теленоч</i>	1	0,1
36	<i>птица; курица</i>	2	0,2
37	<i>кот</i>	1	0,1
45	<i>змея; свинья</i>	2	0,2
50	<i>коза</i>	1	0,1
75	<i>конь</i>	1	0,1
114	<i>рыба</i>	1	0,1

Рассмотрим сначала полученные количественные данные. Число производных в гнезде может составить от 1 до 10 (наибольшее число деривационно активных единиц). Это количество производных в отзо-онимных гнездах не является конечным: у единичных зоонимов оно варьируется от 11 (*воробей, осел* и др.), 12 (*журавль; слон* и др.) и далее до 45 (*змея; свинья*), 50 (*коза*) и 75 (*конь*). Наибольшее число производных (114) зафиксировано в гнезде с вершиной *рыба*.

Полученные данные позволяют сделать ряд наблюдений. Как явствует из табл. 1, наименования животных различаются своей производящей активностью, которая варьируется от 0 до 114 производных в соответствующем гнезде. 59 % найденных единиц характеризуются нулевой активностью, образованных на их базе слов в словаре А. Н. Тихонова не зафиксировано. Число зоонимов, имеющих только 1 производное слово, составляет 132, или 14 %. Наибольшее число зоонимов, участвующих в словообразовательных процессах, характеризуются 2–5 производными в гнезде. На долю единиц, имеющих в гнезде 2 и 3 производных слова,

приходится 8 % и 4,1 % соответственно. Число названий животных, активно участвующих в образовании более 10 производных, невелико и варьируется от 9 до 5 и 1 единицы, что составляет менее 1,2 % (см. подробнее табл. 1). Наибольшим числом согласно словарю А. Н. Тихонова, характеризуются зоонимы *рыба** (114 единиц), *конь*** (75 единиц), *коза* (50 единиц), *змея*, *свинья**** (45 единиц).

Число зоонимов, стоящих в вершинах самых разветвленных и богатых гнезд (от 11 до 114 дериватов) невелико и равно 40.

Таким образом, производящее поле [2] зоонимов сокращается более чем наполовину и включает лишь 373 единицы, что составляет 41 % от всего состава группы. Число их производных составляет 2084 единицы, и, соответственно, средний деривационный потенциал зоонима равен 5,5, т.е. 5–6 производных в словообразовательном гнезде одного зоонима, что не является обязательным числом производных у конкретных зоонимов.

Наиболее интересны, однако, качественные характеристики зоонимов, различающихся разной деривационной активностью.

Анализ морфемной структуры деривационно пассивных единиц позволяет заключить, что высказанная ранее гипотеза относительно однокорневой структуры как фактора, способствующего использованию единицы в словообразовательных процессах, верно отражает тенденцию производных слов быть конечными актами деривации.

Наряду с формальными факторами выявляются и некоторые семантические закономерности, обусловленные характером наименований. Так, общие названия семейств животных типа *волчьи*, *полорогие*, *жвачные*, *хомяковые*, *гиеновые*, *енотовые* и др. не вовлекаются далее в словообразовательные процессы. Являясь формами субстантивированных прилагательных, они пассивны в образовании на их основе новых единиц. К ним примыкают наименования видов животных, по своей форме также являющиеся субстантивированными прилагательными типа *борзая*, *гончая*, *сохатый*, *леговая* и др. Семантическим фактором, ограничивающим словообразовательную активность, оказываются такие семантические характеристики, как входящие в состав группы наименования детенышей (например: *буйволенок*, *выдренок*, *бобренок*, *бельчонок*, *дельфиненок*, *голубенок*, *слоненок* и др.), самок животных (*буйволица*, *бобриха*, *барсиха*, *дельфиниха*, *зайчиха*, *кабаниха*, *сайгачиха*, *журавлиха*, *соколиха*, *сивучиха* и др.). Не используются в дальнейших словообразовательных актах и собирательные наименования (*воронье*, *коршунье*) и некоторые другие категории зоонимов.

Интересны зоонимы и типами образованных на их базе производных. Так, набор слов, имеющих только одно производное, включает названия животных типа *вобла*, *жерех*, *омуль*, *шершень* и др. Их производными, как правило, являются прилагательные, такие как *гепард* – *гепардовый*, *вобла* – *вобловый*, *газель* – *газелий*, *дрофа* – *дрофиный* и так далее. Из набора слов с двумя или тремя производными явствует, что производные от этих слов – обычно прилагательные и существительные со значением уменьшительности или ‘детеныш животного’. Например; *ягуар* – *ягуаренок* – *ягуаровый*; *аргамак* – *аргамачок* – *аргамачный*; *бульдог* – *бульдожка* – *бульдожий* и т. д.

Привлекает внимание и то, что в случае, если в гнезде с зоонимом-вершиной имеется от 5 (27, или 2,7 % единиц) до 9 (3, или 0,3 % от общего объема материала) производных, значительное число производных составляют дериваты с уменьшительно-ласкательным значением. Например, *голубь* – *голубок*, *голубочек*, *голубчик*, *голубка*, *голубочка*, *голубушка*, *голубонька*, *корова* – *коровка*, *коровушка*, *коровёнка*, *воробей* – *воробушек*, *воробышек*, *воробейчик*, *воробьишка*, *воробка* и др.

Следует также подчеркнуть некоторое несоответствие между частотностью зоонима и его деривационным потенциалом (табл. 2).

Таблица 2

Частотность наименований животных в русском языке и количественные характеристики словообразовательных гнезд с наименованиями животных в их вершинах

Частотность наименований вида в НКРЯ ¹	Количественные характеристики гнезд с вершинами-наименованиями животных (по Словообразовательному словарю А. Н. Тихонова)
<i>лошадь</i> : 77098	<i>рыба</i> : 114
<i>собака</i> : 55846	<i>конь</i> : 75
<i>птица</i> : 40971	<i>коза</i> : 50
<i>рыба</i> : 37018	<i>змея</i> : 45
<i>конь</i> : 34783	<i>свинья</i> : 45
<i>корова</i> : 16381	<i>птица</i> : 36
<i>курица</i> : 12742	<i>курица</i> : 36
<i>бык</i> : 11186	<i>теленки</i> : 34
<i>козел</i> : 10673	<i>собака</i> : 31
<i>змея</i> : 10194	<i>лошадь</i> : 26

¹ Национальный корпус русского языка.

<i>свинья</i> : 9977	<i>пес</i> : 25
<i>пес</i> : 7712	<i>пчела</i> : 22
<i>баран</i> : 6310	<i>бык</i> : 21
<i>коза</i> : 5964	<i>кит</i> : 17
<i>пчела</i> : 5725	<i>корова</i> : 15
<i>кит</i> : 4068	<i>баран</i> : 9
<i>теленок</i> : 3575	<i>кабан</i> : 8
<i>кабан</i> : 2639	<i>козел</i> : 7

Так, зоонимы *лошадь, собака, птица, рыба, конь* принадлежат, согласно данным НКРЯ [13], к высокочастотным единицам (см. табл. 2). Следовало бы ожидать, что именно они обладают наивысшим деривационным потенциалом. Однако согласно Словообразовательному словарю А. Н. Тихонова наибольшим потенциалом характеризуются *рыба, конь, коза, змея, свинья*, которым присущи более низкие по сравнению с зоонимами *лошадь, собака, птица* показатели частотности. Разрыв между показателями частотности и деривационного потенциала может быть довольно велик: ср. *лошадь* (частотность 77098 – 26 единиц в гнезде, *собака* (частотность 55846 – 31 единиц в гнезде) и т.д. Соответственно, корреляция между частотностью зоонима и его деривационным потенциалом носит характер не прямой зависимости, в чем убеждают данные табл. 2. Нельзя не заметить, тем не менее, что зоонимы с наиболее разветвленными гнездами входят в список наиболее частотных единиц данной группы слов русского языка, формируя таким образом ее ядро.

**рыба* – *рыба, рыбка, рыбонька, рыбица, рыбешка, рыбчонка, рыбища, рыбец, рыба, рыбинка* и др. (всего 114 единиц)

***конь* – *конек, коньковый, коник, конишка, коняга, коняка, конина, конюх, конюшонок, конюшня, конюший* и др. (всего 75 единиц).

****свинья* – *свинка, водосвинка, свинёнок, свинина, свининка, свинство, свинтус, свинарь, свинарка* и др.

****змея* – *змеек, змейка, змейков, змейковый, змейковые, змейчатый, змеенок, змееныш, змеевик, змеевичок* и др. (всего 45 единиц)

Эти примеры демонстрируют, что отзоонимные производные слова, большинство из которых – прилагательные, называющие конкретные атрибуты или качества, связанные с соответствующими животными, и существительные – названия самок или детенышей, а также диминутивы, формируют остов деривационного потенциала наименований животных в русском языке, что позволяет получить более глубокое понимание культурного значения, придаваемого этим животным.

В заключение следует отметить, что по результатам анализа данных, приведенных в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова, в целом производный потенциал зоонимов русского языка богат и разнообразен, но при этом наблюдается избирательность единиц, которые используются в словообразовательных процессах. Важными характеристиками при выборе того или иного зоонима оказываются их морфемная структура, производный/непроизводный характер и соответствующие семантические свойства. Релевантна и наблюдаемая непрямая зависимость деривационной активности зоонимов от их частотности.

Сложная природа избирательности единиц для вовлечения их в словообразовательные процессы требует дальнейших исследований в этой области. Это будет способствовать нашему пониманию глубинных процессов словообразования и семантической эволюции в языке, указывающей, на наш взгляд, на потенциал наименований животных в русском языке. Анализ этих данных может привести исследователей к разработке ценных рекомендаций по изучению словообразования и деривационного потенциала лексических единиц и различий между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитончик, З. А. О взаимодействии способов языковой номинации / З. А. Харитончик // В поисках сущности имен / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 32–42.
2. Головин, Б. Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Б. Н. Головин. – Горький, 1966. – 79 с.
3. Беляева, Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке / Т. М. Беляева. – М. : Высшая школа, 1979. – 184 с.
4. Петракова, Ю. И. Ономаσιологические аспекты морфологической и семантической деривации (на материале имен существительных современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. И. Петракова. – Минск, 2017. – 25 с.
5. Кубрякова, Е. С. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа / Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 202–233.
6. Зенков, Г. С. Вопросы теории словообразования / Г. С. Зенков. – Фрунзе. : Киргизск, гос. ун-т, 1969. – 165 с.

7. Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 407–458.
8. WordNet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordnet.princeton.edu/>. – Дата доступа: 25.04.2024.
9. Мяховский, А. А. Утилитарная информация в гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» в современном английском языке / А. А. Мяховский // Тенденции развития языкового образования в современном мире : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2022. – С. 48–57.
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.
11. Мяховский, А. А. Основания классификации животных в американском варианте современного английского языка / А. А. Мяховский // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2022. – № 3. – С. 67–76.
12. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 855 с.; т. 2. – 887 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 25.04.2024.

Поступила в редакцию 01.07.2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3.09(092)

Анапрэенка Наталля Якаўлеўна

кандыдат філалагічных навук,
вядучы рэдактар выдавецкага аддзела
Нацыянальная бібліятэка Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Natallia Anapreyenka

PhD in Philology,
Leading Editor of the Publishing Department
National Library of Belarus
Minsk, Belarus
anapreenkanatalla@gmail.com

ГНАСЕАЛАГІЧНАЯ І ЭСТЭТЫЧНАЯ ПАРАДЫГМЫ
Ў ЛІТАРАТУРЫ ПАЧАТКУ ХХ ст.
(на прыкладзе творчасці М. Багдановіча)

EPISTEMOLOGICAL AND AESTHETIC PARADIGMS
IN LITERATURE OF THE EARLY 20TH CENTURY
(Using the Example of M. Bagdanovich's Creativity)

Артыкул прысвечаны разгляду творчасці М. Багдановіча, аднаго з самых яркіх прадстаўнікоў беларускай літаратуры пачатку ХХ ст., які займае асаблівае месца ў культурнай прасторы свайго часу. Яго дзейнасць не толькі выяўляе нацыянальны асаблівасці, але і дэманструе глыбокую сувязь з еўрапейскімі літаратурнымі традыцыямі. Змена эпістэмалагічнай і эстэтычнай парадыгмаў у культуры адзначанага перыяду знайшла сваё адлюстраванне ў творчасці беларускага майстра слова. Маштабнасць і шматстайнасць перамен паўплывала на яго пісьменніцкую практыку, станаўленне творчай індывідуальнасці, дазволіла выказаць важныя светапоглядныя праблемы праз прызму ўласных твораў.

Ключавыя словы: *міжнацыянальныя літаратурныя сувязі; творчая індывідуальнасць; мадэрнізм; сімвалізм; фальклор; міфалогія.*

The article is devoted to consideration of the work of M. Bagdanovich, one of the brightest representatives of Belarusian literature of the beginning of the 20th century, who occupies a special place in the cultural space of his time. His work not only reflects national characteristics, but also demonstrates a deep connection with European literary traditions. The change in epistemological and aesthetic paradigms in the culture of the noted period was reflected in the activities of the Belarusian master of words. The scale and diversity of changes influenced his writing practice, the formation of creative individuality, and allowed him to express important ideological problems through the prism of his own works.

Key words: *international literary connections; creative individuality; modernism; symbolism; folklore; mythology.*

Пачатак XX ст. увайшоў у гісторыю як перыяд бурных змен і інавацый у культуры. Гэта імклівы і прадуктыўны час сцвярджэння новых мастацкіх ідэй, зараджэння новых літаратурных плыней і іх супрацьстаяння з традыцыйнымі рэалістычнымі канцэпцыямі. Тагачасная еўрапейская літаратура характарызуецца інтэнсіўным развіццём і ўзаемапранікненнем разнастайных напрамкаў (рэалізму, імпрэсіянізму, сімвалізму, экспрэсіянізму, неарамантызму і інш.), адрозніваецца неаднароднасцю, парадаксальнасцю, змешанасцю розных жанраў і стыляў, якія ўступалі ў самае нечаканае ўзаемадзеянне ў пісьменніцкай практыцы адных і тых жа пісьменнікаў, ствараючы арыгінальнае і непаўторнае адзінства. Як адзначыў П. Васючэнка, «у гэтым часе цяжка вызначыць каго-небудзь з творцаў як “чыстага” рэаліста, сімваліста або мадэрніста. Мы назіраем у кожнай нацыянальнай літаратуры перапляценне і складаныя кантамінацыі рэалізму, новарамантызму, мадэрнізму, сімвалізму, імпрэсіянізму і нават новага класіцызму. Кожны буйны майстра гэтай эпохі выглядаў сінтэтыкам» [1, с. 3].

Для мастацтва гэтага перыяду ўласціва імкненне да свабоды, творчай рэалізацыі і ўласнага самасцвяржэння асобы, узмацненне індывідуальнага пачатку, арыентацыя на суб'ектыўнае спасціжэнне навакольных рэалій, на навацыі і эксперымент. Адбываюцца актыўныя змены ў мастацкай свядомасці, трансфармацыя самога працэсу творчасці: «Відаць, упершыню ў гісторыі літаратуры назіраецца татальнае разбурэнне канона, ігнараванне клішыраваных формаў, якія стрымлівалі рост літаратуры, скоўвалі мастацкую фантазію творцы. Заўважаецца тэндэнцыя паступовай жанравай раскаванасці, адыходу ад строгай рэгламантацыі стылявых, структурна-кампазіцыйных і мастацка-вобразных формаў. <...> Мноства пунктаў погляду, узаеманакладанне розных сэнсавых палёў, амбівалентнасць зместу, шматстылёвасць і поліварыянтнасць – усё гэта легла ў аснову эстэтычных прынцыпаў новага мастацтва», – доказна даводзіць В. Максімовіч [2, с. 12].

Блізкія ўмовы тагачаснага развіцця дазваляюць весці размову пра падабенства гістарычна-культурных працэсаў у краінах еўрапейскага рэгіёну, якія, паводле А. Ніякоўскай, «перажывалі ў гэты час і трагічныя наступствы вызваленчага руху, і падзеі Першай сусветнай вайны, і драматычныя змены ўзаемадзеяння палітычных сіл, знішчэнне насельніцтва, гаспадаркі, здабыткаў нацыянальнай культуры і мастацтва. Менавіта гэтыя падзеі сталі прычынай нараджэння мадэрнісцкай танальнасці ў літаратурнай творчасці многіх ... паэтаў» [3, с. 25].

Пачатак ХХ ст. быў вельмі плённым для Беларусі, змясціўшы ў сябе шматлікія супярэчнасці пераходнай эпохі, перамены ў духоўнай, сацыяльнай, культурнай сферах, палітычныя ўзрушэнні. У гэты час узрастае інтэнсіўнасць грамадска-культурнага жыцця: ствараюцца выдавецкія таварыствы («Загляне сонца і ў наша аконца», «Беларускае выдавецкае таварыства», «Наша хата» і інш.), выходзяць часопісы і газеты («Маладая Беларусь», «Крапіва», «Саха» і інш.), якія становяцца важнымі пляцоўкамі для публікацыі літаратурных твораў, асвятлення актуальных падзей і абмеркавання культурных і грамадскіх пытанняў. Гэтыя працэсы суправджаюцца выданнем знакавых літаратурных зборнікаў такіх пісьменнікаў, як Янка Купала, Якуб Колас, Цётка, М. Багдановіч і іншых, якія прадвызначылі далейшае развіццё беларускага прыгожага пісьменства і аказалі значны ўплыў на грамадскую свядомасць і культурнае жыццё краіны.

У навуковым асяроддзі разгляд тагачаснай беларускай літаратуры ўключае шматгранны аналіз, які ахоплівае розныя культурныя, эстэтычныя, моўныя і ідэалагічныя аспекты, што дазваляе больш поўна ацаніць яе багацце і разнастайнасць. Так, Н. Якуш робіць такое назіранне: «Дынамізм сацыяльных працэсаў, звязаных з капіталістычнай мадэрнізацыяй форм гаспадарання, усталяванне навуковага светапогляду і структурная перабудова грамадства істотна паўплывалі на эстэтычна-мастацкае афармленне культурнай прасторы. У пачатку ХХ стагоддзя назіралася і сінкрэтычнае, і эклектычнае спалучэнне фальклорных вытокаў, беларускіх культурных архетыпаў, традыцыйных выразных мастацкіх форм з новымі стылявымі накірункамі, выяўленчымі прыёмамі, метадамі. Такое спалучэнне традыцыі і эстэтыкі мадэрнізму ў рознай ступені закранула ўсе сферы беларускага мастацтва, вылівалася ў дыскусійнасць, эксперыментатарства, духоўную актыўнасць» [4, с. 118].

Беларускае прыгожае пісьменства ў гэты перыяд дэманструе інтэнсіўнае засваенне эстэтычных дасягненняў еўрапейскага мастацтва, паслядоўна ўключаецца ў сусветны літаратурны працэс, пры гэтым захоўвае ўласнае нацыянальнае аблічча, стварае ўнікальны нацыянальны стыль і нормы мастацкай творчасці. Мае рацыю В. Максімовіч, сцвярджаючы, што «літаратура пачатку ХХ стагоддзя ўяўляе з сябе яскравы прыклад сінтэтычнага засваення мастацкіх феноменаў, удалае спалучэнне разнастайных мастацкіх мадэляў з неабходным задзейнічаннем усяго мысленча-фэнаменалагічнага, культуралагічнага патэнцыялу нацыі, што натуральна стасавалася як з эстэтычнымі прынцыпамі літаратуры, так і агульнымі тэндэнцыямі эпохі з яе імкнёнасцю да спасціжэння аб'ектыўных закана-

мернасцяў жыцця, схільнасцю да разамкнёнасці, інтэгравання матэрыялу ў арганічным мастацкім цэлым» [5, с. 322]. У гэтым кантэксце можна весці размову пра феномен паскоранага развіцця беларускай літаратуры, які быў звязаны як з сацыяльна-гістарычнымі ўмовамі, так і дынамікай грамадска-культурных падзей.

Станаўленне творчай індывідуальнасці Максіма Багдановіча (1891–1917) адбывалася ў кантэксце тагачасных міжкультурных і міжнацыянальных узаемадачынненняў з ўлікам асноўных тэндэнцый мадэрнісцкага руху. З гэтага пункту гледжання актуальным з’яўляецца зварот да мастацкай спадчыны беларускага майстра слова, які творча ўвабраў у сваю пісьменніцкую практыку навейшыя тэндэнцыі і кірункі, пераасэнсаваў філасофска-эстэтычныя ідэі тагачаснай гісторыка-культурнай эпохі, і праз гэта сфарміраваў уласны мастацкі стыль, прадэманстраваўшы сваёй справай сувязь з агульнаеўрапейскім літаратурным кантэкстам і ўвасобіўшы гістарычныя і эстэтычныя праблемы свайго часу, асяроддзя, народа. Мэта даследавання – вылучыць найбольш актуальныя з пункту гледжання параўнальна-тыпалагічнага вывучэння літаратурныя з’явы еўрапейскіх краін пачатку ХХ ст. і на гэтай аснове выявіць важнейшыя моманты станаўлення і развіцця мастацкай сістэмы М. Багдановіча, адзначыць уплыў тагачасных сацыякультурных працэсаў на фарміраванне яго творчай індывідуальнасці.

Дзейнасць гэтага пісьменніка-наватара развівалася ва ўмовах вострых сацыяльна-палітычных узрушэнняў, упадніцкіх грамадскіх настрояў. У такія перыяды крызісаў і нявызначанасці абвастраецца ўвага да спрадвечных каштоўнасцей і экзістэнцыяльных пытанняў прысутнасці чалавека ў гэтым свеце, што з’яўляецца не толькі спосабам самапазнання, але і спосабам справіцца з выклікамі часу.

Не прымаючы тагачаснай рэчаіснасці, беларускі майстар слова супрацьпаставіў ёй агульначалавечыя каштоўнасныя арыенціры. Касмізацыя свядомасці М. Багдановіча звязана з яго імкненнем знайсці гармонію паміж асабістым і грамадскім, нацыянальным і сусветным, што знайшло адлюстраванне ў яго творах, дзе лірычныя вобразы часта пераплятаюцца з філасофскімі разважанымі аб месцы чалавека ў свеце, духоўных пошуках і культурных каранях. Ва ўмовах палітычнай нестабільнасці і сацыяльных змен ён шукаў апірышча ў гістарычным мінулым, нацыянальнай культуры і адвечных каштоўнасцях, узнікаючы пытанні духоўнай сувязі чалавека і свету як адзінага космапрыроднага цэлага.

Змены ў сацыяльна-культурным жыцці абумовілі зварот М. Багдановіча да эстэтыкі мадэрнізму, які ў той час, па словах В. Каваленкі, «з’яўляўся ўладаром думак многіх пісьменнікаў» [6, с. 210], але ў творчасці

беларускага паэта гэты феномен атрымаў унікальную інтэрпрэтацыю і мастацкае пераўвасабленне. У 1913 г. выйшаў яго зборнік вершаў «Вянок», дзе малады творца здолеў аб'яднаць усе знакавыя тэндэнцыі і лініі развіцця тагачаснай беларускай паэзіі. З падобнага пункту гледжання зыходзіць і І. Багдановіч, якая сцвярджае, што беларускі майстар слова «...адразу з першых публікацый ... надаў новае дыханне маладой беларускай літаратуры. А “Вянок” як ідэйна-мастацкае цэлае ўжо адлюстравваў цэлую эстэтычную эпоху, засвоеную нашым прыгожым пісьменствам» [7, с. 178].

Сведчаннем шматграннага таленту беларускага пісьменніка-наватара з'яўляецца яго імкненне да новых сродкаў адлюстравання навакольнай рэчаіснасці, удасканалення мастацкіх форм і прыёмаў, пошуку новых паэтычных магчымасцей. М. Багдановіч унёс значны ўклад у беларускую літаратуру, прапанаваўшы новую форму светаразумення, у цэнтры якой знаходзіцца асоба. У яго творах акцэнт зроблены на суб'ектыўных перажываннях, якія служаць спосабам выражэння духоўных каштоўнасцей лірычнага героя і паглыбленага філасофскага асэнсавання прыродных законаў («Добрай ночы, зара-зараніца!», «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог», «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...» і інш.). Паэзія М. Багдановіча прасякнута гуманістычным стаўленнем да жыцця і чалавека, а праблема нацыянальнага самавызначэння займае важнае месца ў яго творчасці, што праяўляецца ў звароце да культурнай і гістарычнай спадчыны беларускага народа («На Лявонавай кашулі вышыты галубкі», «Лявоніха», «Скірпуся», «Мушка-зеянушка і камарык – насаты тварык» і інш.). У адпаведнасці з уласнай задумкай і мастацкай канцэпцыяй беларускі пясняр у сваіх творах па-майстэрску перапрацоўвае і пераўтварае старажытныя матывы, пакідаючы толькі намёк на першакрыніцы. Аўтар аддае перавагу іх суб'ектыўнаму ўспрыманню і інтэрпрэтацыі, але пры гэтым не губляе сувязі з рэальнасцю.

М. Багдановіч у сваіх творах не абвяргае рэалізм, а, наадварот, паднімае яго на новы ўзровень, падкрэсліваючы эстэтычную каштоўнасць зямнога існавання. Ён бачыць прыгажосць у штодзённым і імкнецца перадаць гэтае бачанне праз мастацкае слова. Яго лірыка насычана тонкімі назіраннямі за навакольным светам, выявамі прыроды, якія не толькі перадаюць аб'ектыўную рэальнасць, але і напаўняюць яе глыбокім сэнсам і эстэтычнай прыгажосцю («Добрай ночы, зара-зараніца!», «Блішчыць у небе зор пасеў», «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог» і інш.). Паэт выкарыстоўвае рэалістычныя дэталі для стварэння вобразаў, якія выклікаюць у чытача эмацыянальны водгук і дазваляюць убачыць у паўсядзённым прыроднае хараство і сусветную гармонію.

Да мадэрнізму ж М. Багдановіч звяртаецца свядома: не толькі з мэтай пашырэння уласных паэтычных гарызонтаў, але і інтэграцыі беларускай культуры ў еўрапейскі кантэкст, выкарыстоўваючы пры гэтым багаты спектр мастацкіх прыёмаў і форм. Тут дарэчы будзе выказванне Т. Вабішэвіч: «Багдановіч прыйшоў да еўрапейскасці як крытэру ацэнкі нацыянальнага літаратурнага працэсу праз вывучэнне і аналіз гісторыі развіцця еўрапейскіх літаратураў. Пад еўрапейскасцю паэт разумее наяўнасць у нацыянальнай літаратуры разнастайных літаратурна-мастацкіх метадаў і кірункаў, а таксама захаванне нацыянальнай самабытнасці як умовы каштоўнасці для агульнаеўрапейскай культуры» [8, с. 52].

У паэзіі М. Багдановіча назіраюцца ключавыя рысы мадэрнізму: індывідуалізм, увага да ўнутранага свету чалавека, імкненне да глыбокага філасофскага асэнсавання рэчаіснасці і інтуітыўнага спазнання свету, цікавасць да фальклорных першакрыніц, уласная міфатворчасць і г. д. Яго паэзія адрозніваецца глыбокай змястоўнасцю і пошукам сэнсаў існавання («Вечар», «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...», «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...», «Зорка Венера» «Ціха па мяккай траве», «На золку», «Да сястры» і інш.).

У паэтычнай спадчыне М. Багдановіча спалучаюцца шматлікія тэндэнцыі і ўплывы (рэалістычныя, рамантычныя, імпрэсіяністычныя, сімвалісцкія і інш.), што дазваляе разглядаць яго творчасць у розных кантэкстах і аспектах. Так, напрыклад, У. Конан бачыць паэтычнае майстэрства беларускага песняра «ў арганічнай знітанасці сардэчнага і чыстага лірызму з сімвалічным метафарызмам» [9, с. 175]. Л. Тарасюк акцэнтуюе ўвагу на тым, што «менавіта творчая практыка паэтаў-сімвалістаў дапамагала Багдановічу вызначыць уласныя шляхі мастацкага развіцця, узбагачэння паэтыкі» [10, с. 61] і прыводзіць пэўныя прыклады праяўлення сімвалісцкай эстэтыкі ў яго творчасці (паглыблены лірызм, суб'ектыўзм, эмацыянальнасць, урбаністычныя матывы і г. д.). Пры гэтым даследчыца звяртае ўвагу і на ўплывы імпрэсіянізму на маладога паэта, які ўспрымае навакольны свет «у дынаміцы, імгненасці яго праяваў, імкненне зафіксаваць першаснае, свежае ўражанне і стварыць на яго аснове цэласны малюнак убачанага, пачутага, перажытага» [10, с. 66].

Шырокі спектр інтарэсаў і ведаў, глыбокае знаёмства з культурнай і фальклорнай спадчынай розных народаў аказалі вялікі ўплыў на фарміраванне творчай індывідуальнасці М. Багдановіча і стварэнне ўласнага мастацкага стылю. Беларускі майстар слова актыўна ўдзельнічаў у літаратурным жыцці Расіі, што было абумоўлена як біяграфічнымі фактарамі, так і культурнымі кантактамі з дзесячамі гэтай краіны.

Бясспрэчным з'яўляецца факт уплыву прадстаўнікоў рускага сімвалізму (К. Бальмонта, А. Белага, А. Блока, В. Брусава, У. Салаўёва і інш.) на мастацкі досвед беларускага паэта: імкненне да меладычнасці верша, мадэляванне ўніверсальных пытанняў, спалучэнне фальклорнай і літаратурнай традыцый ва ўласнай творчасці.

Спецыфіка сацыякультурнай сітуацыі пачатку ХХ ст., напружаны рытм эпохі, тагачасныя філасофскія канцэпцыі, ідэі касмізму і сусветнага ўсеадзінства, папулярныя ў асяроддзі пісьменнікаў-сімвалістаў, актывізавалі іх цікавасць да міфафальклорных крыніц, што дазваляла, як тонка заўважыў І. Навуменка, «стварыць вельмі абагульненую сімвалічную карціну рэальна існуючага свету» [11, с. 14].

М. Багдановіч у сваёй пісьменніцкай практыцы актыўна звяртаецца да міфалагічных і фальклорных архетыпаў, якія выступаюць і як інструмент арганізацыі мастацкай структуры твораў, і як сродак выяўлення праблем універсальнага характару (чалавек і свет, часовае і вечнае, смерць і жыццё, рэальнасць і ідэалы). Матывы і вобразы, якія ўзыходзяць да міфалогіі розных народаў свету, дазволілі аўтару надаць сваім творам філасофскую глыбіню і мастацкую выразнасць.

Беларускі майстар слова, натхнёны старажытнымі паданнямі, пераносіць чытача ў іншую рэальнасць, іншае вымярэнне – «зачарованае царства» (нізка вершаў «У зачарованым царстве»), дзе перад чытачом паўстаюць казачныя істоты з далёкай мінуўшчыны (Вадзянік, Змяіны цар, Лясун, Падвей, русалкі). Такі падыход дае магчымасць пісьменніку не толькі ўвасобіць гістарычныя і эстэтычныя праблемы свайго часу, свайго народа, але і перадаць глыбіню духоўнага вопыту і спрадвечных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў легендах і міфах. Гэтага погляду на праблему прытрымліваецца і І. Навуменка, які адзначае наступнае: «Як і паэты-сімвалісты ... Багдановіч цікавіцца сваёй мінуўшчынай, міфалогіяй з яе вобразамі-зданнямі, напайняе свой верш філасофскім роздумам аб сутнасці існага», імкнучыся «ахапіць мысленным позіркам малюнак светабудовы, разгадаць яе загадкі, таямніцы» [11, с. 4].

Міфалагічныя і фальклорныя элементы адыгрываюць важную ролю ў мастацкай сістэме М. Багдановіча, дапамагаюць аўтару ствараць глыбокія, шматзначныя вобразы, якія надаюць яго творам асаблівую эмацыянальную і філасофскую значнасць, адлюстроўваючы ўнутраныя канфлікты і пошукі гармоніі, уласцівыя тагачаснай эпохе.

Такім чынам, пачатак ХХ ст. стаў часам інтэнсіўнага культурнага абнаўлення для еўрапейскіх краін, узнікнення і развіцця новых форм і ідэй, якія паўплывалі на далейшае развіццё літаратуры і мастацтва

ў цэлым. Змена эпістэмалагічнай і эстэтычнай парадыгмаў у культуры пачатку ХХ ст., адзначаная рознымі трансфармацыямі, знайшла сваё адлюстраванне ў творчасці беларускага паэта М. Багдановіча. Письменніцкая дзейнасць гэтай выдатнай асобы з'яўляецца яркім прыкладам плённага ўзаемадзеяння беларускай і еўрапейскай культур. Ён спалучаў у сваіх творах розныя тэндэнцыі і кірункі, што дазволіла яму стварыць унікальны мастацкі свет, насычаны глыбокімі ідэямі і багатымі вобразамі. Працэсы, характэрныя для пачатку ХХ ст., аказалі значны ўплыў на літаратурную дзейнасць М. Багдановіча, садзейнічалі фарміраванню творчай індывідуальнасці і дазволілі выказаць важныя светапоглядныя пытанні праз прызму ўласнай творчасці.

ЛІТАРАТУРА

1. *Васючэнка, П. В.* Славянскі сімвалізм: нацыянальна-адметнае і агульнае / П. В. Васючэнка // XII Міжнар. з'езд славістаў. – Мінск : МДЛУ, 1998 – 18 с.
2. *Максімовіч, В. А.* Беларускі мадэрнізм: эстэтычная самаідэнтыфікацыя літаратуры пачатку ХХ стагоддзя / В. А. Максімовіч. – Мінск : БДУ, 2001. – 228 с.
3. *Ніякоўская, А.* Максім Багдановіч і славянскі мадэрнізм / А. Ніякоўская // Кантакты і дыялогі. – 1998. – № 7/8. – С. 18–28.
4. *Якуш, Н. М.* Эстэтыка мадэрнізму і традыцыя ў беларускай культуры пачатку ХХ стагоддзя / Н. М. Якуш // Труды Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серія V, Політологія, філосафія, гісторыя, філалогія. – Мінск : БГТУ, 2008. – Вып. XVI. – С. 118–120.
5. *Максімовіч, В. А.* Мадэрнізм – рэалізм – барока ў беларускай літаратуры пачатку ХХ стагоддзя / В. А. Максімовіч // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зб. да 75-годдзя прафесара Адама Мальдзіса / пад рэд. С. Запрудскага [і інш.]. – Мінск : Лімарыус, 2007. – С. 316–322.
6. *Каваленка, В. В.* Дэкадэнцтва / В. В. Каваленка // Максім Багдановіч : энцыкл. / склад. І. У. Саламевіч, М. В. Трус. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2011. – С. 208–210.
7. *Багдановіч, І. Э.* Мастацкая апалогія хараства: феномен Максіма Багдановіча / І. Э. Багдановіч // Авангард і традыцыя / І. Э. Багдановіч. – Мінск : Бел. навука, 2001 – С. 171–193.
8. *Вабішэвіч, Т.* Канцэпцыя еўрапеізацыі беларускага мастацкага слова як асноватворны элемент літаратурнай традыцыі Максіма Багдановіча / Т. Вабішэвіч // «Я не самотны, я кнігу маю...» : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 2003 г. / Літаратурны музей М. Багдановіча ; рэдкал.: Т. Э. Шэляговіч [і інш.] – Мінск, 2004. – С. 44–54.

9. *Конан, У. М.* Святло паэзіі і цені жыцця: лірыка Максіма Багдановіча / У. Конан. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 208 с.
10. *Тарасюк, Л. К.* Апалогія красы: кніга пра беларускую паэзію / Л. К. Тарасюк. – Мінск : Права і эканоміка, 2003. – 141 с.
11. *Навуменка, І. Я.* Максім Багдановіч / І. Я. Навуменка. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – 141 с.

Поступила в редакцию 19.06.2024

УДК 82.0

Радион Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Elena Radion

Senior Lecturer of History of English
and English Grammar Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
elenaradion@yahoo.com

Кирейчук Елена Юрьевна

старший преподаватель кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Elena Kireichuk

Senior Lecturer of History of English
and English Grammar Department Minsk
State Linguistic University
Minsk, Belarus
workmiracle@mail.ru

INTERPRETING LITERATURE IN THE CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL AND HUMANITARIAN PARADIGM

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЕ

This article examines the main trends in literary criticism that emerged under the influence of philosophical and humanitarian thought at the end of the twentieth and the beginning of the twenty-first century. Using examples from modern and classical literature, the authors examine controversial issues that are relevant to modern literary criticism: the definition of literature as a subject of study and analysis, the problem of ambiguity of meaning and multiple interpretations, a new understanding of the role of the author and reader, the importance of the social and cultural context in understanding literature. Based on the presented examples and references, the authors propose a systematic approach for navigation in the modern multi-paradigmatic literary landscape.

Key words: literary criticism; deconstruction; interpretation; "death" of the author; simulacrum.

В данной статье рассматриваются основные тенденции в литературной критике, сложившиеся под влиянием философской и гуманитарной мысли в конце XX – начале XXI века. Используя примеры из современной и классической литературы, авторы обсуждают противоречивые вопросы, актуальные для современного литературоведения: определение литературы как предмета изучения и анализа, проблема неоднозначности смысла и множественности интерпретаций, осмысление роли автора и читателя, значение социального и культурного контекста для понимания литературного произведения. На основании приведенных примеров предлагается системный подход для ориентации в современном полипарадигмальном литературном ландшафте.

Ключевые слова: литературная критика; деконструкция; интерпретация; «смерть» автора; симулякр.

Under the influence of the philosophical ideas of the 20th century, which provoked the development of numerous trends and approaches to understanding a written text and opened up new horizons for both inexperienced readers and professional literary critics, interpreting literature has become more interesting than ever. As a result, instead of getting closer to a clearer vision of the functions and aims of literary analysis, we now witness how the trends are growing towards diversity of interpretations and multi-paradigmatic tendencies, which incorporate linguistic, literary, philosophical and communicative research.

The purpose of this article is to outline a range of problematic literary issues that have arisen so far and to consider perspectives for literary interpretation. To achieve this goal, we have singled out several key questions to which scholars have been struggling for many years to find consistent answers. The variability of possible answers to these questions is only multiplying, taking into consideration the co-existence of the new philosophical trends with those that turned out to be quite tenacious and therefore are still relevant today. These are the questions about the definition of literature in the modern philosophically predetermined literary landscape, about literature's relation to the world, about the necessity of meaning (message) behind the words and finally about the tendency towards different, often irreconcilable interpretations. We suggest that going back to the roots of modern philosophical and linguistic thinking might explain why the definite answers to the above-stated questions are still not at our disposal, and we propose to approach these issues from a multi-paradigmatic humanitarian perspective.

The first question is concerned with the controversy about the definition of literature. ***What is literature and what makes it different from non-literature?*** Terry Eagleton in *Literary Theory: An Introduction* points out the intricacies of the traditional understanding of literature as something fictional (that is, not true) and non-pragmatic (based on specific literary language characterized by imagery). The author states that we can read George Orwell's essays about the Spanish Civil War as literature because we can generalize what Orwell says about the civil war to "the cosmic utterance about human life" [1, p. 7]. According to T. Eagleton, "some texts are born literary, some achieve literariness, and some have literariness thrust upon them" [Ibid, p. 8], paraphrasing a famous phrase from Shakespeare.

The most interesting example of how a written product can have different literary value depending on the people's attitude is the history of modern literary criticism of *Beowulf*. For a long time *Beowulf* was not

studied as a piece of literature but only as a historical document that could throw light on a lot of facts and ideas referring to the Old English period. The poem survived in a single copy in the manuscript known as the Nowell Codex. It was discovered in a private collection of medieval manuscripts only at the end of the 18th century, though the manuscript itself dates back to the 10th century. So, the first translations into modern English appeared at the beginning of the 19th century and caught the attention of historians interested in the history of the Middle Ages and linguists who focused on the aspects connected with the development of the English language. As the majority of scholars agreed that the characters of *Beowulf* such as King Hrothgar and the Scyldings were based on historical people from the 6th-century Scandinavia, for more than a century *Beowulf* was used as a source of information about Scandinavian and Germanic figures. Archeologists were also involved as they confirmed many elements of the *Beowulf* story [2, p. 17]. Anyway, though the story abounds in fictional and mythical characters such as the monster Grendel, Grendel's mother and the dragon, with whom Beowulf fights his final mortal battle, there were few attempts from the side of literary critics to include this piece of writing into the sphere of their interests. It was J. R. R. Tolkien, Professor of Anglo-Saxon at the University of Oxford, who emphasized the literary value of Beowulf in his 1936 seminal essay *Beowulf: The Monsters and the Critics*.

It seems that an important criterion that matters for the definition of literature is how people treat a given piece of writing at a particular period. This may sound preposterous but our understanding of literature as well as other forms of art is constantly being redefined depending on the changes in value guidelines, social structure, political and economic events. It is not surprising that appreciation of artistic output also changes in different historical periods. Although there are many criteria of what makes a text to be a literary/fictional text [3], how people treat a given piece of writing at a particular period may be one of such criteria. Even within a lifespan of one generation, it is possible to observe how differently critics can treat literary texts depending on the changing values and attitudes. Let us take the example of *The Karamazov Brothers* by F. M. Dostoevsky. Soviet literary critics, complying with the socialist ideological agenda, insisted that F.M. Dostoevsky was misguided in his understanding of socialism as antithetical to Christianity and condemned the writer's shortsightedness and inability to understand the infallibility of socialist ideals: "unable to understand the acute contradictions that surrounded him, Dostoevsky declared that the weakening of the moral foundations of society was allegedly caused by the growing influence

of atheism and socialism” [4, c. 514]. However, after the collapse of the USSR, it became visible how limited and shortsighted the official understanding of the Russian writer’s heritage was; it no longer corresponded to the changed mentality of the ex-Soviet people.

Moreover, the way information is consumed has drastically changed due to the arrival of the internet, and we have just witnessed the metaphorical death of the printed press and embraced the diversity of media resources based on user-generated content, which makes the names of popular bloggers and social media influencers more important than the names of once revered writers. Who knows what people will call literature tomorrow? Can a text generated by ChatGPT, which has all the formal characteristics of fiction, be called literature? There is an obvious definitional controversy that has to be tackled sooner or later. As Terry Eagleton concludes, “Any belief that the study of literature is the study of a stable, well-definable entity, as entomology is the study of insects, can be abandoned is chimera” [1, p. 8].

Logically, there arises another question for reconsideration: ***what is literature’s relation to the world by which it is surrounded?*** Indeed, how does literature consider its historical, social, political, or cultural environment? This is the point where we have to admit that literature doesn’t exist as a *thing-in-itself*, it is closely connected with sociocultural and philosophical tendencies that prevail in a certain historical period. Literature absorbs the atmosphere of the time, the mood of the people who live in this period, their mode of thinking and their values, previous experience and knowledge, digests and, afterwards, transforms all the above-mentioned into discourse. History of literary studies can provide quite a great number of curious and confusing literary transformations of reality into fiction. One of the trickiest examples is the life of the 15th-century marshal of France Gilles de Rais, whose name is associated with the story of Bluebeard, a fictional character who killed his numerous wives. De Rais was an extremely wealthy man successfully married to a rich heiress, but then he was accused of having tortured and murdered numerous children, sentenced to death by the ecclesiastical court, though even his contemporaries pointed out numerous irregularities of the proceedings and the duke of Brittany’s financial interest in de Rais’s ruin [5]. The question why de Rais came to be regarded as a prototype of a fictitious murderous husband has been subject to literary, historical and cultural debate for years.

Another issue connected with literature’s relation to the world is that the world around us is constantly changing while literary fictional heritage, once created, remains static. For example, one of the most obvious

and interesting points for discussion of George Bernard Shaw's *Pygmalion* is the analysis of the intertextual connections between G. B. Shaw's play and the Roman poet Ovid's narrative poem called *Metamorphoses*, in which Pygmalion was a sculptor who fell in love with the statue he created. Understanding cross-cultural references and drawing parallels between the literary works written in completely different historical periods gives an opportunity to go further and track the traces of the basic Pygmalion story in William Shakespeare's *The Winter's Tale* and even in the story of Pinocchio, in which a wooden puppet was transformed into a real boy. Nowadays many people might be confused by these intertextual references because modern European cultural contexts are far from Greek mythology and the name of Ovid may not ring a bell even to advanced readers.

Another curious cultural "metamorphosis" can be mentioned in connection with the film *My Fair Lady* based on Shaw's *Pygmalion*. It is important to mention that, though the play by B. Shaw was focused on criticism of the class society in Britain, the American filmmakers practically abandoned the social realism of the original play and interpreted it as a romantic light-hearted comedy, which might be explained purely by a higher commercial potential of romance over drama. Here, we would like to share the experience of teaching Sociocultural Aspects of Speech Communication to the third-year MSLU students, where we discuss accents and variants of the English language and the students are invited to optionally watch *My Fair Lady*. It is interesting that those who rise to the challenge of watching the film often express the opinion that they did not understand what was funny and romantic about it. The film once made as a romantic musical is now viewed as "a toxic relationship between an abuser and a codependent victim", which resonates quite well with today's psychologically savvy GenZers.

It turns out that mass audience doesn't seem to find pleasure in reconstructing the cultural and historical contexts and intertextual references of the past, because figuratively speaking so much water has flown under the bridge that it's more challenging to deconstruct the existing texts from the perspectives relevant to modernity. No wonder that the philosophical idea of deconstruction introduced by Jacques Derrida, the outstanding French philosopher of the 20th century, turned out to be extremely useful and relevant for literary studies.

In his work *Of Grammatology* J. Derrida considers the relationship between speech, language and reality, pointing at a definitional logical fallacy that influenced the perception of written texts in the modern European frame of thinking rooted in ancient Greek philosophy that

“restricted writing to the model of phonetic script and the language of words” [6, p. 32]. First, the author recalls the Aristotelian definition “Spoken words are the symbols of mental experience and written words are the symbols of spoken words” and points out that F. de Saussure doesn’t go beyond this definition: “Language and writing are two distinct systems of signs; the second exists for the sole purpose of representing the first” [Ibid, p. 34]. J. Derrida claims that the whole premises that lie at the core of modern philosophy are wrong as they view written language as a poor relative of speech, a sign of a sign, a symbol of a symbol.

Eventually J. Derrida refers to the works of different philosophers from Plato to Hegel and Rousseau, saying that what their philosophical entrances have in common is the idea of logocentrism (Saussure’s phonocentrism), a philosophical assumption that introduces the motif of metaphysical presence that is supposed to be primary to everything else. Thus, spoken words will be the symbols of this presence and written languages will be the symbols of spoken words. According to Saussure, writing is a system of signs that exists for the sole purpose of representing spoken language, which is a system of signs reflecting a referent (metaphysical reality) [Ibid, p. 23]. In this context, the function of reading is limited only to a doubling of the written text. In literature, philosophical logocentrism finds its reflection in traditional literary criticism based on the clarification of the historical context to extract the author’s messages.

But J. Derrida opposes to this system and claims that the only way to open up the meaning of language is the understanding of writing as the disappearance of natural presence [Ibid, p. 150]. The point is that reading as a process produces meaning of words outside of writing in general, which means that the existence of the referent is actually not important. *Il n’y a pas de hors-texte*, J. Derrida concludes. As far as we can interpret this famous quote, J. Derrida insists that in the process of writing, the metaphysical reality disappears, and there is nothing outside the text [Ibid, p. 160]. Therefore, the process of reading is not a doubling of the text, but a deconstruction of the text, a production of a new meaningful structure.

Consequently, J. Derrida’s concept of deconstruction opened doors to new literary criticism in first turn, because it served as a method of literary analysis that could break traditional patterns of analysis and encouraged multiple interpretations of classical literature from new perspectives [7, p. 35]. Writers, who started to challenge the traditional approaches to literature, redefine literary structural elements and reconsider traditional rules of writing, also embraced deconstruction. The tendency towards genre

experimentation has led to completely new challenging approaches to plot structure and narration and resulted in the hypertextual practices that have gone literally beyond the frames of language by referring to different forms of art, incorporating graphic elements and mixing up literary styles [8, c. 75].

In today's literature, an inquisitive reader can experience interesting and unusual encounters. For example, although it would be perfectly all right to analyze Jamaica Kincaid's short story *Girl* (1978) [9, c. 71] in the "traditional" way, concentrating, for instance, on the narrative voice, a literary critic will not be able to find such traditional plot elements as exposition or denouement. Even the climax is under the question, which makes this story almost unplotted. Nevertheless, this is a wonderful sample of emotional character-driven short fiction, which is extremely challenging for cultural and gender literary analysis. So, the answer to the above-stated question about literature's relation to the world is ambiguous and indefinite, because on the one hand, literature is a reflection of the world around us as it keeps in tune with the subtleties of cultural, political, economic and social life and shows them through the prism of the author's perspective. On the other hand, literature is devoid of metaphysical reality as in the process of writing natural presence disappears and a new meaning is produced in the process of reading, which is out of the author's control. Could J. K. Rowling foresee the fanfic response to her writing with numerous fan-made stories with original plots including fantasies about Harry Potter's homosexual relationships with the other characters? As Roland Barthes puts it in his essay *The Death of the Author*: "As soon as a fact is narrated ... the voice loses its origin, the author enters into his own death, writing begins" [10].

The next question worth considering is ***Why is it that literary texts provoke a great number of different, often irreconcilable interpretations?*** In traditional literary studies readers are doomed to the search for the only possible interpretation and are confused by multiple attempts to decipher the author's messages looking up to literary critics who are qualified to deliver the messages of the author. Quoting R. Barthes, we have to admit, "Historically, the reign of the Author has also been that of the Critic" [Ibid]. However, what has happened in contemporary literary criticism is the redefinition of text as a philosophical entity: "...a text is not a line of words releasing a single 'theological' meaning (the 'message' of the Author God) but a multidimensional space in which a variety of writings, none of them original, blend and clash" [Ibid]. Once the "divine" presence of authors and their legitimate interpreters – critics has been "exorcised" from the text, it must be admitted that since the author is "dead", there are as many interpretations of a text's meaning as

there are readers. We can't but paraphrase Friedrich Nietzsche's "facts are not facts until they have been interpreted" – texts are not texts until they have been interpreted.

However, modern social practices prioritizing political correctness and inclusivity have gone further than including the reader into communication via literary texts. Today's readers have become co-creators of texts, feeling at liberty to incorporate their own verbal messages in the process of their individual interpretation. Not long ago the Guardian informed us about the politically correct rewriting of Roald Dahl's children's books in order to remove language deemed offensive. Edits have been made to descriptions of characters' physical appearances. The word "fat" has been cut from every new edition of relevant books, while the word "ugly" has also been culled, the Guardian says [11]. Augustus Gloop from *Charlie and the Chocolate Factory* is not "fat" but "enormous". Mrs. Twit from *The Twits* is not "ugly and beastly" but "beastly". The interference into the author's verbal domain not on the level of interpretation, but on the level of written word can be discussed endlessly. The advocates of this endeavor say that it's all for the sake of continuity and maintaining popularity of the books among modern children who are being brought up in a completely different cultural environment. It means that readers interpret books from the point of view of their cultural and social context and readapt texts to make them more digestible for themselves. Would Roald Dahl, who is literally dead, call it progressive if he were still alive?

There is one more question that has to be asked and that is ***How can we guarantee that a text does not mean just anything or nothing at all?*** When Noam Chomsky wanted to demonstrate the difference between the notions of grammatical correctness and sense-making he made up a sentence "Colourless green ideas sleep furiously" to emphasise the importance of meaningful language structures [12, p. 418]. In other words, it's not enough for a language to be grammatically correct to express meaning. So, how can we make sure that we are interpreting something meaningful, but not "colourless green ideas" or "the iggle squiggs"?

In semiotics, a sign is defined as anything that communicates a meaning that can be either intentional or unintentional. In Ursula K. Le Guin's story called *Texts* the main character Joanna begins to see text messages in the foam of the waves on the shore. She can read "Jason plus Karen" in the curved shapes of the sea foam on the sand, combined with dates and initials, and then she wonders whether the dates represent the length of time these people lived together or the lifespan of their child. Joanna buys a lace collar

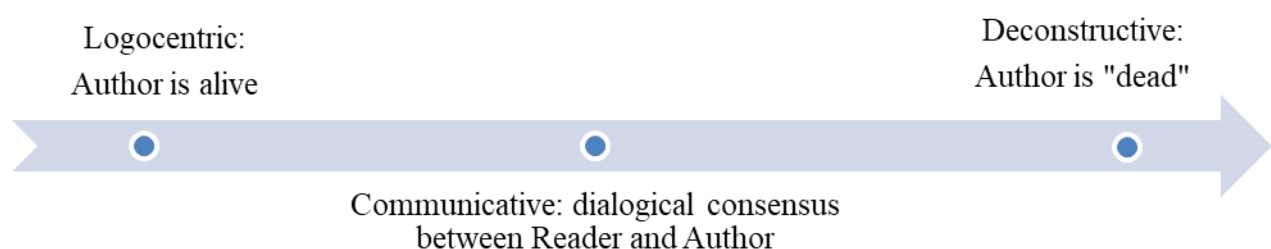
at a second-hand store and very clearly reads the lace pattern, on which she sees the following: “My soul must go”, and begins to think about how and what she should do after that [13, c. 91].

Unintentional meaning is also a meaning by definition. The problem is that our fundamental knowledge about language and its functions connected with meaningful delivery of information is being reconsidered at the background of the social media advent [14, c. 207]. As Jean Baudrillard formulated it, “We live in a world where there is more and more information and less and less meaning” [15, c. 32]. J. Derrida’s criticism of logocentrism and his idea about the necessity to free written language from the burden of metaphysical reality got its logical development in J. Baudrillard’s concept of simulacrum. If we accept the idea that language doesn’t reflect reality, we have to go further and admit that language has an ability to create a reality of its own. Simulacrum is not just a symbol of something that can be described as presence; it is something that simulates (stages) reality, which is created by naming something that doesn’t exist: “Rather than creating communication, it (mass media information) exhausts itself in the act of staging communication. Rather than producing the meaning, it exhausts itself in the staging of meaning. The hyperreality of communication and of meaning...” [Ibid, c. 35]. In his essay *The Gulf War did not Take Place* J. Baudrillard discusses the problem of information delivered via the mass media, pointing out that readership never had a chance to observe what was really happening during the Gulf War [16, p. 21]. The whole media coverage was based on scattered disconnected video footage which was mostly broadcast from the newsroom and verbal commentary that created a simulacrum, a reality without any verifiable connection with what can be called a metaphysical presence. Would we call it fiction if it were not broadcast in the media?

So, on the one hand, a particular meaning emerges in the process of interpretation. On the other hand, intentional manipulative meanings can be disguised as simulacra, that’s why nowadays educated people keep talking about media literacy and critical thinking skills that can help us discern truth from fiction. What does it have to do with literary studies? Contemporary philosophical speculations about hyperreality, the changing role of language, new approaches to understanding and interpreting meanings, the influence of AI on human identity – all these premises have stimulated new themes and ideas in literature. The recent example is the 2016 novel *Hot Skull* by the Turkish writer Afsin Kum made into a dystopian series on Netflix about the pandemic of communication, where people are infected with talking nonsense. The infected people called jabberers spread virus via jabber, which echoes with Chomsky’s “colourless ideas” and media information deprived of actual meaning.

As seen from these examples, the most important issues that lie at the core of literary studies – the questions connected with our understanding of literature as a form of art, the relationship between literary texts and the changing world around them, the correlation between the meaning of the written text and its interpretations – have been influenced by new approaches in philosophy, linguistics and communication theory. We have stated that the search for the answers is problematic and not definite that is why modern literary landscape is shaped by numerous literary approaches which allow multiple interpretations of literary texts. This diversity of critical approaches is thoroughly summarized in different manuals and books, for example, in *Contemporary Interpretation Strategies* where the authors provide a round up of the existing critical approaches, starting with Formalism, Structuralism, Social, Ethnic and Feminist interpretation strategies and up to Deconstruction, Poststructuralism and Reader-Response Criticism [17, c. 3].

The reflection of the underlying philosophical theories introduced by J. Derrida, R. Barthes and other philosophers and linguists is leading us to the idea that a systematic navigation through the literary approaches to text interpretation revolve around the reader's/critic's choice. We assume that each literary theory can find its place on the progressive line, depending on the degree to which the reader chooses to get rid of the author's influence. On the one extreme, we can submit to the author's dominance and read the text with the aim of reconstruction of the original thoughts and ideas implied by the author. After all, in his *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts* Umberto Eco claims that the author communicates certain messages and expects the reader to decode them: "You can not use the text as you want, but only as the text wants you to use it. An open text, however open it be, cannot afford whatever interpretation" [18, c. 4]. On the other extreme, we can metaphorically "kill" the author and treat the text as a self-sufficient entity, which results in interpretative self-reflection through the prism of one's own values and assumptions (it is important to mention that deconstruction here is understood in a wider sense of the word, not as a specific literary method, but as a conceptual phenomenon). As a matter of choice, we can also start a dialogue with the author by responding to the author's ideas (see picture).

Our standpoint is that the existing critical approaches could be classified as falling under one of the following critical tendencies depending on the reader's intentions to dig out for the author's messages: 1) logocentric (reconstructive), 2) self-reflective (deconstructive), 3) communicative (dialogical).

The logocentric tendency is rooted in the idea of philosophical logocentrism, which relies on the Aristotelian understanding of written texts as symbols of spoken speech. Alternatively, the deconstructive tendency is based on J. Derrida's idea of reading as a productive process in which the reader creates new meanings that are out of the author's control, thus are closer to the reader's self-reflection rather than pure text analysis. The communicative tendency represents reading as an attempt to find dialogical consensus. It is an interactive process, where meaning evolves out of interaction among the author, the text and the reader.

We believe that the perspectives for the development of literary interpretation lie in the unification and search for common grounds for classification and systematization of the diversity of literary approaches, which requires knowledge and deep understanding of the philosophical thought of the past as well as the existing humanitarian multi-paradigmatic tendencies of the present.

REFERENCES

1. *Eagleton, T. Literary Theory: an Introduction* / T. Eagleton. – 2nd ed. – Minnesota : Blackwell, 1996. – 248 p.
2. *Tolkien, J. R. R. The Monsters and The Critics and Other Essays* / J. R. R. Tolkien. – UK : Harper Collins, 2006. – 240 p.
3. *Хассан Шали, Н. А. Основные характеристики художественного текста [Электронный ресурс]* / Н. А. Хассан Шали. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110531/>.pdf. – Дата доступа : 24.06.2024.
4. *Рюриков, Б. С. Ф. М. Достоевский и его роман «Братья Карамазовы» (послесловие)* / Б. С. Рюриков // Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – М., 1972. – С. 507–534.
5. *Encyclopedia Britannica [Electronic resource]*. – Mode of access : <https://www.britannica.com/biography/Gilles-de-Rais>. – Date of access : 14.01.2024.
6. *Derrida, J. Of Grammatology* / J. Derrida. – Baltimore : John Hopkins Univ. Press, 1997. – 456 p.

7. *Akhmedov, R.* Introduction to Literary Studies. Course of Lectures / R. Akhmetov. – Gulistan : Gulistan State Univ. Press, 2020. – 60 p.
8. *Shikhovets, A. N.* Emerging trends in modern Western literary discourse / A. N. Shikhovets // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Бутылов. – М., 2019. – Вып. 7. – С. 75–78.
9. *Курс, Т. Г.* Жанровые особенности литературы малых форм : учеб. пособие / Т. Г. Курс [и др.]. – 9-е изд. – Минск : Лексис, 2014. – 236 с.
10. *Barthes, R.* The Death of The Author [Electronic resource] / R. Barthes. – Mode of access : <https://sites.tufts.edu/english292b/files/2012/01/Barthes-The-Death-of-the-Author.pdf>. – Date of access : 14.01.2024.
11. *Vernon, H.* Roald Dahl books rewritten to remove language deemed offensive [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/books/2023/feb/18/roald-dahl-books-rewritten-to-remove-language-deemed-offensive>. – Date of access : 14.01.2024.
12. *Erard, M.* The Life and Times of “Colorless Green Ideas Sleep Furiously” [Electronic resource] / M. Erard. – Southwest Review, 2010. – P. 418–425. – Mode of access : <http://www.jstor.org/stable/43473072>. – Date of access : 14.01.2024.
13. *Гоголева, С. А.* Мир художественных образов в творчестве Урсулы Ле Гуин / С. А. Гоголева // Краснодар : Наука и образование. – 2011. – № 3. – С. 90–92.
14. *Игнатович, Т. В.* Симулякры и симуляция в концепции Жана Бодрийяра / Т. В. Игнатович // Культура. Наука. Творчество : XI Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст., Минск, 4 мая 2017 года. – Минск, 2017. – С. 207–211.
15. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; под ред. А. Р. Усмановой // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов. – Минск, 1996. – С. 32–47.
16. *Baudrillard, J.* The Gulf War Didn't Take Place / J. Baudrillard. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1995. – 87 p.
17. Современная методология анализа художественного текста: учеб.-метод. пособие для студентов старших курсов / Н. Э. Жлобо [и др.] ; под ред. Н. В. Колядко, М. С. Рогачевской, Ю. В. Стулова. – Минск : МГЛУ, 2009. – 238 с.
18. *Эко, У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – М. : Corpus, 2016. – 640 с.

Поступила в редакцию 12.02.2024

Тарасва Тамара Мікалаеўна

доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры беларускай
і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Tamara Tarasava

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Professor of the Department
of Belarusian and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tamaratarasava@gmail.com

НАВЕЛИСТЫЧНАЯ ПРОЗА АЛЕСЯ ГАРУНА:
ТЭХНІКА СЮЖЭТАБУДОВЫ

SHORT STORIES BY ALES HARUN:
PLOT STRUCTURING TECHNIQUE

Навелістычная спадчына Алеся Гаруна досыць арыгінальная і ў змястоўным, і ў жанравым плане. На асобныя рысы навелістычнага пісьма беларускага пісьменніка паўплывалі яго паэзія і драматургічныя творы. Сюжэтная дынаміка навел А. Гаруна выразна ўзмоцнена лірычным пачаткам, дыялагізмам, своеасаблівай сцэнічнасцю, адкрытым драматызмам і напружаным ўнутраным маналагам. Тым самым пісьменнік разбураў традыцыйныя для навелы сюжэтныя павароты, надаючы важнае значэнне вобразу героя-апавядальніка, адметнаму кампазіцыйнаму прыёму драматызацыі сюжэта, у якім тэма лёсу ссыльных, турэмных вязняў становіцца скразной.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *Алесь Гарун; навела; празаічны жанр; драматызацыя сюжэта; дыялагізм; унутраны маналог.*

Short stories by A. Harun are original both in content and form. The writer's poetry and drama significantly influenced the structure of his short stories. The dynamic plot of a short story by A. Harun is painted with features of lyric poetry, it is filled with contradictory thoughts, has bright expressive images, open drama and intense internal monologue. These qualities essentially changed the classic short story. An important place in a short story by A. Harun was given to the hero-storyteller, who focused the reader's attention on drama of people in exile, in prison, where their freedom is restricted. The theme has become mainstream in the writer's works.

К e y w o r d s : *Ales Harun; a short story; prose genre; plot dramatization; contradictions of consciousness; internal monologue.*

Небагатая празаічная спадчына Алеся Гаруна (1887–1920) досыць арыгінальная як у змястоўным, так і ў жанравым плане. Кожны з твораў пісьменніка – гэта пэўны стылёвы накірунак нацыянальнай прозы. Чаму А. Гарун гэтак разнастаіў свае нешматлікія творы? Наўрад ці можна звесці

творчы працэс да нейкай адной лагічна мэтавай устаноўкі. І пісьменнік творыць не таму, што ў працэсе роздумаў загадзя вырашыў узбагаціць літаратуру чымсьці новым, арыгінальным, наватарскім. Пры такім падыходзе мы сутыкнемся са спрошчаным і вузкім разуменнем псіхалогіі творчасці. На практыцы ўсё болей складана. Бясспрэчна, пісьменнік ідзе ад рэчаіснасці, ён адчувае наспелыя праблемы нацыянальнай культуры, і ўсё гэта прапускаецца праз творчую індывідуальнасць асобы аўтара мастацкага твора. Варта ўлічваць і прыроду таленту, асаблівасці светаадчування творцы. Творы пішуцца не на пэўную тэму, а таму што ўзнікла адчуванне пэўнага тыпу чалавека, псіхалагічныя паводзіны якога зацікавілі мастака, захапілі, запаланілі душу. І гэтыя думкі-перажыванні патрабавалі выйсця, патрабавалі канкрэтнага вобразнага ўвасаблення. Таму кожны новы твор – гэта і новая задума, і адметная структура, свежая форма арганізацыі матэрыялу. І атрымалася: “Першы снег” аўтар пазначае як *легенда*, “Маладое” – з *казак астрогу*, “У Панасавым сяле” – *бывальшчына*.

На асобныя рысы навелістычнага пісьма беларускага пісьменніка ўказвалі У. Казбярук і М. Мушынскі, але гэтыя даследчыкі не разглядалі прозу А. Гаруна як жанр навелістычны. Варта падкрэсліць, што ў шматлікіх тэарэтычных працах жанры навелы і апавядання часта выступаюць сінонімамі, але такі падыход не зусім апраўданы. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў дае наступнае азначэнне навеле: “НОВЕЛЛА (от итал. – новость) – жанр повествовательной литературы, небольшой по объему рассказ, отличающийся от обычного рассказа острым, нередко парадоксальным сюжетом, четкостью композиции, отсутствием описательности, словесной отточенностью и неожиданной концовкой” [1].

Яркі навелістычны характар мае твор “П’ера і Каламбіна” (1918) [2], які складаецца з трох самастойных частак, аб’яднаных тэмай кахання. Некалі аўтара папракалі, што дзеянне ў творы нетрадыцыйнае і героі – не сялянскія хлопцы і дзяўчаты. У першай частцы трыпціха аўтар паказвае звычайны любоўны трохкутнік. Жанчына – жонка і маці – разлюбіла мужа і аддала сэрца іншаму. Для завязкі сюжэта А. Гарун удала абраў эпісталярную форму, якая аказалася досыць эфектыўным сродкам, каб, папершае, адразу вызначыць сацыяльны статус герояў – людзей адукаваных і маёмасна забяспечаных. Па-другое, гераіня Альжбета не адважваецца адкрыта сказаць мужу Антосю пра сваё рашэнне, яе пужае размова твар у твар, і ліст застаецца адзіным паратункам у гэтай далікатнай справе. Дапісаныя ўнізе радкі шчаслівага суперніка выразна характарызуюць апошняга, які эгаістычна забывае пра драму іншага ці ў сваім шчаслівым забыцці проста ігнаруе яе.

Што ж з'яўляецца прадметам мастацкага аналізу ў першай частцы трыпціха? Найперш, душэўны стан пакінутага мужа. Письменнік з дапамогай кінематаграфічна пададзенага малюнка ўспамінаў пра шчаслівыя хвілінкі вяселля, сямейнага жыцця, народзінаў дзяцей тонка фіксуе разгорнуты псіхалагічны вобраз мужа Антося. Партрэт жонкі на сцяне ўтульнага калісці дома (партрэт намалёваны шчаслівым супернікам Антося, школьным прыяцелем-мастаком) выклікае ў Антося цэлую гаму супярэчлівых пачуццяў: тут і замілаванне жончынай прыгажосцю, і адчай-боль, і пакутлівае разважанне, як дзецям паведаміць пра “ад’езд” маці. Постаць збянтэжанага мужчыны напоўнена высокай чалавечнасцю, думкі Антося скіраваны найперш на лёс, на будучыню іх дзяцей. У распачы герой прамаўляе: *Мілая, што ты нарабіла?..* [3, с. 239]. Аўтарская рамантызаваная навелістычная канцоўка падкрэслівае драматызм першай часткі трыпціха, у ёй глыбокія псіхалагічныя перажыванні выразна дамінуюць над падзеямі і выклікаюць у чытача пачуццё эмацыянальнай вастрыні перажыванняў з прычыны непрадказальнай парадаксальнасці жыцця.

Увогуле падзейны план у трыпціху “П’ера і Каламбіна” не галоўны. Другая навела гэтага твора фіксуе анамальны эпизод быцця, і пачынаецца яна цікавым фрагментам: *У цішыню цёплага летняга вечара, абражаючы маестатычны спакой глыбокага сіне-цёмнага неба, з летняга, збітага з дашчок тэатрыка ўбіваюцца ўражлівыя згукі шпаркай, вясёлай музыкі і, як бы разумеючы непрыстойнасць свайго ўчынку, хаваюцца ў бочных цёмных каштанавых аляях, дзе, напаткаўшы каля нізкай драўнянай лавы пад старым магутным каштанам новых два галасы, хаваюцца ў траве, у лісцях дрэў і, як свавольныя дзеці, хіхочучы, пераклікаючыся, слухаюць, пільнуюць, што тутака будзе* [3, с. 240]. Якую функцыю выконвае гэты фрагмент? Ён выводзіць канкрэтны факт на шырокі жыццёвы прастор: жыццё – гэта драматычны тэатр, дзе драматычнае і камічнае, высокае і нізкае пераплятаюцца ў невырашальны клубок. Гэты фрагмент падкрэслівае неабходнасць уважлівага падыходу да твораў А. Гаруна, да кожнага іх радка, кожнай дэталі.

Алесь Гарун у другой частцы паспяхова выкарыстоўвае як класічны арсенал навелістычных сродкаў – сцісласць, адсутнасць празмерна разгорнутых апісанняў, вострасюжэтнасць, навелістычнае абрамленне, так і інавацыйныя сродкі – дэталізацыю пачуццяў, лакалізацыю думкі. У каштанавых аляях побач з летнім тэатрыкам адбываецца сапраўдная драма. Аўтар выдатна валодае навелістычнай тэхнікай сюжэтабудовы. Дыялог герояў надзвычай сціслы і лаканічны, захоўвае інтанацыю натуральнай гаворкі і выдатна перадае сітуацыю, калі хлопец не можа пагадзіцца з тым,

што Марыся яго разлюбіла і хоча як найхутчэй скончыць ранейшыя ўзаемаадносіны. Іх стасункі маюць трагічны канец: – *Хай ні яму, ні мне! – Хвалюючыся, крывы абрубак адарваўся ад каштана і, як пракаціўшыся па скрыпучай жарстве алеі, знік у цемнаце. <...> Раптам, нарушаючы запанаваўшую ціш, пачуўся цяжкі, металічны стук, як ад кінутага ў жалезны чоп каменя. Напружана высокі чалавечы голас крыкнуў: “А-а-а-ай!” Потым новы камень у жалезны чоп, і ўсё сціхла* [3, с. 241].

Заканчваецца другая частка трыпціха досыць уласцівай навелістычнаму жанру завершанай рамачнай канструкцыяй, дзе апісваецца, як *перапалоханыя, як цікавыя, свавольныя дзеці, каторым часамі здарыцца натрапіць на нешта страшнае, згукі вясёлай музыкі з ціхім шэптам нястройнай гурбаю панясліся назад у дрэнненькі, збіты з дашчок летні тэатр...* [3, с. 241]. Змест і стыль навелістычнай рамкі сведчаць аб відавочным уплыве паэзіі А. Гаруна на яго прозу, што прывяло да ўзмацнення лірычнага пачатку ў навелістычным жанры.

Героямі трэцяй часткі выступаюць дзеці. Яны ў маскарадных касцюмах П’ера і Каламбіны знаходзяцца на дзіцячым калядным свяце ў тэатры. Румяны калядны дзед раздаваў падарункі, з якімі падлеткі трапілі у камічную сітуацыю: дзеці на хвіліну разгубіліся і выклікалі ў зале смех з абразлівай рэплікай аднаго нявыхаванага наведвальніка: *Глядзіце, глядзіце! Як дурныя, як дурныя, стаяць!* [3, с. 243]. Прысутныя ў тэатры засмяяліся. Каламбіна пакрыўдзілася на П’ера за тое, што той не абараніў яе ад абразы грубага хлапца ў матроскім убранні, і пабегла да маці шукаць заступніцтва. П’ера адчуў, як шчасце яго знікае, бо калі зайгралі вальс, Каламбіна пайшла танцаваць з іншым. Парадаксальны сюжэт, нечаканая развязка і нейтральны стыль аповеду даюць падставы гаварыць пра тое, што *вся новелла задумана как развязка* [4, с. 77]. Сюжэтнае падабенства трох частак навелы замацавана скразной тэмай кахання.

Трыпціх А. Гаруна “П’ера і Каламбіна” засведчыў схільнасць пісьменніка да паказу глыбокіх псіхалагічных характараў, да аналізу душэўнага стану чалавека ў экстрэмальнай сітуацыі. Аўтар узяў герояў рознага ўзросту, розных сямейных адносін: тых, хто пэўны час пражылі разам і маюць дзяцей; закаханых маладых юнака і дзяўчыну; тых, хто самі яшчэ дзеці. Пісьменнік аддаў перавагу не храналагічнаму прынцыпу разгортвання падзей, аўтар пайшоў адваротным шляхам: спярша даў гісторыю разбурэння сям’і, потым паказаў трагедыю нешчаслівага кахання маладых людзей, потым – дзіцячую драму адвергнутага кахання. Цікава, што ініцыятыва канфлікту ва ўсіх выпадках зыходзіць ад асобы жаночага полу. Што агульнага ў трох частках? Чаму назва трэцяй часткі стала агульнай

назвай усяго твора? Ды таму, што сітуацыі хоць і розныя, але іх сутнасць аднолькавая. Гэта канфлікт паміж доўгам і пачуццём, гэта спроба чалавека засведчыць сваё права на асабістае шчасце і немагчымасць вырашыць жыццёвую калізію так, каб не пакутаваў нехта іншы. Гэта супярэчнасць паміж жаданнем, памкненнем чалавека і аб'ектыўнымі магчымасцямі. Хіба Альжбета не шкадуе Антося? Марыся хоча зла Паўлу? Але сцвердзіць сваё шчасце немагчыма без таго, каб не ахвяраваць блізкімі.

А як паводзяць сябе тыя, каго адверглі? Паводзіны Антося – гэта ўчынкі чалавека высакароднага, ён разумее безвыходнасць сітуацыі, спрабуе ўтрымацца на вышыні, разумее, што вярнуць Альжбету немагчыма, што каханне – гэта таямніца. І чаму так адбылося, чаму Альжбета аддала перавагу Віктару, ягонаму школьнаму прыяцелю, вядомаму на ўвесь свет *артысту-маляру*? Даследаванне псіхалагічнага стану Антося праведзена пісьменнікам з выключнай пераканальнасцю. Аўтарскія апісанні вельмі дакладныя. Яны ўражваюць адпаведнасцю паміж тым, што здарылася, і асабістым успрыманням здарэння. Па-майстэрску перадаецца аўтарам стрэсавая сітуацыя Антося. Герой спрабуе авалодаць сабою, мабілізуе волю, пераадольвае *хвілёвае абясціленне*. І вельмі дарэчы тут выкарыстаны такія выяўленчыя сродкі, як колер, святло лямпачкі і сцен *дубовага кабінета з алейнымі малюнкамі і старасвецкай зброяй* [3, с. 238].

У першай навеле замужняя Альжбета аддала перавагу артысту-маляру, у другой дзеянне адбываецца каля летняга, збітага з дашчок тэатрыка, а ў трэцяй частцы – падчас тэатралізаванага прадстаўлення. Такім чынам, аўтар схіляецца да думкі, што жыццё – гэта і сапраўды тэатр, тэатральнае дзеянне, прычым напоўненае драмамі і трагедыямі, і людзі ў ім – акцёры.

Якая пазіцыя пісьменніка ў адносінах да сваіх герояў – дзеючых асоб тэатра? Відавочна, выразна чалавечая, спачувальная, гуманістычная. Тым не менш аўтар не выступае ў творы пасіўным рэгістратарам падзей, не абмяжоўваецца толькі канстатацыяй фактаў. Так, ён спачувае пакрыўджанаму Антося, але ж па ўсяму відаць, што Альжбета не назло Антося кідае дом, дзяцей і ўцякае з артыстам-маляром Віктарам. Відаць, справа не ў славе Віктара, а ў шчырасці пачуцця Альжбеты. Відаць ёсць у Віктара штосьці такое, чаго бракуе Антося. Пэўна, гэта нейкі незвычайны свет – свет пазнання новых пластоў, імгнення, таямніц чалавечай натуры.

І Паўлік з другой часткі навелы дарэмна бэсціць свайго шчаслівага суперніка, і Марысю захапляе не звыклы Паўлік, а *надзьмуты фронт (гэта выстава парыскага краўца)* [3, с. 240]. І прэтэнзіі Каламбіны да свайго юнага рыцара справядлівыя, бо дзяўчына неўсвядомлена разумее, што рыцар – гэта перш за ўсё надзейнасць, абарона ад грубай фізічнай сілы.

Тое, што яна аддала ўвагу *золатавалосаму маркізу ў кароткай пунсовага колеру апончы і са шпагай пры боку* [3, с. 245], вельмі знамянальна: кволая істота чакае надзейнай абароны ад грубіянаў у матроскай цяльняшцы. Такая дэталь, як шпага, ёсць згадка эпохі рыцарскіх раманаў.

Алесь Гарун, эмацыянальна асуджаючы прымус і гвалт, нідзе не збіваецца ў трыпціху на пачуццё нянавісці. У гэтым трэба бачыць адну з галоўных вартасцей прозы пісьменніка. І яе значэнне ў тым, што праз характары герояў, праз вобразы часу, аўтарскую філасофію яна замацоўвала ў беларускай літаратуры сапраўдны гуманізм, які выяўляўся не ў заклікальна-публіцыстычнай форме, а праз лёс, праз драму канкрэтных людзей. А гэта найбольш пераканальная форма ўздзеяння на чытача.

Цікавыя сюжэтныя стратэгіі мы назіраем у творы “Чалавек без крыві” (1915), тут аўтар мяняе стратэгію арганізацыі навелістычнага твора. У завязцы акумуляваны і сама завязка, і развіццё падзей, і развязка! Ва ўступе-прадмове аповед вядзецца ад імя прыцеля галоўнага героя, які, вярнуўшыся са ссылкі, збіраўся ўзяцца за працу на карысць роднай старонкі, але неўзабаве ён замкнуўся, адгарадзіўся ад людзей і ўрэшце рэшт *налажыў на сябе рукі*. Жыццё гэтага чалавека дужа зацікавіла апавядальніка, і ён паабяцаў шмат што расказаць чытачу, а пакуль што друкуе яго запіскі, знойдзеныя ў паперах нябожчыка.

Загалавак уяўляе сабой свядомае спалучэнне аўтарам двух паняццяў: чалавека як жывой істоты і адначасова нежывой, без крыві. Сэнс гэтага спалучэння раскрываецца ў запісках нябожчыка-самазабойцы. У загалавак “Чалавек без крыві” ўжо вынесена характарыстыка героя, якая, здавалася б, выключае магчымасць неспадзяванага сюжэтнага павароту, уласцівага навеле. Тым не менш эффект нечаканасці ёсць, і вызначаецца ён словамі героя: *Нашто пытаецца, чаму твар мой бляды? Нашто дакучаеце, даведаючыся, чаму вочы мае запалыя і рукі белыя з сінімі жылкамі? Праз цікавасць? Хіба ёсць закон такі паміж вас чужое гора абцяжаць сваёй безупыннай цікавасцю і дзеля памаўзлівасці сваёй бярэдзіць чужыя раны?* [3, с. 236]. Пісьменнік акцэнтуюе ўвагу на каштоўнасцях грамадства ў яго стаўленні да сваіх змагароў. Сказавая форма кароценькага ўступа-прадмовы дае магчымасць аўтару падаць падзеі з пункту гледжання чалавека, які выпадкова стаў чытачом адзінага рукапіснага твора-споведзі нябожчыка-самагубцы, спакутаванага катаваннем у мурах турмы раўнадушшам родных (*калі родныя мае не ведаюць мяне, а маці цураецца мяне?* [3, с. 236], людскай надакучлівай цікаўнасцю і бязлітаснай неміласэрнасцю.

Сюжэтны націск перанесены аўтарам у канец твора, ва ўступе-прадмове назіраецца арыентацыя на сказавую форму падачы матэрыялу, а ў споведзі героя дамінуе ўнутраны маналог. Маналог-споведзь напоўнены рытарычнымі пытаннямі, частым паўторам сінтаксічных канструкцый, імпліфікацыямі, воклічамі. Абраная пісьменнікам форма твора ўзмацняе трагізм лёсу самагубцы, у якога астрог адабраў здароўе, сілу і прагу жыцця. І мэтавая ўстаноўка апавядальніка-публікатара ў тым, каб *людзі, знаўшыя яго, зразумелі, якую муку нёс у сабе гэты чалавек, і слова асуду яму не зляцела з іх вуснаў* [3, с. 234]. Такім чынам, апавядальнік гаворыць пра міласэрнасць, спачуванне і дабрыню. Яго заклік мае вялікае грамадскае значэнне, бо для А. Гаруна чалавечнасць, дабрыня, людская ўвага не былі абстрактнымі паняццямі – ад чалавечнасці людзей залежыў лёс радзімы, будучыня. Ссылны вымушаны быў пайсці з жыцця, бо не знайшоў сярод людзей таго, на што спадзяваўся.

Кампазіцыя твора “Чалавек без крыві” нязвычайная, інтэнсіўны і сціслы сюжэт надзвычай глыбока перадае псіхалогію нявольніка: *Спярга, як злоўленае арлё, нічога не ведаеш і кідаешся ў вокны на жалезныя краты, у шчылінкі – усюдах, адкуль ідзець свет, – абы ўцячы, абы вярнуць сабе волю* [3, с. 235]. Былы вязень – чалавек тонкі, уражлівы, клапатлівы сын, які глыбока перажывае тое, што прынёс маці гэтулькі гора. Маналог-споведзь астрожніка ўспрымаецца не толькі як скарга. Па-сутнасці, гэта крык душы чалавека, які любіць свабоду, але вымушаны жыць у няволі. Такім нявольнікам, на думку А. Гаруна, і быў беларус-працаўнік. Твор успрымаецца як пратэст супраць прыгнёту Беларусі, назва навелы ёсць афарыстычнае выяўленне гэтай думкі. Спалучэнне ў загалоўку слоў з супрацьлеглымі семантычнымі палямі невыпадковае. Прынцып кантрасту, аксюмарана вызначае дамінантны прынцып сюжэтнай пабудовы твора. Сюжэтная шчыльнасць спрыяе высокай канцэнтрацыі мастацкіх сродкаў, здольных стварыць маштабную мадэль свету, зафіксаваць шматмернасць жыцця і яго супярэчнасцей.

Аналіз двух твораў А. Гаруна паказаў, што навела – жанр надзвычай гнуткі, у якім адчувальны ўплыў паэзіі і драматургічных твораў пісьменніка. Узмацненне лірычнага пачатку, дыялагізму, своеасаблівая сцэнічнасць, адкрыты драматызм і напружаны ўнутраны маналог выявілі мастацкую непаўторнасць беларускага мастака слова, істотна змянілі сюжэтную дынаміку. Часам А. Гарун разбурае традыцыйныя для навелы сюжэтныя павароты, важнае значэнне надае вобразу героя-апавядальніка. Адметным кампазіцыйным прыёмам выступае драматызацыя сюжэта, у якім тэма лёсу ссылных, турэмных вязняў становіцца скразной. Лірычныя каментарыі

і адступленні ствараюць адпаведны асацыятыўны фон, які пашырае культурна-эмацыянальны кантакт з чытачом, выклікае ў яго зацікаўленасць і суперажыванне, стварае ілюзію дакладнасці падзей у творы.

ЛІТАРАТУРА

1. Словарь литературных терминов [Электронны рэсурс] // Litterms.ru. – Рэжым доступу: <http://litterms.ru/n/174>. – Дата доступу: 25.05.2024.
2. *Тарасава, Т. М.* Навелістычны характар прозы Алеся Гаруна / Т. М. Тарасава // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / Беларус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка ; редкол.: В. Д. Старичёнок [и др.] ; отв. ред. В. Д. Старичёнок. – Минск, 2023. – С. 428–430.
3. *Гарун, А.* Сэрцам пачуты звон : паэзія, проза, драматургія, публіцыстыка / А. Гарун ; уклад., прадм. і камент. У. Казберука. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 359 с.
4. *Deloffre, F.* La Nouvelle en France à l'âge classique / F. Deloffre. – Paris : Didier, 1967. – 130 p.

Поступила в редакцию 04.06.2024

Яромка Марына Віктараўна

магістрант кафедры замежнай літаратуры
філалагічнага факультэта
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Maryna Yaromka

MA student at the Department of
Foreign Literature
of the Faculty of Philology
Belarusian State University
Minsk, Belarus
maryna.yaromka@gmail.com

АСЭНСАВАННЕ ІДЭЙ «РУХУ 4-ГА МАЯ» Ў ТВОРЧАСЦІ БА ДЗІНЯ

REFLECTION ON THE “MAY FOURTH MOVEMENT”
IDEAS IN BA JIN’S WORKS

Артыкул раскрывае спецыфіку і эвалюцыю асэнсавання ідэй «руху 4-га мая» ў творчасці Ба Дзіня (巴金, 1904–2005). Калі ў творах ранняга перыяду выяўлены бунт супраць традыцыйнай маралі, апантанае змаганне за новыя ідэалы, то пазней пісьменнік пераходзіць да асэнсавання лёсу маленькага чалавека ў складаных гістарычных умовах і выяўляе канфлікт ідэй новага часу і традыцыйнай маралі як фундаментальную праблему акрэсленага перыяду.

Ключавыя словы: *Ба Дзінь*; «*маленькі чалавек*»; «*рух 4-га мая*»; «*рух за новую культуру*»; *топас*; *унутраны маналог*; «*Халодная ноч*».

The article reflects on the specifics and evolution of “May Fourth Movement” ideas in Ba Jin’s (巴金, 1904–2005) works. Whilst the works of the early period express rebellion against traditional morals, passionate battle for the new ideas, in the later period the author moves on to contemplate the fate of a little man put into the complicated historical context and reveals the conflict between new ideas and traditional morals as the fundamental problem of the given period.

Key words: *Ba Jin*; “*Cold Nights*”; *internal monologue*; “*little man*”; “*May Fourth Movement*”; “*The New Culture Movement*”; *topos*.

1920-я гг. ў культуры Кітая характарызуюцца як перыяд пад уплывам «руху 4-га мая» (五四运动 wǔsì yùndòng), які з’яўляецца адной з найбольш значных падзей у гісторыі Кітая XX стагоддзя. 4 мая 1919 г. ў Пекіне адбываецца выступ супраць імперскага і феадальнага ладу за дэмакратызацыю, а таксама супраць 156-га артыкула Парыжскай мірнай дамовы, паводле якога нямецкія канцэсіі ў правінцыі Шаньдун былі перададзеныя Японіі. Палітычныя падзеі адбіліся і на сферы культуры. З 1915 г. адбываецца літаратурная рэвалюцыя, «рух за новую культуру» (新文化运动 xīn wénhuà yùndòng), які маркіруе канец класічнай і пачатак новай літаратуры.

Дадзены рух звязваецца з часопісам «Новая моладзь» (新青年 Xīn qīngnián) і такімі дзеячамі, як Ху Шы (胡适 Hú Shì, 1891–1962), Чэнь Дусёў (陈独秀 Chén Dúxiù, 1879–1942), Лу Сюнь (鲁迅 Lǔ Xùn, 1881–1936).

Перыяд «4-га мая» характарызуецца актыўнай крытыкай канфуцыянскіх ідэй, бо яны ўвасаблялі стары лад, у тым ліку палітычны, і выкарыстоўваліся пры спробах рэстаўрацыі манархіі [1, с. 18]. Юань Мэйцінь вылучае такія рысы новай літаратуры, як ідэалізм, энтузіязм, крэатыўнасць, высокая ступень пачуццёвасці, імпульсіўнасць, выкрыццё сапраўднасці, напоўненасць пачуццямі трылогі, нуды, прыгнечанасці [2, с. 10]. У ідэйным плане новай літаратуры ўласцівыя настроі бунту супраць існага ладу, імкненне да вызвалення, стварэння новага.

Адно з ключавых пытанняў дадзенага перыяду – праблема чалавека і грамадства, асабістай свабоды. У межах канфуцыянства асоба апынаецца абмежаванай, адмова ад асабістых памкненняў нярэдка выступае ўмовай шанавання старэйшых (孝 xiào) [3]. Акрамя таго, сям'я ў кітайскай традыцыйнай культуры непарыўна звязаная з дзяржавай: гэта дзве мадэлі, паводле якіх арганізаванае жыццё чалавека і грамадства. Падчас палітычнага крызісу менавіта сям'я выступае захавальнікам іерархічных адносін, якія пры магчымасці мусяць быць адноўленымі і ў дзяржаве. Пасля падзення імперыі Цін манархічны лад быў пераможаны, аднак маральныя нормы, укараненыя ў сям'і як інстытуце, працягвалі існаваць і ўплываць на тое, як чалавек пазіцыянаваў сябе ў грамадстве [1, с. 18].

Супярэчнасць традыцыі і новых ідэй, кітайскіх уяўленняў і заходніх поглядаў выявілася ў гэты перыяд надзвычай востра. Няпэўнасць, немагчымасць выбару ні аднаго, ні другога акрэсліваюцца даследчыкамі наступным чынам: «Заходняму вучэнню можна верыць, але яго нельга лічыць сваім, кітайскае вучэнне можна лічыць сваім, але яму нельга верыць» (Пераклад з кітайскай тут і далей наш. – М. Я.) [4]; «Розум звернуты да будучыні (на Захад), пачуцці азіраюцца на традыцыю (Кітай)» [5]. У выніку пісьменнікі дадзенага перыяду апынуліся перад невырашальнай супярэчнасцю асобы і сям'і, новага і традыцыі, у сваіх дзеяннях намагаючыся аддаліцца ад старога, але ўнутрана вяртаючыся да яго [6].

Ідэі «4-га мая» выявіліся ў творчасці Ба Дзіня (巴金 Bā Jīn, 1904–2005), класіка кітайскай літаратуры, аднаго з найвядомейшых аўтараў XX ст., які прыйшоў у літаратуру ў 1920-я гг., пісаў кароткую прозу, раманы, эсэ. Паводле Юань Мэйцін, Ба Дзінь з'яўляецца найбольш уплывовым пісьменнікам, на каго паўздзейнічалі акрэсленыя ідэі, што пацвярджаецца і самавызначэннем аўтара: ён называў сябе «дзіцём 4-га мая» (五四的产儿 wǔsì de chǎn'ér) [7].

На постсавецкай прасторы Ба Дзіню прысвечаны шэраг аглядных прац [8; 9; 10]; творчасць пісьменніка даследуецца ў кантэксце гістарычных падзей [11], выступае аб'ектам кампаратыўных даследаванняў кітайскай прозы [12; 13; 14; 15], а таксама пры супастаўленні кітайскай і рускай літаратур [16; 17]. У беларускім літаратуразнаўстве творчасць Ба Дзіня не даследавалася.

Актуальнасць вывучэння творчасці Ба Дзіня ў Беларусі абумоўленая, па-першае, неабходнасцю больш глыбокага разумення кітайскай літаратуры, знаёмства беларускага чытача з кітайскай прозай ХХ ст., што спрыяе развіццю адносін Беларусі і Кітая ў сферы культуры. Па-другое, вывучэнне гістарычнага досведу іншага народа прапануе альтэрнатыўны ракурс разгляду ўласнай гісторыі, спрыяе выяўленню нацыянальных і ўніверсальных спосабаў асэнсавання рэчаіснасці ў літаратуры. Па-трэцяе, разгляд творчасці Ба Дзіня ў кантэксце развіцця кітайскай літаратуры выступае крокам да распрацоўкі тэрміналагічнай базы і метадалогіі даследавання кітайскай прозы.

Мэта дадзенага артыкула – выявіць асаблівасці трансфармацыі ідэй перыяду «4-га мая» ў ранніх і позніх творах Ба Дзіня. У артыкуле праводзіцца сістэматызацыя даследаванняў кітайскіх літаратуразнаўцаў, апублікаваных у апошнія дзесяцігоддзі, што адлюстроўвае сучасны погляд на творчасць пісьменніка.

Кітайскія даследчыкі вылучаюць ранні перыяд творчасці Ба Дзіня, калі тэксты перадаюць ідэі новай літаратуры, і пазнейшы перыяд, калі аўтар перастае пісаць пра сацыяльную барацьбу моладзі, заганы і разбурэнне традыцыйнай сям'і і пачынае надаваць асноўную ўвагу лёсу маленькага чалавека, яго складанаму жыццёваму шляху і супярэчліваму ўнутранаму свету [18, с. 36]. У пазнейшы перыяд Ба Дзінь пазбаўляецца захопленнага ўсхвалення і пераходзіць да больш сталага, асэнсаванага погляду на тагачаснае жыццё [19].

Вывучаючы ідэйную эвалюцыю твораў Ба Дзіня, кітайскія літаратуразнаўцы засяроджваюць увагу ў асноўным на двух знакамітых творах аўтара – раманах «Сям'я» (家 Jiā, 1929) і «Халодная ноч» (寒夜 Hányè, 1947). Юань Мэйцінь называе раман «Сям'я» рэпрэзентатыўным тэкстам для ранняга перыяду творчасці Ба Дзіня [2, с. 10]. У 1930-я гг. фокус творчасці пісьменніка змяшчаецца ў бок ваеннай тэматыкі і лёсу маленькага чалавека, а ў сярэдзіне 40-х гг. Ба Дзінь піша раман «Халодная ноч», які Джэн Сяньцінь характарызуе як «песімістычны, безнадзейны раман» [20].

Гао Дзінь раскрывае змены ў творчасці Ба Дзіня наступным чынам: «Ад надзеі да безнадзейнасці, у творчым мысленні Ба Дзіня адбылася

перамена: гэта больш не натхнёнае імкненне да ранейшых “гераічных ідэалаў”, а асэнсаванне звычайнага жыцця. Створаныя ім героі гэта не імпэтныя маладыя людзі ў пагоні за свабодай і марамі, як Гао Дзюэхуэй, Гао Дзюэмін [героі рамана «Сям’я»], а расчараванае пакаленне Вана Вэньсюаня [герой рамана «Халодная ноч»], людзі сярэдняга ўзросту, якім пад рэальным жыццёвым ціскам застаецца адступіцца ад ідэалаў» [1, с. 18].

Падобны настрой падмацоўваецца і словамі самога Ба Дзіня ў 1946 г.: «Шэсць гадоў таму, калі я ў хуткім часе мусіў паехаць з Шанхая... У той час, хаця я адчуваў абурэнне, я мог разгледзець удалечыні ззянне надзеі. Сёння ў мяне ёсць толькі няпэўнае адчуванне, што мяне ашукалі. Надзея даўно развеялася, быццам дым» [1, с. 18].

Галоўным дасягненнем «руху 4-га мая», значным для культуры, стала вызваленне асобы. Аднак, як у хуткім часе стала відавочна, свабодны чалавек не абаронены ад трагічнага лёсу і мае нават больш падстаў сутыкнуцца з непераадольнымі цяжкасцямі, што выяўляецца ў творчасці Ба Дзіня [1, с. 21].

У рамане «Халодная ноч» характэрныя для эпохі выклікі выяўляюцца праз лёс асобнай сям’і. У цэнтры гісторыі знаходзіцца сям’я – Ван Вэньсюань і яго жонка Дзэн Шушэн, якія жывуць разам з маці Вана Вэньсюаня і маюць сына-падлетка Сяосюаня. Месцам дзеяння выступае горад Чунцін, што засяроджвае ўвагу на гарадскім топасе, праблематыцы, звязанай з жыццём інтэлігенцыі, адукаванай моладзі. Такі акцэнт выяўляецца і ў сістэме персанажаў: як галоўныя, так і другарадныя героі (калегі Вана Вэньсюаня і Дзэн Шушэн) з’яўляюцца прадстаўнікамі тагачаснай гарадской інтэлігенцыі, на прыкладзе якіх раскрываецца становішча маленькага чалавека падчас вайны.

Юань Мэйцінь, гаворачы пра лёс інтэлігенцыі ў рамане «Халодная ноч», звяртаецца да персанажа рамана «Сям’я» і кажа пра перадачу ў творы ўнутраных праблем такіх людзей, як герой рамана Гао Дзюэхуэй, іх трагічнага лёсу, калі праз досвед маленькага чалавека паказваецца глабальная праблема часу [2, с. 14]. Супастаўленне герояў двух раманаў, якія адносяцца да розных перыядаў творчасці, ілюструе эвалюцыю вобразаў персанажаў і іх стаўлення да канфліктаў у сям’і і грамадстве: калі Гао Дзюэхуэй бунтуе, адстойвае свабоду асобы і ў выніку сыходзіць з дому, то Ван Вэньсюань – больш складаны персанаж з больш супярэчлівымі паводзінамі, бо яго ідэалы знаходзяцца ў канфлікце з яго выхаваннем і характарам.

Лінь Кэдзі вылучае ў вобразе галоўнага героя рамана «Халодная ноч» дзве канфліктныя рысы: з аднаго боку, ён прадстаўнік інтэлігенцыі, які

атрымаў сучасную адукацыю, што цягне за сабой прагрэсіўнасць поглядаў; з іншага боку, ён выхаваны ў традыцыйнай кітайскай сям’і, што ў вялікай ступені сфармавала яго маральныя каштоўнасці [21, с. 88]. Ван Вэньсюань – партрэт тагачаснага адукаванага чалавека, які ўспрыняў заходнія ідэі прагрэсіўнасці, навуковасці, рацыянальнасці, але застаўся пасіўным, падатлівым, гатовым заўсёды саступаць, чаго патрабавала ад яго як ад сына традыцыйнага сям’я. Неабходнасць рэалізацыі новых ідэй і вымушанае падпарадкаванне рэальнасці, свабодны шлюб, аддаленне ад сям’і і ў той жа час немагчымасць уладкаваць жыццё матэрыяльна – тыповыя праблемы часу [1, с. 18]. Гао Дзінь падсумоўвае: «Закрываць ці стрываць – у яго [Вана Вэньсюаня] пастаянна адбываецца востры ўнутраны канфлікт» [1, с. 21].

Чэнь Гуоэнь, супастаўляючы «Халодную ноч» з апавяданнем Лу Сюня «Смутак па памерлым» (伤逝Shāngshì, 1925), адзначае ў рамане Ба Дзіня змяшчэнне акцэнта ў вызначэнні прычын трагедыі з асобы на грамадства, з пэўнага стаўлення, характэрнага для інтэлігенцыі, на абставіны, у якіх гэтыя людзі апынуліся [22, с. 89]. Так, трагізм лёсу маленькага чалавека заключаецца шмат у чым у непадуладных абставінах, выяўленых у рамане праз вайну.

Лёс інтэлігенцыі раскрыты ў рамане «Халодная ноч» не толькі праз вобраз Вана Вэньсюаня, але і праз вобраз яго жонкі Дзэн Шушэн. Гао Дзінь называе вызваленне жанчыны меркай сацыяльнага вызвалення ў цэлым, бо дадзеная праблема адначасова з’яўляецца і асабістай, і палітычнай, закранаючы, такім чынам, і канкрэтную сям’ю, і дзяржаву ў цэлым [1, с. 18].

З нагоды тэмы жаночага вызвалення кітайскія даследчыкі адзначаюць ідэйны ўплыў твораў Г. Ібсэна (H. Ibsen, 1828–1906), якія выйшлі па-кітайску падчас «руху за новую культуру» і выклікалі вялікую цікавасць і рэзананс у Кітаі [1, с. 27]. У 1918 г. выйшаў спецыяльны выпуск часопіса «Новая моладзь», прысвечаны Г. Ібсэну, які пазнаёміў кітайскага чытача з творами «Лялечны дом» (Et dukkehjem, 1879) і вобразам Норы. Жанчын, якія не пагаджаліся з існым ладам, хацелі асабістай свабоды, сыходзілі з дому, сталі называць «Норамі», вобраз ператварыўся ў сімвал вызвалення жанчыны і асобы наогул. Аднак кітайскіх пісьменнікаў цікавіла пытанне, што адбылося з Норай далей, якое для кітайскага кантэксту, улічваючы ўкараненасць традыцыйных поглядаў на сям’ю, было надзвычай вострым [1, с. 27]. Так, у 1923 г. Лу Сюнь выступае ў Пекінскім жаночым педагагічным універсітэце з прамовай «Што адбылося з Норай пасля сыходу» (娜拉走后怎样 Nuólā zǒuhòu zěnyàng), у якой падымае пытанне адсутнасці для жанчыны рэальных магчымасцей развіцця ў грамадстве, што пакідае адзіны выбар – або вярнуцца ў сям’ю старога ўзору, або загінуць. Адною

з прычын такога стану грамадства Лу Сюнь называе «дрэнную памяць» – схільнасць людзей забываць былыя памылкі і адсутнасць асэнсавання мінулага [23].

Гао Дзінь звяртае ўвагу на тое, як праблема вызвалення жанчыны развіваецца ў рамане «Халодная ноч»: у творы выяўляюцца цяжкасці, з якімі даводзіцца сутыкнуцца галоўнай гераіні. Ба Дзінь працягвае раскрываць гэтую тэму як адну з цэнтральных для перыяду, але прапануе больш праблемны погляд на сітуацыю, паказваючы, што вызваленне – гэта не момант, а складаны і доўгі шлях [1, с. 28–29].

Гаворачы пра вобраз галоўнай гераіні рамана «Халодная ноч», Мао Сыці адзначае такія рысы жанчыны новай эпохі, як імкненне да асабістага шчасця і свабоды, аднак канфлікт заключаецца ў тым, што дзеля дасягнення мэты яна мусіць карыстацца сродкамі, якія супярэчаць яе адукацыі і прынцыпам. Так, адзіным шляхам для Дзэн Шушэн застаецца быць «упрыгожаннем» побач з мужчынам, што вяртае яе да падпарадкаванай ролі, хоць і змененай, ілюструючы адыход ад ідэалаў свабоды і незалежнасці, пастуляваных «рухам 4 мая», на карысць адноснага матэрыяльнага дабрабыту [18, с. 36].

Разрыў новых поглядаў з традыцыяй выявіўся ў сутыкненні асобы і сям'і. Тэму сям'і ў акрэслены перыяд раскрывалі такія аўтары, як Лу Сюнь, Джан Айлін (张爱玲 Zhāng Àilíng, 1920–1995), Бін Сінь (冰心 Bīng Xīn, 1900–1999), Сю Дышань (许地山 Xǔ Dìshān, 1893–1941), Лі Дзежэнь (李劫人 Lǐ Jiérén, 1891–1962), чые творы былі прысвечаныя праблемам адносін бацькоў і дзяцей у межах традыцыйнай сям'і, жорсткасці і заняпаду сямейнага ладу, крытыцы традыцыйнага мыслення, крызісу сям'і пад уплывам ідэй «4-га мая» [2, с. 14]. Раманы Ба Дзіня «Сям'я», «Вясна» (春 Chūn, 1938) і «Восень» (秋 Qiū, 1940), якія складаюць трылогію «Імклівая плынь» (激流三部曲 Jīliú sānbùqǔ), выступаюць аднымі з найбольш значных твораў дадзенага перыяду, прысвечаных тэме сям'і. У 1940-я гг., калі Ба Дзінь піша раман «Халодная ноч», тэма сям'і застаецца надзвычай папулярнай, з'яўляецца шэраг новых тэкстаў такіх аўтараў, як Лао Шэ (老舍 Lǎo Shě, 1899–1966), Ван Сіян (王西彦 Wáng Xīyàn, 1914–1999), Дзінь І (靳以 Jìn Yǐ, 1909–1959), Шы Туо (师陀 Shī Tuó, 1910–1988), Дуанму Хунлян (端木蕻良 Duānmù Hóngliáng, 1912–1996), Джао Шулі (赵树理 Zhào Shùlǐ, 1906–1970) [2, с. 14].

Гао Дзінь акрэслівае змены ў стаўленні да сям'і ў творчасці Ба Дзіня як паступовы пераход ад бунту, сыходу з дому да разбурэння сям'і, асэнсавання гэтага працэсу і, нарэшце, да вяртання ў сям'ю, яе прыняцця [1, с. 18]. Асаблівае значэнне тут мае раман «Халодная ноч», дзе аўтар

пераасэнсоўвае ідэі «руху 4-га мая». Даследчык адзначае: «“Сям’я” сімвалізавала адміранне старога і нараджэнне новага, але тады, калі пішацца “Халодная ноч”, развіццё новага ідзе зусім не паспяхова і нават вядзе да гібелі» [1, с. 18]. Прычынай такіх зменаў называецца гістарычны кантэкст эпохі.

Сутыкненне розных культур, асабістага і сацыяльнага ператвараецца ў тэксце ў рухальнік сюжэта, калі канфлікт паміж ідэйна рознымі героямі змяшчаецца ў цэнтры твора [1, с. 20]. Канфлікт асобы і сям’і выяўляецца ў праблеме захавання гонару. Рэпутацыя ў межах канфуцыянскай маралі мела для чалавека і сям’і крытычнае значэнне, таму ў любых абставінах важна было захаваць твар, што часта рабілася за кошт ахвяравання асабістымі каштоўнасцямі і ігнаравання ўласных перажыванняў. Такі погляд падкрэслівае ролю чужога меркавання для самавызначэння чалавека, выводзячы стаўленне іншых на адну з цэнтральных пазіцый у пошуку чалавекам месца ў грамадстве. У рамане «Халодная ноч» падатлівы, памяркоўны, лагодны характар Вана Вэньсюаня выяўляецца ў няздольнасці героя дзейнічаць паводле ўласных жаданняў: Ван Вэньсюань хоча выбачыцца перад жонкай, але не робіць гэтага, каб не злаваць маці, ці, наадварот, хоча абараніць маці, але не хоча крыўдзіць жонку [1, с. 21].

Галоўны герой пастаянна хоча нешта сказаць і не кажа, хоча зрабіць і не робіць, што перадае ўнутраную супярэчнасць. Фармальным выяўленнем немагчымасці выказацца выступаюць такія прыёмы, як унутраны маналог і эпістальярныя ўстаўкі. Будучы не ў стане гаварыць і дзейнічаць, герой замыкаецца ў прасторы ўласных рэакцый і разваг: 他想：进去找她讲话罢？——不好，说不定会把事情弄糟。那么回书店去，等着另一个机会，再找她谈话罢。——不好，他放不下心 Ён [Ван Вэньсюань] думае: Зайсці і пагаварыць з ёй [Дзэн Шушэн]? – Кепска, можа быць, стане толькі горш. Тады вярнуцца ў тыпаграфію і пачакаць іншага шанцу, паспрабаваць пагаварыць з ёй пазней. – Кепска, ён не можа супакоіцца’ [24].

Лісты герояў выступаюць кампазіцыйнай асаблівасцю апошніх раздзелаў твора, калі Ван Вэньсюань і Дзэн Шушэн, разлучаныя адлегласцю, маюць яшчэ менш магчымасцей для размовы, што чарговы раз падкрэслівае канфлікт і адсутнасць паразумення паміж персанажамі: 他又盼望着第三封信，他相信它一定比第二封信长。过了一个星期，第三封信到了。它却是一封很短的信 ‘Ён [Ван Вэньсюань] нецярпліва чакаў трэцяга ліста, ён быў перакананы, што гэты ліст будзе даўжэйшы за другі. Мінуў тыдзень, прыйшоў трэці ліст. Але ён быў вельмі кароткім’ [Там жа].

Канфлікт асобы і сям'і істотна ўскладняецца сацыяльнымі цяжкасцямі, якія прыносяць вайна. Пасля нападу японскіх войскаў многім людзям давялося ўцякаць у іншыя гарады (такі лёс спасцігнуў і самога Ба Дзіня), што прывяло да страты звыклага асяродку і знішчэння адносна спакойных умоў, неабходных для развіцця культуры. Адукаваная моладзь ператварылася ў нікому не патрэбных, лішніх людзей, што Ба Дзінь выяўляе ў «Халоднай ночы» [1, с. 24]. Так, марай герояў было стварэнне сваёй навучальнай установы, што, відавочна, стала немагчымым ва ўмовах вайны, пазбавіла Вана Вэньсюаня і Дзэн Шушэн вялікай часткі таго, што трымала іх разам, і ў рэшце рэшт прывяло да разбурэння сям'і [24]. Ідэйны канфлікт абумоўлівае асабістыя супярэчнасці паміж героямі, што надае твору зместава-фармальную цэласнасць, калі характэрная для эпохі праблематыка выяўляецца ў сюжэтай дынаміцы рамана.

Паводле даследчыка Ся Джыціна, лёс герояў «Халоднай ночы» не толькі раскрывае лёс чалавека ў надзвычай складаны для Кітая перыяд, але, шырэй, паказвае непераадольныя маральныя цяжкасці, з якімі сутыкаецца звычайны чалавек, які застаецца сумленным [25]. Такі сюжэты ход, як смерць героя ў дзень завяршэння вайны, змяняе разуменне абставін як крыніцы пакутаў. Вайна з усімі яе наступствамі бачыцца як фактар пагаршэння сітуацыі, але не як першасная прычына катастрофы, якую варта шукаць у грамадстве ў цэлым – у праблеме сутыкнення традыцыі і новых ідэй [25, с. 88]. Трагедыя дадзенага перыяду заключаецца ў тым, што «рух 4-га мая» пры ўсёй прагрэсіўнасці ідэй не здолеў сфармаваць рэальных падстаў для развіцця грамадства, выявіў канфлікт паміж традыцыйнай і новай культурай, вырашэнне якога патрабавала не рэзкага адмаўлення былога, а больш глыбокай рэфлексіі і пошуку больш трывалага апірышча.

Такім чынам, у 1920-я гг. ў Кітаі панавалі ідэі «руху 4-га мая», «руху за новую культуру», якія выявіліся ў творчасці Ба Дзіня. Ранні перыяд творчасці пісьменніка характарызуецца выяўленнем бунту супраць старога ладу, надзеі моладзі на хуткія змены ў грамадстве і веры ў абсалютную каштоўнасць асабістай свабоды. Пад уплывам складанай сацыяльна-эканамічнай сітуацыі ў Кітаі, якая пагоршылася з пачаткам вайны, у творах Ба Дзіня з'яўляецца няпэўнасць, расчараванне ў прагрэсіўных ідэях, трагізм лёсу інтэлігенцыі, якая была носбітам новых поглядаў. Ба Дзінь пераасэнсоўвае ідэі «руху 4-га мая», пераходзячы ад захаплення прагрэсіўнымі ідэямі да асэнсавання доўгага шляху да фармавання новага грамадства, ускладненага глыбокім канфліктам паміж сучаснымі каштоўнасцямі і традыцыйнай мараллю.

ЛИТАРАТУРА

1. 高谨 从《寒夜》婆媳关系看巴金对五四精神的反思 (Гао Дзінъ. Погляд на асэнсаванне Ба Дзінем ідэй «4-га мая» праз адносiны свекрывi і нявесткi ў «Халоднай ночы») / 高谨. – 四川师范大学, 2014. – 42页.
2. 袁美勤 论巴金30–40年代创作转向 (Юань Мэйцінь. Пра змену кірунку ў творчасці Ба Дзіня 30–40 гадоў) / 袁美勤. – 苏州大学, 2006. – 42页.
3. 李大钊 由经济上解释中国近代思想变动的的原因 (Лі Даджао. Тлумачэнне прычын змен у сучасным кітайскім мысленні з эканамічнага гледзішча) / 李大钊. – 新青年, 1920. – 第7 (2)期. – 48页.
4. 谭桂林 论中国现代文学的漂泊母题 (Тань Гуэйлінь. Пра тэму блукання як галоўную тэму сучаснай кітайскай літаратуры) / 谭桂林. – 中国社会科学, 1998. – 第2期. – 146页.
5. 李泽厚 中国现代思想史论 (Лі Дзэхоу. Гістарычнае эсэ «Сучаснае кітайскае мысленне») / 李泽厚. – 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2008. – 13页.
6. 李永东 颓败的家族——家族小说的文化与叙事研究 (Лі Юндун. Заняпалая сям'я – Культурны і наратыўны аналіз сямейнага рамана) / 李永东. – 上海: 生活·读书·新知三联书店, 2011. – 2页.
7. 辜也平 传统叙事母题的现代意义——《寒夜》人物论 (Гу Епін. Сучасны сэнс галоўнай тэмы традыцыйнага аповеду – Аналіз персанажаў «Халоднай ночы») / 辜也平. – 中国现代文学研究丛刊, 1998. – 第1期.
8. 巴 Цзинь: Роль писателя в китайском обществе // Проблемы литературы Дальнего Востока: Сб. материалов Междунар. науч. конф., [посвящ. столетию Ба Цзиня]. – СПб., 2004. – С. 6–43.
9. Желуховцев, А. Н. Ба Цзинь: писатель-патриот / А. Н. Желуховцев // Проблемы Дальнего Востока. – 1983. – № 4. – С. 139–148.
10. Никольская, Л. А. Ба Цзинь (очерк творчества) / Л. А. Никольская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 102 с.
11. Делюсин, Л. П. Ба Цзинь и «культурная революция» / Л. П. Делюсин // XXVII НК ОГК. – 1996. – С. 147–159.
12. Коробова, А. Н. Эволюция творчества Фэн Цицзя: от остроконфликтных сюжетов к «прозе родного города»: дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / А. Н. Коробова. – СПб., 2009. – 208 л.
13. Никитина, А. А. Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века: дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / А. А. Никитина. – СПб., 2017. – 406 л.
14. Родионов, А. А. Национальный характер китайцев в творчестве Лао Шэ: дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / А. А. Родионов. – СПб., 2001. – 331 л.

15. Трунова, А. С. Влияние классического романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» (XVIII в.) на литературный процесс современного Китая : дис. ... канд. фил. наук : 10.01.03 / А. С. Трунова. – М., 2017. – 391 л.
16. Гао Ман Ба Цзинь и русская литература / Гао Ман // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 5. – С. 147–155.
17. У Хао. Поетика пейзажу в російській і китайській прозі першої третини ХХ століття (на матеріалі творів А. П. Чехова, І. О. Буніна, Лао Ше і Ба Цзіня) : автореф. дис. ... канд. філ. наук : 10.01.05 / У Хао ; Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського. – Сімферополь, 2007. – 20 с.
18. 毛斯琪《寒夜》对《五四》精神的疏离 (Мао Сыці. Адыход ад настрояў «4-га мая» ў «Халоднай ночы») / 毛斯琪 // 文学教育. – 武汉市 : 长江文艺出版社, 2019. – 第2期. – 36–37页.
19. 钱理群, 温儒敏, 吴福辉. 中国现代文学三十年 (修订本) (Цень Ліцзюнь, Вэнь Жумінь, Ву Фухуэй. Трыццаць гадоў сучаснай кітайскай літаратуры (выпраўленае выданне)) / 钱理群, 温儒敏, 吴福辉. – 北京 : 北京大学出版社, 1998. – 205页.
20. 郑献芹 发人深思的爱情悲剧——读《寒夜》 (Джэн Сяньцінь. Трагедыя каханья, якая вымушае задумацца – чытаючы «Халодную ноч») / 郑献芹. – 殷都学刊, 1993. – 第1期.
21. 林科吉 家的破亡与中国现代知识者的窘困——读巴金《寒夜》 (Лінь Кэдзі. Разбурэнне сям'і і цяжкасці сучаснай кітайскай інтэлігенцыі – чытаючы «Халодную ноч» Ба Дзіня) / 林科吉 // 渝西学院学报. – 重庆 : 2002. – 第4期. – 86–90页.
22. 陈国恩 伦理革命的困境和传统文化的绵延——从鲁迅的《伤逝》到巴金的《寒夜》 (Чэнь Гуоэнь. Цяжкасці маральнай рэвалюцыі і непарарыўнасць традыцыйнай культуры – ад «Смутку па памерлым» Лу Сюня да «Халоднай ночы» Ба Дзіня) / 陈国恩 // 贵州社会科学. – 2010. – 第3期. – 85–90页.
23. 鲁迅 娜拉走后怎样 (Лу Сюнь. Што адбылося з Норай пасля сыходу) [Электронны рэсурс] / 鲁迅. – Рэжым доступу: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1731664131904686022&wfr=spider&for=pc>. – Дата доступу: 10.12.2023.
24. 巴金 寒夜 (Ба Дзінь. Халодная ноч) [Электронны рэсурс] / 巴金. – Рэжым доступу: <https://www.pscun.cc/xs/19/19701>. – Дата доступу: 14.12.2023.
25. 夏志清 中国现代小说史 (Ся Джыцін. Гісторыя сучаснай кітайскай апавядальнай прозы) / 夏志清. – 桂林 : 广西师范大学出版社, 2014. – 278页.

Поступила в редакцию 29.03.2024

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 4 (131), 2024

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Т. М. Нехай*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 20.08.2024. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Ризография. Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 8,49. Тираж 100 экз. Заказ 27.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172